

МВ и ССО РСФСР

УРАЛЬСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ПЕЧАТИ

СВЕРДЛОВСК
1974

Печатается по постановлению редакционно-издательского
совета Уральского ордена Трудового Красного Знамени госу-
дарственного университета имени А. М. Горького

РЕДКОЛЛЕГИЯ: А. И. Кура сов. (ответственный редак-
тор), В. В. Кельник, В. А. Павлов

А. И. КУРАСОВ

В ОДНОМ РЯДУ С ЛЕНИНСКОЙ «ИСКРОЙ»

Первые годы XX столетия явились переломным периодом в истории России и истории нашей партии. Они характеризуются непримиримой борьбой между трудом и капиталом, назреванием в России народной революции, во главе которой шел пролетариат. «Надвигалась новая эпоха — эпоха крушения капитализма, гигантских классовых битв и социальных революций пролетариата, пробуждения и подъема освободительной борьбы на огромной периферии капиталистического мира, в его колониях и полуколониях»¹.

Начало XX столетия было также периодом ликвидации организационного разброда и идейных шатаний в рядах российской социал-демократии и завершения создания революционной марксистской партии в России. С полным основанием мы можем назвать его ленинско-искровским периодом в истории нашей партии.

Мировой экономический кризис 1900—1903 гг., порожденный анархией капиталистического производства, в России проявился особенно резко и остро. За годы кризиса закрылось свыше трех тысяч фабрик и заводов, на которых было занято 112 тысяч рабочих². Шло массовое разорение города и деревни. Многие промышленные предприятия переходили на неполную рабочую неделю. Вместе с тем быстро росла концентрация производства, увеличивались прибыли монополистов.

В годы кризиса проходило дальнейшее ухудшение и без того невыносимо тяжелого положения трудящихся. Рабочий день на фабриках и заводах непрерывно рос, а заработная плата неуклонно падала. Основная масса крестьянства находилась в кабальной зависимости от помещиков, разорялась, обезземеливалась. Крестьяне уходили в город, где, за бесценок продавая свою рабочую силу, пополняли армию безработных.

Особенно тяжело кризис отразился на уральской промышленности. Здесь он носил затяжной характер: производство сокращалось не только во время всеобщего кризиса 1900—1903 гг., но и в последующие годы. Причина тому — общая технико-экономическая от-

¹ История Коммунистической партии Советского Союза, т. 1. М., 1967, стр. 341.

² Там же, стр. 347.

сталость Урала. Кризис в первую очередь поразил горнозаводскую промышленность, основанную на полукрепостнической эксплуатации рабочих и крестьян, а вслед за ней — и фабрично-заводское производство.

На Урале, как и повсюду, в годы кризиса проходило сокращение числа рабочих. Только с предприятий горнозаводской промышленности было выброшено на улицу 43 тысячи рабочих³. Уральские промышленники усиленно внедряли скрытую форму безработицы — «гулевые дни», доведя занятость рабочих на некоторых предприятиях до 15—7 дней в месяц, широко применяли низкооплачиваемый женский и детский труд. Зарботная плата рабочих систематически снижалась, на ряде заводов она уменьшилась в три раза.

В годы кризиса в уральскую промышленность также усиленно проникал акционерный капитал, что вело к концентрации производства, а следовательно, и к концентрации пролетариата на крупных предприятиях.

Резкое ухудшение положения трудящихся привело к усилению революционного движения в стране. Оно поднялось на новую, более высокую ступень. В борьбу наряду с рабочими включалось крестьянство, революционно настроенная молодежь, расширялось национально-освободительное движение. «Мы переживаем бурные времена, — писал В. И. Ленин, — когда история России шагает вперед семимильными шагами, каждый год значит иногда более, чем десятилетия мирных периодов. Подводятся итоги полустолетию пореформенной эпохи, закладываются камни для социально-политических построек, которые будут долго-долго определять судьбы всей страны»⁴.

Впереди борющихся шел пролетариат. От разрозненных экономических стачек, направленных против своих непосредственных угнетателей, рабочие переходили к стачкам политическим, которые нередко перерастали в демонстрации. Если в 1901 г. политические стачки составляли лишь 22,1 процента ко всем проходившим в то время стачкам, то в 1903 г. — уже 53,2 процента⁵. Основными требованиями рабочих становятся политические требования, в том числе и лозунг «Долой царское самодержавие!» Именно в этот период «пролетариат впервые противопоставляет себя, как класс, всем остальным классам и царскому правительству»⁶.

Вслед за пролетариатом Центрального и Южного промышленных районов в революционную борьбу включались и уральские рабочие. Она также приобретала массовый характер. Так, за 1890—1899 гг. на Урале произошло 57 стачек, а за 5 лет (1900—1904 гг.) — 41 стачка, причем число бастующих возросло с 17 до

³ Очерки истории коммунистических организаций Урала, т. 1. Свердловск, 1971, стр. 38.

⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 377.

⁵ История Коммунистической партии Советского Союза, т. 1, стр. 357.

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 251.

25 тысяч человек⁷. По сравнению с 90-ми годами XIX в. количество рабочих в каждой стачке увеличилось почти вдвое, достигнув 710 человек⁸.

Правда, борьба рабочих на Урале проходила не везде одинаково. На устаревших заводах, например, где было сравнительно небольшое количество рабочих и где крепостнические пережитки проявлялись особенно сильно, выступления носили чаще всего стихийный, а нередко и мелкобуржуазный, анархический характер. Они сводились в основном к протестам против произвола отдельных представителей администрации.

Совершенно иной характер носила борьба рабочих на крупных предприятиях, где были сосредоточены огромные массы рабочих, причем более зрелых в политическом отношении. Стачки и забастовки на этих заводах отличались массовостью и организованностью и были направлены, как правило, не только против владельцев и администрации предприятий, но и против всего существующего строя. Такими выступлениями рабочих в годы экономического кризиса являлись стачки на крупнейших уральских заводах — Мотовилихинском, Златоустовском, Воткинском, Добрянском, Белорецком и др.

Под влиянием усиливающегося рабочего движения¹ на борьбу поднималось и уральское крестьянство. Крестьяне захватывали помещичьи и заводские земли и луга, вырубали леса, отказывались вносить арендную плату. Нередко рабочие оказывали крестьянам поддержку и даже выступали вместе с ними. Все говорило о том, что крестьяне втягивались в общую борьбу и что в деревню начала проникать революционная пропаганда.

Возглавить движение рабочих и крестьян, повести их в революцию могла лишь крепкая социал-демократическая партия, вооруженная передовой марксистской теорией. Однако I съезд РСДРП не создал партии. Социал-демократические организации по-прежнему оставались разрозненными, не имели руководящего центра. У них не было программы и устава, в своей работе они не придерживались единой тактики. Более того, в рядах российской социал-демократии после съезда усилились идейные шатания и организационный разброд, возросло влияние оппортунистических элементов и прежде всего «экономистов».

Не лучшим было положение социал-демократического движения и на Урале. Правда, в некоторых уральских городах существовали революционные социал-демократические организации, но они были чрезвычайно слабыми, малочисленными, оторванными друг от друга. А в большинстве городов их или не было совсем, или действовали лишь революционеры-одиночки.

Сложившиеся на Урале в конце 90-х годов прошлого века со-

⁷ Очерки истории коммунистических организаций Урала, т. 1, стр. 41.

⁸ Ф. Быстрых. Второй съезд РСДРП и большевики Урала. Свердловск, 1963, стр. 30.

циал-демократические группы делали лишь первые робкие шаги на пути соединения социализма с рабочим движением. Но они, не успев идейно и организационно окрепнуть, вступили в полосу идейного разброда и политических шатаний. Их теоретический уровень был еще невысок. Нахлынувшая в социал-демократические организации интеллигенция и мелкобуржуазная молодежь, воспитанная главным образом на литературе легальных марксистов, нередко вообще имела самое смутное представление о теории научного социализма. Многие из местных социал-демократов придерживались оппортунистических идей «экономизма». Не случайно поэтому первой и единственной в тот период печатной продукцией уральских социал-демократов оказался сборник статей «Пролетарская борьба», в котором нашли яркое выражение реформистские взгляды «экономистов». Авторы статей сборника отрицали необходимость буржуазно-демократической революции, выступили против создания политической партии пролетариата. Вот почему В. И. Ленин поставил этот сборник в один ряд с такой откровенно оппортунистической газетой, какой была «Рабочая мысль»⁹.

Прибывшие на Урал в 1900—1901 гг. политические ссыльные в большинстве своем держались эсеровской ориентации. И, как справедливо отмечает Ф. П. Быстрых, «мелкобуржуазная социальная природа и враждебность к теории научного социализма привели «экономистов» к организационному слиянию с мелкобуржуазной эсеровской организацией и признанию террора как средства борьбы»¹⁰.

Так на Урале в 1901 г. возникла объединенная оппортунистическая организация под названием «Уральский союз социал-демократов и социалистов-революционеров», который, по выражению ленинской «Искры», был «третьей фракцией в партии»¹¹.

Что же представляло собой это странное, на первый взгляд, «сожительство» социал-демократов и социалистов-революционеров?

«Уральский союз» был создан по инициативе эсеров. Приезд на Урал в 1901 г. видных эсеров Е. К. Брешко-Брешковской и Г. А. Гершуни, а также «идейного столпа народничества» Н. М. Михайловского ускорил образование этого «Союза».

Между «экономистами» и эсерами была не случайная связь, а «общий корень: это именно... *преклонение пред стихийностью*»¹². И действительно, это был союз людей, с одной стороны, сводящих политическую борьбу до борьбы тред-юнионистской, экономической, поддерживающих стихийное движение масс, с другой стороны, — людей революционной фразы, преклонявшихся перед выступлениями героев-одиночек.

Были и свои, местные, причины для такого объединения. «Они скрывались в общей социально-экономической отсталости Урала,

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 105.

¹⁰ Ф. Быстрых. Второй съезд РСДРП и большевики Урала, стр. 39.

¹¹ «Искра», 1902, 1 июня.

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 75.

слабой дифференциации классовых сил и старой традиции сотрудничества с народниками, начало которой было положено «Уральским рабочим союзом»¹³. Возникновение экономистско-эсеровского «Союза» свидетельствовало о глубоком кризисе в рядах уральской социал-демократии. «Союз» нанес огромный вред развитию подлинно революционного рабочего и социал-демократического движения на Урале, отрывал революционных социал-демократов и передовых рабочих от ленинско-искровского направления в рядах российской социал-демократии, от складывавшейся партии.

«Уральский союз» не был монолитной организацией. И хотя его комитеты и группы существовали во всех крупных городах Урала (Перми, Уфе, Екатеринбурге, Златоусте, Нижнем Тагиле, Алапаевске и др.), а также на большинстве заводов, он не имел даже руководящего центра. Каждая группа действовала сама по себе.

Практическая деятельность «Уральского союза» не отличалась активностью. Он не только не руководил рабочим движением, а плелся в хвосте его, был слабо связан с рабочими. Он погряз в мелких делах и не был в состоянии организовать рабочих на массовую революционную борьбу, на решительный протест против злодеяний царизма. Вот как об этом писала «Искра»: «Уральский союз», который на Среднем Урале (Екатеринбургский округ) пока действует один, явно показал свою неспособность быть во главе движения... Он... не в состоянии был хоть как-нибудь использовать алапаевское дело. Суд над алапаевскими рабочими, михайловская стачка, златоустовское вооруженное столкновение и другие уральские события... — все это волновало здешних рабочих, звало на агитацию, — и ни на что не отозвался «Уральский союз»¹⁴.

Таким образом, «Уральский союз социал-демократов и социалистов-революционеров» ни в идейном, ни в организационном отношении не был самостоятельной организацией. Чувствуя свою неспособность, оторванность от рабочего движения, неспособность руководить им, «Союз» сосредоточил все внимание на выпуске нелегальной литературы. Следует отметить, что в постановке издательской деятельности группы «Союза» достигли больших успехов. Хотя они и не сумели организовать свою подпольную типографию, у них было немало гектографов и mimeографов. В технике гектографирования они достигли для того времени большого совершенства. Кроме массы листовок и прокламаций, они выпускали брошюры, сборники революционных песен и даже периодические издания.

Своими нелегальными изданиями «Союз» буквально наводнил весь Урал. Они распространялись повсюду: в городах, рабочих поселках, на фабриках и заводах, в рудниках, деревнях и селах. Листовки разбрасывались на площадях и улицах, в заводских дво-

¹³ Большевики. Екатеринбург в главе масс. Свердловск, 1962, стр. 30.

¹⁴ «Искра», 1903, 15 апреля.

рах и цехах, расклеивались на стенах частных домов и учреждений, на заборах, раскладывались на станках, передавались непосредственно в руки рабочих, посылались в конвертах и т. д.

Большого размаха достигла издательская деятельность Екатеринбургского комитета Восточной группы «Уральского союза социал-демократов и социалистов-революционеров». Менее чем за полтора года он издал 13 брошюр, 17 номеров периодического «Уральского летучего листка», 6 номеров журнала «Екатеринбургский учащийся», 1 номер газеты «Хроника» и большое количество листовок и прокламаций как общего характера, так и обращенных непосредственно к рабочим отдельных фабрик и заводов.

Комитет имел несколько складов нелегальной литературы. Так, при обыске в квартире П. И. Швалько и Е. Ф. Вяткиной, где, как доносила полиция, «происходило составление, воспроизведение и хранение преступной литературы»¹⁵, было обнаружено 4 гектографа, мимеограф и принадлежности к нему, приборы для гравирования и брошюрования, чистая бумага. Полицией было изъято 74 наименования листовок, брошюр и периодических изданий¹⁶.

Большое количество литературы было также обнаружено при обыске в квартирах Медведевых¹⁷, Стрижевых¹⁸, Блиновских¹⁹ и некоторых других членов комитета. А при аресте комитета Восточной группы «Союза» в ночь на 25 мая 1903 г. полиция обнаружила 6 гектографов, мимеограф, печатные и переплетные принадлежности, склад литературы весом около 3 пудов, 61 наименование, в том числе 26 печатных изданий, всего 1155 экземпляров²⁰.

Среди отобранной литературы преобладали издания экономистского и эсеровского содержания («Рабочая мысль», «Рабочее знамя», «Революционная Россия», «Свобода», листки «Партии социалистов-революционеров», «Народное дело», «Революционные профилы», «Народный герой», «Дело Василия Киселева» и многие другие)²¹. При обысках в руки полиции попали также и некоторые подлинно революционные издания: номера «Искры», «Зари», «С.-Петербургский рабочий листок»²².

Из заключения и. д. прокурора Казанской судебной палаты видно, что в написании и распространении «преступных воззваний» участвовали многие члены «Союза», но главным образом члены комитета — Медведевы, Клещевы, Тарасов, сестры Стрижевы, Долгорукая, Бушуева, Киснемский, Вяткина, Швалько, которые руководили в г. Екатеринбурге, уезде и Камышловском уезде среди заводских рабочих и сельского населения пропагандой... для

¹⁵ Свердловский партийный архив (СПА), ф. 41, оп. 1, д. 85, л. 3.

¹⁶ Там же, д. 42, л. 45—46.

¹⁷ Там же, д. 133, л. 4—17.

¹⁸ Там же, д. 42, л. 44—45.

¹⁹ Там же, л. 57.

²⁰ Там же, д. 100—101.

²¹ Там же, д. 64, л. 4—9; д. 42, л. 45—46.

²² Там же, д. 133, л. 4—17.

чего приобретали разные печатные подпольные издания, воспроизводили гектографическим способом возмутительного содержания брошюры и прокламации, которые деятельно распространяли как сами, так и при посредстве других лиц»²³.

В распространении нелегальных изданий полиция подозревала также некоторых учеников Уральского горного училища, отдельных рабочих ВИЗа, фабрики Макаровых, конфетной фабрики и других предприятий²⁴.

Довольно значительной была издательская деятельность и Пермского комитета «Уральского союза социал-демократов и социалистов-революционеров», в котором преобладали «экономистские» влияния. За время своего существования он выпустил свыше 30 наименований листовок, прокламаций и обращений к рабочим. Кроме того, комитет издавал свою газету — «Уральский листок». Она печаталась на гектографе на 12—24 страницах небольшого формата. Всего вышло 14 номеров.

В большом количестве нелегальная литература издавалась и в Уфе. Местный комитет «Уральского союза», кроме листовок и брошюр, наладил выпуск периодического издания — «Уральский революционный листок». У Уфимского комитета была даже своя подпольная типография, которая позднее перешла в руки Уфимского комитета РСДРП.

Литература «Союза» печаталась местными группами в Алапеевке, Н. Тагиле, Златоусте, Чермозе, Красноуфимске и других городах.

Конечно, эта огромная масса литературы, расходясь по городам и селам, фабрикам и заводам и попадая в руки рабочих, крестьян, интеллигенции, не могла не оказать определенного воздействия. Своими изданиями «Союз» вносил идейный разброд и организационную неразбериху в социал-демократическое движение, разрушал еще не окрепшие силы местных революционеров.

В листовках, прокламациях, брошюрах и периодических изданиях, как в зеркале, отражены оппортунистические идеи и тактика «экономистов» и эсеров, входивших в «Союз». Поэтому комитеты, отдельные группы и организации «Союза» делали все, чтобы их издания доходили до трудящихся масс, были восприняты ими. Об этом ярко свидетельствует та забота, которая проявлялась комитетами об улучшении своих изданий. Так, Екатеринбургский комитет большое внимание уделял совершенствованию техники гектографирования. Кроме постоянно действующих гектографов и mimeографов, он имел и запасные, всегда готовые к работе. Комитет располагал несколькими хорошими переписчиками и рисовальщиками, принадлежностями и инструментами для гравирования, запасами различных сортов бумаги. Каждое издание он стремился сделать доходчивым, легко воспринимаемым даже малограмотным

²³ СПА, ф. 41, оп. 1, д. 42, л. 80.

²⁴ Там же, д. 18, л. 103; д. 73, л. 13, 20.

читателем, внешне привлекательным. Листовки и особенно брошюры украшались виньетками, рамками, рисунками, а обложки делались из хорошей цветной бумаги. Большинство изданий имело четко и красиво написанный текст, хорошие оттиски. Заголовки листков, брошюр и материалов в периодических изданиях, как правило, отличались простотой и ясностью. То есть делалось все возможное, чтобы привлечь к изданиям внимание читателей, оказать на них свое воздействие.

Если говорить о каких-то положительных сторонах издаваемой комитетами «Союза» литературы, то можно отметить одно: она, будоражила рабочих, заставляя их задумываться о своей тяжелой жизни, невыносимом рабском труде. Но и только! Вред же, приносимый ею, не идет ни в какое сравнение с видимостью пользы.

В самом деле, эта литература несла в массы оппортунистические идеи, тормозила развитие рабочего и социал-демократического движения на Урале, затуманивала сознание трудящихся, направляла их на ложный путь борьбы. Она была сильным тормозом на пути объединения и организации подлинно революционных сил на всем громадном пространстве рабочего Урала.

О чем же писали в своих изданиях «экономисты» и эсеры из «Уральского союза социал-демократов и социалистов-революционеров»?

Большинство изданий «Союза» было рассчитано на малосознательного читателя, слабо подготовленного в политическом отношении. В них писалось поэтому в основном о том, что непосредственно волновало рабочих (грубое обращение мастеров и хозяев фабрик и заводов, низкая заработная плата и длинный рабочий день, тяжелая жизнь, невыносимые условия труда и быта и т. д.). Как правило, они кончались призывами к борьбе с угнетателями — хозяевами предприятий и администрацией, за прибавку «копейки на рубль», улучшение условий труда и быта, сокращение рабочего дня и т. п.

Об этом свидетельствуют, например, листовки пермских социал-демократов, выпущенные еще до присоединения их к «Уральскому союзу»: «К пермским рабочим», «С новым годом, товарищи!», обращение к рабочим Добрянского завода, а также листки, выходявшие за подписью «Уральского союза социал-демократов и социалистов-революционеров» — «К рабочим», «К мотовилихинским рабочим», большинство «Уральских листков», которые, как правило, не поднимались выше фабричных обличений. Вот как, например, начинается листовка-обращение к добрянским рабочим: «Наши рабочие, не покладая рук, все время работают не на себя, а на своих хозяев-заводчиков, создают им своими руками, своим трудом миллионные богатства, а сами, между тем, чуть-чуть не умирают с голоду. Хозяевам нет дела до своих рабочих: они только думают о том, как бы больше нажиться, а жизнь рабочих они ставят ни во что»²⁵.

²⁵ Листовки пермских большевиков (1901—1917). Пермь, 1958, стр. 457.

Примерно такое же начало и листовки «К пермским рабочим». «Хорошо ли живется нашим рабочим?» — И дальше идет ответ на поставленный вопрос. — «Работа без конца, с утра до вечера, тесное с тяжелым воздухом помещение, постоянная ругань мастеров... Заработок — жалкие гроши; еле-еле хватает на пропитание самому, а большинству надо еще на эти гроши содержать и семью. И из-за этих грошей вечные унижения, вечный страх перед хозяином, перед мастером, перед всяким начальством. Вечные прижимки, штрафы, обсчеты...»²⁶

А в листовке «К мотовилихинским рабочим», выпущенной за подписью «Уральского союза», говорилось: «Товарищи! Оглянитесь кругом. Посмотрите, как мы живем. Как тяжела, продолжительна и губительна для здоровья наша работа. Сколько притеснений, придинок и оскорблений мы испытываем от нашего начальства.

По 10 часов в сутки мы работаем тяжелую работу, а начальство, несмотря на это, заставляет нас таскать непосильные тяжести. Заводоуправление не хочет устроить для передвижения тяжестей удобные краны — ему выгоднее заставить человека исполнять лошадиную работу»²⁷.

Какой же выход из такого бесправного положения предлагают листовки рабочим?

Ответ на этот вопрос содержат те же листовки. В одной из них — обращении к добрянским рабочим — говорилось: «Будите своих товарищей, объясняйте им весь смысл, всю силу вашей борьбы. Требуйте повышения заработной платы, сокращения рабочего дня, требуйте права свободно собираться и обсуждать свои дела...»²⁸

«Товарищи! — говорилось в другой листовке. — Начнемте же дружно бороться за свои права, будем твердо стоять друг за друга ...Тогда каждый из нас перестанет дрожать за скудный свой заработок и покорно выслушивать грубую брань мастеров...»²⁹

А вот как отвечает на вопрос «Что делать нам, рабочим отдаленных уральских заводов?» «Уральский союз социал-демократов и социалистов-революционеров» в своей программной листовке «К рабочим»: «Довольно нам терпеть голод, холод и всякие унижения! Не будем больше молчать, а потребуем от начальства облегчения работ и лучших расценок»³⁰.

Листовка кончается словами: «Надо только подготовиться к тому, чтобы требования были внушительны, а для этого сослужат бошую службу касса и кружки рабочих»³¹.

Примерно то же самое писалось и в «Уральских листках». Вот, например, призыв из пятого номера «Уральского листка»: «Това-

²⁶ Там же, стр. 458—459.

²⁷ Там же, стр. 470—471.

²⁸ Там же, стр. 458.

²⁹ Там же, стр. 459.

³⁰ Там же, стр. 469.

³¹ Там же, стр. 470.

рищи! Будем спать, будем бороться и с такими проделками мастеров и их приспешников, будем будить своих бессознательных товарищей, показывать им в настоящем свете мастеров, начальников и правительство»³².

Иногда «Союз» не находил ничего лучшего, как направлять усилия рабочих на борьбу с отдельными представителями администрации. Вот что, например, писал Мотовилихинский рабочий комитет «Уральского союза», обращаясь к рабочим завода: «Товарищи! Если мы молча и терпеливо будем сносить все выходки этого царского опричника (инженера Назарова.— А. К.), так скоро и житья не будет. Неужели мы рабы или крепостные Назарова? Нет, покажем, что мы свободные люди и умеем защищать свои права, свое человеческое достоинство.

Товарищи! Нам нужно сговориться между собой и потребовать удаления Назарова, а чтобы начальство исполнило наше требование, мы должны прекратить работу, пока не уберут Назарова. Будем действовать смелее и тогда мы добьемся своего»³³.

Мало чем отличались по своему содержанию и писания Екатеринбургского комитета «Восточной группы Уральского союза», Уфимского комитета и других групп и организаций «Союза». Дальше призывов к борьбе за улучшение экономического положения, условий труда и быта, к борьбе с отдельными представителями администрации и хозяевами фабрик и заводов они также не шли.

Именно под влиянием этих призывов стихийно вспыхивали стачки и забастовки, рабочие в той или иной форме выражали свой протест против заводской администрации, а некоторые становились на путь индивидуального террора. Об этом свидетельствуют многочисленные жандармские документы, судебные протоколы, воспоминания участников событий тех лет.

Преклоняясь перед стихийным рабочим движением «экономисты» и эсеры из «Уральского союза» даже не помышляли о воспитании в пролетариате социалистического сознания, не призывали рабочих к борьбе с главным врагом трудящихся — царским самодержавием. Они обманывали рабочих, утверждая, что все их нужды можно решить в процессе экономической борьбы, пытались вселить в них веру в то, что и в рамках самодержавно-крепостнического строя можно мирным путем добиться политических свобод, права участия в издании законов и коренного улучшения своего положения. Так, в упоминаемой уже листовке «К пермским рабочим» содержался такой призыв: «Сплотимся и потребуем от хозяев 8-часового рабочего дня, повышения заработка, а от правительства потребуем свободы говорить открыто о наших нуждах, потребуем свободы союзов, сходов, свободы печати; потребуем права участвовать в издании законов»³⁴.

³² Листовки пермских большевиков, стр. 491.

³³ Там же, стр. 510.

³⁴ Там же, стр. 458.

Призыв к рабочим мирно «требовать» у правительства «права участвовать в издании законов» — яркое свидетельство того, что «Уральский союз» не призывал к борьбе с царским правительством, а стоял за сохранение существующего самодержавно-крепостнического и капиталистического строя. При этом листовки всячески восхваляли западноевропейскую буржуазную демократию, идеализировали положение рабочих западноевропейских стран. «За границей, — говорилось в одной из листовок, — сами рабочие выбирают и увольняют свое начальство, сами издают законы, полезные одинаково для всех, а не для бар только»³⁵.

В другой листовке группа пермских социал-демократов, прикнувших к «Уральскому союзу», писала: «За границей рабочие, по крайней мере, могут бороться с хозяевами за улучшение своей доли. Рабочие соединяются там в союзы, имеют собственные кассы, которые помогают им выдерживать стачки и добиваться своего... Даже законы, неблагоприятные для них, рабочие могут изменять, так как через своих выборных участвуют в управлении страной и в создании законов»³⁶.

В первомайской листовке 1903 г. «К пермским и мотовилихинским рабочим» проводится та же мысль: «В Западной Европе рабочие уже давно добились того, что правительство признало их союзы и общества законными и стало относиться к ним с уважением»³⁷.

Превознося западноевропейскую буржуазную демократию, рассказывая о «райской» жизни рабочих за границей, «Уральский союз» своими изданиями призывал уральских рабочих стремиться добиваться такого же положения, которого можно достичь, не затрагивая основ существующего политического строя.

Основным методом борьбы за улучшение экономического положения рабочих «Уральский союз» считал стачки. Не случайно поэтому в большинстве листовок в той или иной форме содержатся призывы к рабочим объявлять стачки, в ходе которых рабочие якобы могут удовлетворить все свои требования, добиться улучшения условий труда и быта. О других же, более высоких формах революционной борьбы, в листовках нет ни слова. Мы не встретим в них призывов к организации политических демонстраций, не говоря уже о такой форме борьбы, как вооруженное восстание.

Литература «Уральского союза социал-демократов и социалистов-революционеров» свидетельствует о его преклонении перед стихийным рабочим движением. «Союз» не только не стремился поднять это движение на новую, высшую ступень, превратить его в сознательное, направить к достижению конечной цели — свержению царского самодержавия и завоеванию власти пролетариатом, а, наоборот, был доволен тем состоянием, в котором оно находилось. Поэтому в своих листовках и периодических изданиях коми-

³⁵ Там же, стр. 462.

³⁶ Там же, стр. 463.

³⁷ Там же, стр. 531.

теты спокойно и неоднократно отмечали, что на Урале еще не созрели условия для организованной борьбы, что уральские рабочие не готовы к такой борьбе. Так, в листовке «Первое мая» Екатеринбургский комитет «Восточной группы Уральского союза», пытаясь отвлечь рабочих от участия в первомайской политической демонстрации, писал, что «наши уральские рабочие еще не организованы, еще не сплочены. Но настанет и для Урала Первое мая, когда уральские рабочие развернут и поднимут свое знамя в знак присоединения к общей всероссийской и всемирной борьбе за освобождение трудящегося народа». Чтобы как-то оправдать себя в глазах рабочего читателя, комитет стремился разъяснить, что на Урале до сих пор рабочее движение было стихийно, неорганизовано, не имело определенного плана и цели, никто им не руководил. Но «теперь другое дело, на Урале существует «Уральский союз социал-демократов и социалистов-революционеров». Теперь во всех местах Урала есть рабочие кружки, которые обсуждают свои нужды, готовятся к борьбе»³⁸.

Конечно, стремясь сохранить рабочее движение на прежнем уровне, «Уральский союз» ни агитационной, ни организаторской работы, направленной на развитие революционного рабочего движения, не вел, не хотел вести, да и не был способен вести такую работу.

Нелегальные издания комитетов «Уральского союза» были также средством пропаганды эсеровской тактики индивидуального террора. Наряду со стачками, которые ими характеризовались как «самый старинный способ борьбы за лучшую жизнь»³⁹, они воспевали террор, всячески поднимали на щит героев-террористов, «этих бескорыстных борцов», как они названы в 14 номере «Уральского летучего листка», число которых «растет во всех слоях народа и близко то время, когда подлым обманщикам придется расстаться со своей властью и награбленным народным добром»⁴⁰.

В листовках, брошюрах, периодических выпусках Пермского, Уфимского и Екатеринбургского комитетов «Уральского союза», специально посвященных «героям, самоотверженным борцам за счастье рабочих и крестьян», которые «с радостью идут на смерть», восхваляется тактика индивидуального террора, подвиги героев-одиночек, которые якобы «привлекут к революционному движению многих»⁴¹. Все это делалось для того, чтобы оправдать свою несостоятельность в практических делах, свою неспособность повести за собой рабочих и крестьян на сознательную борьбу против существующего строя.

В то время уже многим было ясно, что тактика индивидуального террора не только не расширяет революционной борьбы, а, наоборот, сужает ее, обрекает на бездействие широкие народные

³⁸ СПА, ф. 41, оп. 1, д. 45, л. 46.

³⁹ Там же, д. 46, л. 49.

⁴⁰ Там же, д. 42, л. 202.

⁴¹ Там же, д. 43, л. 91—97.

массы. Поэтому членам «Уральского союза» ничего другого не оставалось, как в своих многочисленных изданиях, написанных нередко горячо и страстно, призывать не к политической борьбе, а к мести по отношению к непосредственным угнетателям и отдельным представителям власти.

Всем своим содержанием писания «экономистов» и эсеров из «Уральского союза» были направлены на отрицание необходимости самостоятельной политической партии пролетариата. В них даже делались попытки оправдать организационную распыленность, идейный разброд, стихийность. Они настойчиво призывали рабочих объединяться в различные «рабочие» организации — «кассы», «рабочие союзы» и т. д., главная цель которых — повседневная работа, проведение тред-юнионистской политики.

Призывая создавать «маленькие кружки и союзы, человек в 10», авторы листовок делали ссылки на опыт западноевропейских, петербургских и московских рабочих. «Несколько человек (5—10), — говорилось в одной из листовок, — составляют кружок. Кружок выбирает одного сборщика. Несколько сборщиков выбирают одного уполномоченного, а уполномоченные выбирают правление (человек 5), которое распоряжается выдачей денег». В кружках, говорится далее, «читают книги, обсуждают прочитанное и совещаются о своих делах»⁴². А в «Уставе союзной кассы уральских рабочих» было записано, что «цель кассы — дать материальные средства для борьбы рабочих за лучшие условия жизни».

Из содержания многих нелегальных изданий «Союза» видно, что комитеты за образец необходимой рабочим организации считали свою объединенную организацию — «Уральский союз социал-демократов и социалистов-революционеров». В ряде листовок рассказывалось, что из себя представляет этот «Союз», каковы его цели и задачи, чьи интересы он выражает. Вот, например, что писал по этому поводу Екатеринбургский комитет Восточной группы «Уральского союза» в «Уральском летучем листке» № 1, имевшем подзаголовок «Что такое «Уральский союз»?»: «Уральский союз» есть прежде всего тесный, братский союз социалистов рабочих и социалистов интеллигентов, объединившихся для борьбы с существующим экономическим и политическим строем. «Уральский союз» есть революционная организация борцов за лучшее будущее народа, за справедливость, равенство, свободу». И далее при помощи громких революционных фраз он провозглашает: «Уральский союз» зовет на борьбу всех трудящихся с самодержавием во имя социализма, за политическую свободу, за всенародный Земский Собор, где выборные от всего народа будут править государством»⁴³.

В листовке «Товарищи рабочие», призывая вступать в ряды «Союза», Екатеринбургский комитет писал: «мы соединяемся

⁴² Листовки пермских большевиков, стр. 469—470.

⁴³ СПД, ф. 41, оп. 1, д. 42, л. 202.

в один братский союз для общей борьбы за справедливый порядок», чтобы указать «рабочим, кто их друг и кто враг». И далее: «Ночь долго царила у нас на Руси, пора взойти для народа и красному солнышку свободы! Если не желаете дальше быть в темноте, неволе и голоде, присоединяйтесь к нашему Союзу!»⁴⁴

Призывая верхисетских рабочих примкнуть к «Уральскому союзу», Екатеринбургская группа снова разъясняла, что «Уральский союз», это тайное революционное общество, состоящее из людей, которые решили всю жизнь свою положить на борьбу за счастье народа». Людей таких, особо подчеркивается в листовке, много не только на Урале, но и по всей России... А далее расхваливаются Балмашев, убивший министра Сипягина, и Кочур, который стрелял в харьковского губернатора. И после этого сделано такое заключение: «И чем больше будет в наших рядах сильных и преданных борцов за народное дело, тем успешнее двинется вперед борьба, тем скорее наступит конец вековым нужде, голоду и страданиям русского народа»⁴⁵.

Подробное разъяснение целей и задач «Уральского союза» содержалось в его «Программе», которая была отпечатана отдельной листовкой и широко распространена по всему Уралу, а позднее перепечатана в ленинской «Искре»⁴⁶.

Не менее полно о сущности «Союза» рассказали в своих нелегальных изданиях Пермский и Уфимский комитеты. Они тоже стремились убедить читателей в ненужности единой революционной пролетарской партии, призывали ограничиться созданием организационно неоформленных различных касс и рабочих союзов, во главе которых стояла бы организация типа «Уральского союза», в комитеты и группы которого, кстати нередко входили «различные проходимцы, деклассированные элементы»⁴⁷.

Большинство изданий комитетов и групп «Уральского союза социал-демократов и социалистов-революционеров» отличала псевдореволюционность. Листовки, брошюры, периодические издания были густо начинены громкими революционными фразами, вплоть до лозунгов: «Да, здравствует политическая свобода!», «Долой царское самодержавие!», «Да здравствует социализм!» Конечно, эта революционная фразеология служила для обмана масс.

Литература, издаваемая «Уральским союзом», широко распространяясь по городам, селам, фабрикам и заводам Урала, пользовалась некоторой популярностью среди известной части рабочих, крестьян и интеллигенции. Необходимо было нейтрализовать, обезвредить влияние этой литературы на массы, разгромить эту оппортунистическую организацию, ибо, как писала в то время «Искра», «жизнь требует здесь (на Урале.— А. К.) действительно революци-

⁴⁴ СПА, ф. 41, оп. 1, д. 48, л. 58—59.

⁴⁵ Там же, д. 46, л. 45—46.

⁴⁶ Там же, л. 151; «Искра», 1902, 1 июня.

⁴⁷ С. Бегиян. Ленинская «Искра» на Урале. Свердловск, 1957, стр. 73; СПА, ф. 41, оп. 1, д. 1247, л. 177—179.

онной организации, которая под ясно обозначенным знаменем революционной социал-демократии объединит рабочий класс на Урале против всенародного врага и поведет его на борьбу и на победу»⁴⁸.

Конечно, далеко не все рабочие и революционно настроенные интеллигенты поддерживали взгляды «экономистов» и эсеров из «Уральского союза». Многие понимали тот вред, какой приносил «Союз» своей деятельностью и литературой сплочению пролетарских масс, созданию единой революционной организации. Более того, революционные социал-демократы, не входившие в «Союз», вели борьбу с ним во всех крупных городах. Правда, сами они еще не были сплочены в единую организацию и, естественно, не могли самостоятельно разгромить эсерово-экономистский союз, создать единую социал-демократическую марксистскую организацию на Урале. Между тем, это было самой насущной задачей уральских социал-демократов, которую им помог решить В. И. Ленин и созданная им общерусская политическая газета «Искра» и ее агенты. Газета наносила мощные удары по идейному, тактическому и практическому оппортунизму «Союза», стала руководящим центром уральских искровцев в их борьбе за разгром эсерово-экономистского «Уральского союза».

В. И. Ленин придавал промышленному Уралу огромное значение, как одному из крупнейших пролетарских центров страны. Он постоянно заботился о соединении революционного движения уральских рабочих с борьбой всего российского пролетариата, о создании на Урале революционной марксистской организации, способной возглавить борьбу рабочих и крестьян Урала против всего существующего строя.

Претворяя в жизнь план организации общерусской политической газеты, В. И. Ленин в 1900 г. дважды побывал в Уфе. Первый раз он приехал в город в феврале, когда возвращался из сибирской ссылки, срок которой истек 29 января 1900 г., второй раз — в июне. Здесь отбывала срок ссылки Н. К. Крупская. В Уфе В. И. Ленин встречался со многими уральскими революционерами — А. Д. Цюрупой, А. И. Свицерским, В. И. Крохмалем, И. С. Якутовым, К. К. Газенбуш, Э. С. Кадомцевым и другими. Для встречи с Лениным приезжали также подпольщики из других городов России.

Во время встреч В. И. Ленин познакомил революционеров с планом создания партии при помощи газеты, рассказал о характере будущего издания, договаривался с ними о сотрудничестве, уславливался об адресах для посылки газеты, о шифрах для тайной переписки.

Во время своего пребывания в Уфе В. И. Ленин организовал здесь опорный пункт создаваемой газеты. Это был один из первых в России опорных пунктов «Искры».

⁴⁸ «Искра», 1903, 15 апреля.

Н. К. Крупская, оставаясь в Уфе до конца своей ссылки (март 1901 г.), возглавила искровскую организацию. Она сплотила вокруг себя крепкое ядро революционеров-искровцев, которые повели решительную борьбу с оппортунистическим «Уральским союзом социал-демократов и социалистов-революционеров», за окончательное размежевание подлинно революционных сил от героев революционной фразы. К возглавляемому ею опорному пункту «Искры» тянулись нити из многих городов Урала и России.

Н. К. Крупская позднее писала: «Цель издания «Искры» не только писать и печатать газету, цель — при помощи газеты создать общерусскую организацию, которая бы не уходила всецело в интересы того или другого района, а имела бы в виду прежде всего интересы *всей* русской партии. Эта организация должна связывать и объединять работающие на месте организации, служить связующим звеном. Она должна таким путем создать возможность планомерного и единодушного образа действий местных организаций»⁴⁹.

Будучи уже за границей секретарем «Искры», Н. К. Крупская не теряла связи с уральскими социал-демократами, постоянно укрепляла и расширяла эту связь. Местные революционеры получали от нее письма, номера газеты, искровскую литературу и в свою очередь сами писали ей. Так, уже летом 1901 г. из-за границы через Петербург на Урал был доставлен транспорт литературы⁵⁰.

Активное участие в работе уфимской искровской организации принимали такие замечательные революционеры, до конца преданные делу рабочего класса, как А. Д. Цюрупа, В. П. Арцыбушев, Г. М. Мишенев, И. С. Якутов, А. И. Свицерский, И. Ф. Дубровинский и другие. Являясь агентами «Искры» на Урале, они собирали материал для газеты, составляли корреспонденции и вели упорную борьбу за чистоту социал-демократических рядов на Урале.

Ленинская «Искра» широко распространялась в России, в том числе и на Урале. Ее читали рабочие всех крупных промышленных предприятий, она попадала и в самые глухие уголки уральского края, на разбросанные по огромной территории заводы, рудники, заводские поселки, деревни и села. Известно, что на Урале были получены все номера газеты.

Благодаря тесной связи «Искры» с Уралом на ее страницах систематически появлялись заметки и корреспонденции, в которых рассказывалось о зверской эксплуатации уральских рабочих, произволе местных властей, о состоянии рабочего и социал-демократического движения и т. д. О постоянной и тесной связи уральцев с газетой говорят многие факты, свидетельствующие о том, что происшедшее на Урале то или иное событие находило свое отражение буквально в очередном номере газеты.

Чувствуя крепкую поддержку «Искры», местные революционные социал-демократы Ф. Ф. Сыромолотов (Екатеринбург),

⁴⁹ Ленинский сборник. VIII. М.—Л., 1928, стр. 196.

⁵⁰ В. И. Ленин и местные партийные организации России (1894—1917 гг.). Пермь, 1970, стр. 173.

Б. П. Вологдин (Пермь), П. В. Горбунов (Лысьва) и другие повели решительную борьбу против оппортунистического «Уральского союза», с каждым днем все более и более подрывая его влияние в массах. Большую помощь местным искровцам в этой борьбе оказывали приезжавшие на Урал агенты «Искры» Н. А. Скрыпник, Р. С. Землячка, П. Смидович, С. Залкинд и др.

Ленинская «Искра» сыграла выдающуюся роль в жизни уральских социал-демократов. Она направляла их деятельность, помогала громить врагов партии, преодолевать идейный разброд и организационную распыленность, прочно встать на позиции марксизма, собирать и объединять все революционные силы края, способствовать расширению рабочего движения. Именно благодаря «Искре» на Урале произошло размежевание революционных и оппортунистических сил и подготовлены условия для возникновения марксистских партийных организаций⁵¹.

Одной из первых таких организаций на Урале был социал-демократический кружок в Перми, который известен под названием «Пермской группы борьбы за освобождение рабочего класса». Он установил связи с передовыми рабочими Мотовилихинского завода и железнодорожных мастерских, учащейся молодежью и вел среди них пропаганду марксизма.

Однако вначале группа не была монолитной организацией. Часть ее стремилась свести свою деятельность к легальным методам, другая часть считала, что широкую агитацию среди уральских рабочих вести еще нельзя, так как они к этому совсем не подготовлены. Так продолжалось до лета 1902 г. Развернувшееся в стране революционное движение, широкое распространение на Урале «Искры», искровской литературы и ленинских работ, все большее и большее тяготение передовых рабочих и интеллигенции к марксистско-ленинскому направлению активизировали деятельность пермских социал-демократов. В июле 1902 г. создается Пермский комитет РСДРП, основу которого составили члены группы борьбы за освобождение рабочего класса. В начале 1903 г. Комитет направил свое заявление в редакцию «Искры» о полном согласии с линией газеты⁵².

Комитет наносил ощутимые удары по «Уральскому союзу», среди членов которого начались шатания влево. Это привело к тому,

⁵¹ Подробно о роли «Искры» в развитии революционного движения на Урале, в разгроме оппортунистического «Уральского союза», в образовании на Урале марксистских социал-демократических организаций см.: Ф. А. Александров. Ленинская «Искра» на Урале. Пермь, 1953; С. Бегиян. Ленинская «Искра» на Урале. Свердловск, 1957; И. П. Быкова. Возникновение Пермской организации РСДРП. Пермь, 1961; Ф. П. Быстрых. Возникновение Уральской областной организации РСДРП. Свердловск, 1933; Ф. П. Быстрых. Второй съезд РСДРП и большевики Урала. Свердловск, 1963; П. Л. Порываев. В. И. Ленин и создание социал-демократических организаций в Башкирии. — В кн.: В. И. Ленин и местные партийные организации России. Пермь, 1970.

⁵² «Искра», 1903, 15 июня.

что Пермский комитет «Союза» заявил о своем вхождении в состав Пермского комитета РСДРП⁵³.

Существовал революционный социал-демократический кружок в Уфе под названием «Уфимский рабочий комитет». Однако в конце 1901 г. он допустил серьезную политическую ошибку, войдя в состав «Уральского союза». Но в начале 1903 г. он вышел из «Союза», а в феврале был преобразован в Уфимский комитет РСДРП. Он послал в редакцию «Искры» заявление, в котором писал, что комитет присоединяется к РСДРП «и заявляет о своей солидарности с теоретическими воззрениями «Зари» и «Искры», признавая эти органы руководящими для русской социал-демократии»⁵⁴.

В июне 1903 г. было объявлено о создании в Екатеринбурге Средне-Уральского комитета РСДРП. Так же, как и ранее образованные Пермский и Уфимский комитеты, вновь созданный комитет заявил о своей солидарности с «Зарей» и «Искрой», признал их своими руководящими органами и приветствовал Организационный Комитет⁵⁵.

Социал-демократические кружки существовали также в Челябинске, Белорецке, Миньяре, Миассе и некоторых других городах.

Под влиянием «Искры» и ее агентов местные сторонники «Искры» довольно широко поставили издание нелегальной литературы. Основной формой их печати были листовки и прокламации. Они были важнейшим средством пропаганды искровских идей, орудием революционного воспитания уральского пролетариата. Опираясь на факты местной жизни, листовки революционных социал-демократов, в противовес писаниям оппортунистического «Союза», нередко поднимались до политических обобщений. В них разъяснялись политические задачи освободительного движения, разоблачалась антинародная сущность самодержавного строя.

Видную роль сыграли нелегальные издания пермских социал-демократов, не входивших в «Уральский союз». Они оказывали заметное влияние на рабочие массы. Еще до образования комитета РСДРП пермские социал-демократы выпустили 11 листовок. Осенью 1902 г. появляются листовки за подписью «Пермский комитет РСДРП». До конца 1903 г. им было издано 28 листовок. Кроме того, комитет перепечатал 6 листовок других социал-демократических организаций.

Но члены Пермского комитета РСДРП не были удовлетворены выпуском только листовкой литературы. Они все более и более ощущали потребность в периодическом органе. С начала 1903 г. комитет наладил выпуск гектографированной газеты «Рабочий бюллетень», которая по своему содержанию в корне отличалась от оппортунистического «Уральского листка».

⁵³ «Искра», 1903, 22 октября.

⁵⁴ Там же, 1 марта.

⁵⁵ СПА, ф. 41, оп. 1, д. 45, л. 14.

В борьбе с экономистско-эсеровским «Уральским союзом», за осуществление ленинского плана построения партии, в пропаганде революционной теории большую роль сыграла печать Уфимского комитета РСДРП. Комитет распространял искровские издания, сам издавал листовки и прокламации, а в первой половине 1903 г. выпустил 4 номера газеты под названием «Уфимский листок».

Комитет имел даже свою подпольную типографию. Выпускаемая в ней литература широко распространялась не только по Южному Уралу, но и в соседних губерниях.

Нелегальные издания революционных социал-демократов шли в одном ряду с ленинской «Искрой», были ее верными помощниками в пропаганде марксистско-ленинских идей. Они несли в себе заряд революционной энергии, оказывали большое воздействие на уральский пролетариат, оплачивали его вокруг пролетарского знамени. Издания уральских искровцев были сильным средством борьбы за создание партийных организаций на Урале.

Какую роль играла нелегальная литература в жизни местных социал-демократических организаций, в разгроме оппортунистического «Уральского союза социал-демократов и социалистов-революционеров», в развитии революционного движения на Урале, как выполняла она функции коллективного пропагандиста, агитатора и организатора — все это является темой особого исследования.

М. Е. АГАФОНОВ

Трибуна уфимских большевиков

8(21) октября 1906 г. вышел первый номер нелегальной большевистской газеты «Уфимский рабочий». Рожденная в огне классовых битв, газета вместе с партийной организацией прошла славный боевой путь. На протяжении двух лет она помогала уфимским большевикам доносить до трудящихся великую ленинскую правду, светом революционной теории освещать каждый факт революционного движения.

Газета спланивала рабочих, крестьян и солдат вокруг партии и звала их на беспощадную борьбу против существующего самодержавно-крепостнического и капиталистического строя. Она твердо стояла на ленинских позициях и сыграла огромную роль в повышении политического сознания и организованности уральского пролетариата и крестьянства.

Деятельность газеты в свое время была высоко оценена газетой «Пролетарий», которую редактировал В. И. Ленин. «Из местных органов,— писала она,— самым прочным и популярным считается «Уфимский рабочий», выходящий двадцать пятым номером и издающийся в количестве 4 тысяч экземпляров»¹.

Газета «Уфимский рабочий» просуществовала сравнительно недолго. За два года, с 8(21) октября 1906 г. по 17(30) октября 1908 г., вышло 28 номеров, тиражом от 1500 до 5000 экземпляров. Следуя славным традициям ленинских газет, «Уфимский рабочий» шел рука об руку с такими последовательно революционными газетами, органами Уральского областного комитета РСДРП, как «Рабочий», «Уральский рабочий», «Уральская газета», «Крестьянская газета», «Солдатская газета».

Выход «Уфимского рабочего» был большим событием не только в жизни уфимской партийной организации. Являясь первым печатным большевистским периодическим изданием на Урале, газета скоро завоевала себе широкую популярность у всего уральского пролетариата. Она способствовала упрочению связей местных партийных организаций с Уральским областным комитетом РСДРП.

«Мы больше были агитаторами, главным образом через прокламаций, в меньшей степени через выступления на широких собра-

¹ «Пролетарий», 1908, 19 февраля.

ниях,— писал один из видных уфимских большевиков Н. П. Брюханов.— И только после создания «Уфимского рабочего» на этой основе так же, как в свое время на почве создания «Искры», создавались более правильные организационные взаимоотношения с Южным Уралом»².

До выхода газеты «Рабочий» (г. Екатеринбург) «Уфимский рабочий» был по существу неофициальным органом Уральской областной партийной организации, ее революционной трибуной. На его страницах были впервые опубликованы материалы I и II общеуральских партийных конференций и другие официальные документы Уральского областного комитета РСДРП. Да и сама «география» публикуемых материалов не ограничивалась только Уфимской губернией. Нет такого номера газеты, в котором не было бы материалов из соседних с Башкирией губерний — Пермской, Самарской, Оренбургской. Под постоянными рубриками — «Партийная жизнь», «Крестьянское движение», «Солдатская жизнь», «По Уралу», «Корреспонденции», «Критика и библиография» — систематически печатались информации, заметки, корреспонденции, фельетоны из Екатеринбурга, Перми, Челябинска, Нижнего Тагила, Златоуста, Уфы, Миньяра, Сима, Катав-Иванова, Усть-Катава, Бслорецка, Бслбсся, Стерлитамака, Бирска и многих других мест. Как правильно отмечал Н. П. Брюханов, «Уфимский рабочий» «в областном масштабе повторил роль «Искры».

По опыту «Искры» и других ленинских газет, у «Уфимского рабочего» были свои агенты и корреспонденты почти во всех крупных пролетарских центрах Урала. Из Екатеринбурга, например, корреспондировал И. Киреевский, из Оренбурга — Х. Ямашев, из Златоуста — А. Кин, из Миньяра — Ф. Лоцаков и т. д. На страницах газеты часто выступали с материалами из жизни местных партийных организаций видные революционеры уральского подполья Н. Н. Накоряков, Н. П. Брюханов, В. П. Арцыбушев, А. Х. Митрофанов, А. Б. Скворцов и другие. Сотни заметок и информации, опубликованных в газете, принадлежат перу безымянных авторов из числа передовых рабочих и революционно настроенной интеллигенции.

Скупые строки денежных отчетов Уфимского комитета РСДРП, регулярно печатавшихся на страницах газеты, не раскрывают всех источников поступления средств на издание «Уфимского рабочего» и содержание подпольной типографии. Так, за сентябрь-октябрь 1906 г. от продажи «Уфимского рабочего» в кассу комитета поступило 14 рублей, в то же время на содержание типографии и приобретение бумаги израсходовано 177 рублей³. В декабре того же года от реализации газеты получено 7 рублей, а расходы на «тех-

² Башпартархив, ф. 1832, оп. 1, д. 90, л. 17—18.

³ «Уфимский рабочий», 1906, 3 ноября.

нику» составили 170 рублей 75 копеек⁴. В январе-феврале 1907 г. сумма расхода возросла до 215—228 рублей в месяц⁵.

Издержки на содержание нелегальной «техники» и издание газеты покрывались, в основном, за счет партийных взносов и добровольных пожертвований. Передовые рабочие нередко отчисляли в фонд газеты до двух процентов своего дневного заработка. А сколько рабочих было в числе добровольных распространителей газеты, которые, пренебрегая всякой опасностью, несли в массы ее боевое революционное слово!

«Как только начинался печататься свежий номер,— вспоминал один из редакторов «Уфимского рабочего» Б. М. Волин,— в типографию приходили связные из рабочих и уносили газету на заводы, в мастерские»⁶.

Уфимский комитет имел несколько хорошо законспирированных складов революционной литературы, куда доставлялись также свежее отпечатанные листовки и номера «Уфимского рабочего». Один из них находился в доме Канифа и Салимгалея Давлеткильдеевых, на квартире у которых жила и содержала библиотеку комитета Хадича, жена видного революционера Хусаина Ямашева, другой — на квартире служащего губернской земской управы Черневского, жившего в отдельном домике напротив земской больницы по улице Сибирской.

В целях широкого распространения газеты и листовой литературы партийный комитет имел специальную экспедицию. Ею заведовал В. В. Архангельский. Он развозил газету и прокламации по промышленным центрам и рабочим поселкам Уфимской губернии.

Подпольные издания комитета пересылались и по почте. Так, полиция из Белебеевского уезда доносила, что на почте перехвачены две посылки на имя жителя Нижнетроицкого завода Ефимова, в которых было обнаружено 50 экземпляров «Уфимского рабочего» № 16, 26 экземпляров «Рабочего» (орган Уральского комитета РСДРП), 24 экземпляра «Проекта резолюции об отношении к Государственной Думе» (издание Уфимского социал-демократического комитета) и шесть брошюр революционного содержания на татарском языке⁷.

По донесениям агентов охраны, газета и прокламации, отпечатанные в уфимской подпольной типографии, распространялись во всех волостях Уфимской губернии, а также в большинстве уездов Среднего и Западного Урала. Они попадали также в Вятскую, Оренбургскую, Самарскую и Казанскую губернии.

«Уфимский рабочий» проникал и в далекую сибирскую глушь. В своей биографии видный революционер уфимского подполья А. А. Юрьев писал: «Живя в ссылке (в с. Казачинском, на реке Енисей.— М. А.), я получал отрывочные сведения о том, что дела-

⁴ «Уфимский рабочий», 1907, 1 января.

⁵ Там же, 25 марта.

⁶ «Советская Россия», 1956, 21 октября.

⁷ Башпартархив, ф. 1832, оп. 1, д. 7, л. 3.

лось в Уфе после нашего ареста-ссылки. Не помню точно, каким образом дошел до меня в ссылку номер «Уфимского рабочего», органа уфимских большевиков. Я порадовался успехам уфимских товарищей»⁸.

Издание нелегальной большевистской газеты было сопряжено с невероятными трудностями. Не хватало бумаги, шрифта. Охранка неистовствовала. Она делала все для того, чтобы найти и разгромить типографию, склады революционной литературы. Появление «Уфимского рабочего» было поводом для повальных обысков и арестов. Так, сама газета сообщала, что ввиду появления в казармах златоустовского батальона «Уфимского рабочего» и листовок, «среди драгун и железнодорожной охраны произведены повальные обыски. В результате найдено несколько прокламаций и номера «Уфимского рабочего», арестован писарь канцелярии и еще несколько человек»⁹.

Об «усердии» агентов охраны свидетельствуют многочисленные документы жандармского управления. В ночь с 8 на 9 июля 1908 г. в Уфе было произведено 66 обысков с целью ликвидации социал-демократической типографии. Но даже сами жандармы вынуждены были признать, что «результаты обысков ничтожны: арестовано 10 человек и забрано 4 пуда шрифта»¹⁰.

Несмотря ни на что, типография продолжала работать, хотя за время издания газеты ей пришлось сменить несколько квартир. Уфимские жандармы оказались бессильны обнаружить типографию. Они затребовали «специалистов» из Перми. Однако и приезжие «специалисты» не помогли... Судьба ее долгое время оставалась неизвестной. И только в 1960 г. школьники В. Отложкин и А. Ахмадеев на улице Ново-Кустарной случайно обнаружили ящик с типографским шрифтом. Эта находка навела историков и краеведов на более правильный путь поисков. Большую помощь в поисках оказали архивные документы и воспоминания старых большевиков.

Так, Н. П. Брюханов писал: «При провале типографии, когда в помещении ее квартиродержателей (Д. В. Васильевой.— М. А.) был произведен обыск (помнится, это относится к 1909 г.), также ничего не было найдено.

...Однако этот обыск послужил сигналом; наших техников пришлось срочно эвакуировать из Уфы, а шрифт и все типографские принадлежности ночью, на другой или третий день после обыска, были вынесены и зарыты в другом месте. Кажется, они до сих пор там находятся, и найти их в революционные годы так и не удалось»¹¹.

Трудно утверждать, что 28 номер «Уфимского рабочего», датированный 17 октября 1908 г., был последним. 5 января 1909 г.

⁸ Там же, ф. 7655, оп. 1, д. 385, л. 6.

⁹ «Уфимский рабочий», 1906, 3 ноября.

¹⁰ Башпартархив, ф. 1832, оп. 1, д. 7, л. 5.

¹¹ «Советская Башкирия», 1961, 8 июля.

начальник Уфимского губернского управления доносил: «...Был выпущен № 28 малого формата, в котором было упоминание о трудностях дальнейшего выпуска этой газеты... По полученным агентурным сведениям 21 октября ожидался выпуск № 29 этой газеты, но ввиду предупреждения о готовящейся ликвидации организации уже с готовым набором 29-го номера типография спрятана»¹².

Во второй половине 1909 г. Уфимский комитет РСДРП отпечатал финансовый отчет за май, июнь, июль. Значит, типография вновь работала. Но когда комитет возобновил ее деятельность и успел ли выпустить очередной номер своей газеты, пока неизвестно.

На всем протяжении выхода «Уфимский рабочий» был мощной революционной трибуной уральских большевиков, пропагандистом ленинской тактики, борцом за сплочение трудящихся вокруг тактических лозунгов партии.

Как известно, выход в свет первого номера газеты совпал с моментом перехода партии от лозунга бойкота I Государственной Думы к лозунгу активного участия в выборах во II Думу, чтобы использовать ее как «арену борьбы, отнюдь не преувеличивая ее скромного значения, а, напротив, всецело подчиняя ее, на основании данного уже исторического опыта, другого рода борьбе — посредством стачки, восстания и т. п.»¹³.

Проведение новой революционной тактики, тактики сочетания легальных и нелегальных средств борьбы, было продиктовано изменившейся политической обстановкой в стране, интересами революции. Оно требовало от большевиков громадной идейной и организаторской работы в массах, чуткого и быстрого реагирования на все изменения политической обстановки, на маневры самодержавия и различных политических партий. Нужно было разъяснить массам смысл и значение новой тактики, преодолеть бойкотистские настроения и в то же время показать рабочим и крестьянам, что призыв к участию в выборах отнюдь не означает изменения принципиального отношения партии к царской Думе.

В сентябре 1906 г. проходила уральская областная конференция РСДРП, которая в своей резолюции призвала местные партийные организации принять самое активное участие в избирательной кампании во II Государственную Думу, вести борьбу с бойкотистскими настроениями. Выполняя решения конференции, социал-демократы Уфы, как и других городов Урала, активно включились в избирательную кампанию. По примеру Петербургской, Московской, Уральской областной партийных организаций при Уфимском комитете РСДРП была создана избирательная комиссия, а на местах — районные комитеты избирателей.

¹² «Советская Башкирия», 1966, 24 июля.

¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 343.

Предвыборную агитацию возглавили лучшие партийные силы. Широко и умело используя легальные и полуполегальные возможности, большевики устраивали предвыборные собрания рабочих в железнодорожных мастерских и на заводах Уфы, Златоуста, Сима, Миньяра, Катав-Иванова, Усть-Катава, Белорецка и других городов; организовывали крестьянские сходы или конспиративные встречи с избирателями-крестьянами, подворные обходы.

В ходе предвыборной агитации авторитет уфимских большевиков среди рабочих и крестьян возрастал с каждым днем, а влияние кадетов и социалистов-революционеров на массы все более и более падало. Черносотенцы же, сознавая свою непопулярность в народе, даже не осмеливались в открытую выступать со своей избирательной платформой.

В разъяснительной работе среди избирателей, завоевании их на свою сторону уфимские большевики первостепенное значение придавали печати. За полгода, начиная с августа 1906 г. и по январь 1907 г., Уфимским комитетом было отпечатано и распространено 12 листовок, посвященных выборам во II Думу: «Воззвание к избирателям», «К рабочим избирателям», «Депутат и пролетариат», «Текущий момент», «К крестьянам» и другие. Тираж некоторых из них достигал нескольких десятков тысяч экземпляров. Так, листовка «К избирателям» была отпечатана в количестве 58 тысяч экземпляров.

Верные интернациональному долгу, уфимские большевики, стремясь усилить свое влияние на коренное население Башкирии, завоевать голоса избирателей-мусульман, в самый разгар избирательной кампании выпустили на татарском языке воззвание к избирателям-мусульманам с призывом голосовать за представителей Российской социал-демократической рабочей партии.

Особая роль в борьбе уфимских большевиков за массы в ходе избирательной кампании принадлежала газете. «Уфимский рабочий» с первых дней своего существования становится страстным пропагандистом ленинской думской тактики, непримиримым борцом против всех, кто противостоял на выборах во II Думу пролетариату и его партии, лил воду на мельницу контрреволюции.

Ясность политической позиции, целеустремленность, боевой революционный дух — все это делало газету популярной не только среди рабочих и крестьян Башкирии, но и всего пролетарского Урала. Не случайно, многие ее статьи большевистские агитаторы Уфы, Перми, Екатеринбургa, Оренбургa, Челябинска, Златоуста и других городов широко использовали на предвыборных собраниях. А факты и события периода избирательной кампании, правдиво описанные на страницах «Уфимского рабочего», и поныне представляют большую ценность для исследователей революционного движения того периода.

О чем же писала в те дни газета уфимских большевиков?

Центральное место на ее страницах отводилось материалам, разъясняющим ленинскую думскую тактику. Она давала прямой

и ясный ответ на вопрос: почему большевики, бойкотировавшие витевскую Думу, теперь идут во II Думу и зовут за собой трудящиеся массы города и деревни. Важное значение в этом отношении имела статья «Почему и зачем нужно участвовать в выборах в Государственную Думу?» В ней подводились итоги тактики большевиков до разгона I Думы и формулировались позиции партии на выборах в новую Думу.

Большевики, решившие принять активное участие в выборах во II Думу, говорились в статье, отнюдь не переоценивают ее роли. Они идут в нее не для «законодательной» работы в блоке с кадетами, как это делают меньшевики, а для того, чтобы использовать Думу как трибуну в интересах революции. «И вторая Дума будет бессильна и безвластна; и второй Думе ничего не дадут сделать, если бы она и захотела,— писала газета.— Но вот что нужно помнить: опыт первой Думы показал, что она может сослужить хорошую службу как всероссийский агитатор»¹⁴.

Участвовать в выборах и избирать своих депутатов, разъясняла газета, нужно не с надеждой на то, что авось в Думе удастся получить землю и волю. Нет! Надо посылать своих депутатов в Думу для того, чтобы с думской трибуны будить классовое самосознание народа, во всей наготе вскрывать ужасы самодержавия, всей трудящейся России разъяснять необходимость «соорганизоваться, сплотиться для революционной борьбы за власть, за созыв Всенародного Учредительного Собрания». Используя любой повод для агитации и пропаганды, «депутаты организуют вокруг себя широкие революционные массы, тесным общением свяжут себя с ними и будут руководить их практической революционной борьбой»¹⁵.

В другой статье газета особо подчеркивала:

«Мы должны говорить всем и каждому, везде и всюду, что правительство Николая II, созывая вторую Государственную Думу, желает сохранить самодержавие, на «услужении», у которого находятся «народные представители», что оно стремится сделать эту Думу подпоркой для своего гнилого существования. Мы должны всеми средствами расстроить эти вождедения правительства; мы должны сделать все возможное, чтобы в Думу прошли только те, кто добивается созыва Всенародного Учредительного Собрания, и таким образом превратить Думу из орудия, созданного для подавления революции, для усыпления борющегося за свое освобождение народа, в орудие, революционизирующее народное сознание, в революционную трибуну, откуда, вместо прекрасноречивых слов о мирной борьбе, раздавался бы, как удары набатного колокола, призывный клич к кровавому бою с заклятыми врагами обездоленного и порабощенного народа...»¹⁶

¹⁴ «Уфимский рабочий», 1906, 12 ноября.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, 1907, 1 января

Итак, разъясняла газета, Думу следует использовать как трибуну для революционной агитации и обличения самодержавия и контрреволюционной буржуазии, превратить ее в орудие организации народных масс на борьбу против царизма.

Газета «Уфимский рабочий» всеми доступными ей средствами стремилась разжечь в рабочих и крестьянах ненависть к существующему самодержавно-крепостническому строю, придать выступлениям против него организованный характер, учила массы, как надо бороться против своего злейшего врага. В противовес меньшевистским измышлениям об ошибочности Декабрьского вооруженного восстания и капитулянтскому заявлению Плеханова о том, что «не надо было браться за оружие», «Уфимский рабочий» поднимал на щит славы героизм московских рабочих. На их опыте газета учила трудящихся Урала стойкости и организованности в борьбе.

Чтобы победить врага, подчеркивала газета, надо научиться ненавидеть его. Поэтому неистребимой ненавистью к царскому самодержавию, заклятому врагу трудового народа, было проникнуто каждое выступление «Уфимского рабочего».

Богатейший материал для разоблачения царизма давали газете и выборы во II Думу. Взять, к примеру, статью «Правительство и выборы в Думу». В ней газета наглядно показала, что правительство не только урезает избирательные права трудящихся, но с помощью черносотенных погромщиков лишает их и тех куцых прав, которые были «дарованы» народу перепуганным царем в Манифесте 17 октября.

Подсчитано, сообщала газета, что в десяти уездах разных губерний под видом сенатских разъяснений избирательного права лишались свыше 60 тысяч крестьян-землевладельцев, а в 16 городах — около 70 тысяч квартирноманителей. Но этим царское правительство не ограничилось. Так, начальникам железных дорог высочайше предписывалось принять все меры к тому, чтобы «выборы отнюдь не отвлекали железнодорожных служащих от их прямых обязанностей».

Чинились различные препятствия и местными властями, отмечал далее «Уфимский рабочий». В некоторых городах полицейские срывали объявления городских управ о записи в избирательные списки, конфисковывались газеты только за то, что они заблаговременно оповестили избирателей о сроках подачи заявлений в городскую управу. А в Уфе, например, полиция под разными предлогами отказывалась выдавать квартирноманителям документы, дающие им право принимать участие в выборах.

«Для революции подтасовка народного представительства теперь уже не опасна, — с гневом заключала газета. — Тяжба народа с правительством в конце концов решится не в стенах Думы, а революционной борьбой на улице»¹⁷.

¹⁷ «Уфимский рабочий», 1906, 22 ноября.

Антинародную сущность царского самодержавия газета «Уфимский рабочий» глубоко и всесторонне раскрывает в статье «Суд над российским пролетариатом». В ней идет речь о беспрецедентном судилище, устроенном царским правительством над Петербургским Советом рабочих депутатов. Судили представителей «рабочего парламента», как любовно называет газета Совет рабочих депутатов, за то, что они волею революционного пролетариата превратили Совет в орган народного самоуправления. И это позорное судилище над всем российским пролетариатом, особо подчеркивала газета, происходило в те дни, когда правительство объявило сроки созыва II Государственной Думы, громогласно называя ее «российским парламентом»¹⁸. Так газета использовала конкретные политические события для просвещения широких народных масс, воспитания в них ненависти к существующему строю.

Кроме социал-демократии, три главные группы партий участвовали в выборах во II Думу: черносотенцы, кадеты и трудовики. В «Проекте обращения к избирателям» В. И. Ленин, определяя задачи пролетариата и его партии, указывал на необходимость «открыть глаза всем и каждому на настоящие цели и истинный характер различных партий»¹⁹. В своих многочисленных статьях, посвященных II Думе, он дал замечательные образцы беспощадного разоблачения откровенной реакционности черносотенцев и псевдореволюционности и лживости кадетов.

Опираясь на ленинские статьи, газета уфимских большевиков повела непримиримую борьбу против открытой и скрытой контрреволюции. Так, острые статьи «Что такое черная сотня», опубликованной в 5 номере, направлено против черносотенцев и их избирательной платформы. Отмечая бурное оживление в стане погромщиков в связи с предстоящими выборами, газета призывает читателей «разобраться, кто они такие, чего они хотят и как к ним следует относиться». Черносотенцы, писала она, это — партии, поддерживающие реакционное правительство. Они открыто стоят за самодержавную полицейскую власть, за сохранение всех старых кровавых порядков. «...Пусть всякий решит,— обращалась газета к читателям,— можно ли на выборах в Государственную Думу подавать свой голос за черносотенцев, за сторонников правительства, за тех, чьи руки красны от невинной крови, а совесть черна от преступлений».

Статье «Что такое черная сотня» близко по духу другое выступление газеты, озаглавленное «Чего хотят правые партии?» Если в первой из них дается лишь общая характеристика черносотенцев, то во второй подробно разъясняются программные требования каждой из их партий, разоблачаются нечестные приемы и методы предвыборной борьбы.

¹⁸ «Уфимский рабочий», 1906, 3 ноября.

¹⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 108.

«Союз 17-го октября», писала газета, состоит главным образом из крупных капиталистов и помещиков. Его лидеры — крупный промышленник А. Гучков и владелец огромных поместий М. Родзянко.

«Октябристы», говорится далее в статье, ожесточенные и непримиримые враги рабочего класса и крестьянства, так как являются их алчными эксплуататорами. И конечно, ни рабочим, ни обнищавшему крестьянству нечего ждать хорошего от этого «союза». Правда, для того, чтобы больше собрать голосов на выборах, избирательная программа «октябристов» содержит несколько пунктов, наполненных туманными обещаниями: рабочим они обещают пересмотр трудового законодательства, крестьянам — удельные, казенные и даже помещичьи земли, разумеется за «справедливый выкуп». Но больше всего в их программе толкуется о подъеме промышленности.

• «И этим самым, — делает вывод газета, — партия выдает себя с головой: сразу видно, что гг. октябристам дороже всего их собственная капиталистическая мощь, а вовсе не благосостояние народа. О народе они заботятся постольку, поскольку он для них является дойной коровой».

Говоря о партии мирного обновления, «Уфимский рабочий» подчеркивает ее духовное родство с «октябристами»: «только лучше хотят замаскироваться господа капиталисты ...и хлопочут теперь о том, чтобы объединить партию мирного обновления с «Союзом 17-го октября» и действовать на выборах в союзе с кадетами против крайних партий социал-демократов и социалистов-революционеров»²⁰.

Статья «Чего хотят социал-демократы?» звучит диссонансом первым двум. Изложенная в ней социал-демократическая программа на выборах диаметрально противоположна программам монархических партий. В противовес контрреволюционным партиям, пытавшимся путем конституционного камуфляжа сохранить в целостности и неприкосновенности самодержавие, социал-демократы выдвигали в своей программе в качестве главного требования окончательное уничтожение царизма и установление полного народовластия, безвозмездную передачу земель крестьянам. «...Никакое правительство и Дума, — подчеркивала газета, — не могут удовлетворить тех требований, и тем более Дума, которую выбирает не весь народ и у которой нет никакой власти. Поэтому социал-демократы считают необходимым, прежде всего, путем вооруженного восстания свергнуть царское самодержавие и созвать полновластное Учредительное Собрание на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права с тайной подачей голосов, для установления в России полного народовластия, закрепления за народом права на землю и издания охраняющих его свободу законов». «Вся земля

²⁰ «Уфимский рабочий», 1906, 3 декабря.

и вся воля для всего народа — вот чего хотят социал-демократы в ближайшем будущем»²¹.

Несомненно, подобного рода требования были близки и понятны самому широкому кругу читателей. Сопоставляя платформы различных партий, они могли без особого труда разобраться в сущности борьбы, разгоревшейся в период предвыборной кампании.

Под огнем воинственной критики газета держала также поступки и дела врагов рабочего класса и крестьянства. Так, в сверкающей остроумием и неподдельным сарказмом заметке, заверстанной в подборке материалов «К выборам в Государственную Думу», газета писала: «По слухам, местные черносотенцы наметили в wyborщики по городу Уфе владельцев пивных заводов Александра, Виденева и Вельмута. Что же, если эти господа пройдут в Думу, то будет как нельзя лучше под стать кабацкому правительству, тогда уже непременно произойдет трогательное единение сивушного царя с пивными народными представителями, потому — интересы у них одни и те же: спаивать народ, набивать свои карманы»²².

«Уфимский рабочий» неустанно разоблачал еще бытовавшие в то время конституционные иллюзии, вскрывая бессилие созываемой царем Государственной Думы, представляющей карикатуру на народное представительство. Показателен в этом отношении восьмой номер газеты, целиком посвященный избирателям по крестьянской курии. Он открывается броской шапкой:

«Граждане избиратели! Голосуйте на предстоящих выборах в Государственную Думу за кандидатов Российской социал-демократической рабочей партии. Наша партия добивается свержения самодержавия и созыва полновластного Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права без различия религии, национальности и пола»²³.

Даже неполный перечень статей номера дает яркое представление о его содержании: «Чего ждет правительство от Думы?», «За чем выбирать в Государственную Думу?», «Учредительное собрание», «Голод», «Как решают земельный вопрос разные партии» и другие.

Первая Дума, говорится в передовой статье «Чего ждет правительство от Думы?», правительству нужна была как отдушина для разрядки революционной атмосферы в стране. Вторая же Дума нужна царскому правительству для того, чтобы с помощью так называемого «народного» представительства заполучить у западноевропейских толстосумов займы кругленькую сумму на окончательное подавление революционного движения в России.

Разоблачая лицемерную игру царизма в «демократию», газета с убийственным сарказмом заключает:

«Правительство теперь спит и видит, как бы удалось собрать такую {послушную.— М. А.) Думу, ведь тогда можно бы зажить

²¹ «Уфимский рабочий», 1906, 3 декабря.

²² Там же, 22 декабря.

²³ Там же, 17 декабря.

опять припеваючи... Черносотенная Дума помогла бы правительству перехватить где-нибудь займы деньжонок, чтобы держать по-прежнему в узде народ, а потом разошлась по домам и сказала бы, что нам никакого народного представительства совсем не нужно»²⁴.

И вторая Дума не будет иметь ничего общего с народным представительством, и вторая Дума не разрешит жесточайшие классовые противоречия в пользу неимущих — таков лейтмотив статьи «Зачем выбирать в Государственную Думу?» Напротив, по новому драконовскому закону, утверждает газета, попасть во II Думу народным представителям гораздо труднее, чем в первую. Вместе с тем она настойчиво призывает избирателей — рабочих и крестьян — стремиться провести в Думу как можно больше своих представителей.

Отвечая на вопрос, что же должны делать в Думе избранники народа, «Уфимский рабочий» выдвигает целую программу действий, а именно:

— вопрос о земле решать на местах, чтобы сам народ рассудил, как ему лучше распорядиться землей;

— Государственную Думу заменить настоящим народным представительством, в которое имели бы право выбирать все граждане на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного закона;

— народному представительству должна быть передана вся полнота власти и т. д.

«При самодержавии,— говорится в статье «Учредительное Собрание»,— царь и чиновники забрали всю государственную власть и все права в свои кровавые лапы, а крестьянам, мещанам и рабочим предоставили одни обязанности — поставлять в армию своих сыновей-кормильцев да платить подати и налоги»²⁵.

Обличая царское самодержавие, газета убеждала читателей в неизбежности борьбы за его свержение и установление полного народовластия. И единственно верный путь к этой заветной цели — вооруженное восстание. «Только восставши с оружием в руках, крестьяне вырвут у помещиков землю, а весь народ — власть у правительства. Только вооруженным восстанием можно отделаться от присосавшегося к народу, как пиявки, начальства — губернаторов, исправников, земских начальников и прочей сволочи...

Только опираясь на вооруженный народ, Учредительное Собрание сможет закрепить за ним землю и установить новый государственный строй — демократическую республику».

Статья заканчивалась страстным призывом:

«Граждане-крестьяне! Если вы хотите земли — готовьтесь к вооруженному восстанию! Если хотите полновластного народного представительства — подавайте голоса на выборах в Госу-

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

дарственную Думу за социал-демократов, которые добиваются созыва полновластного Всенародного Учредительного Собрания»²⁶.

Так газета уфимских большевиков убеждала трудящееся крестьянство, что политика, которую проводило и проводит царское правительство, глубоко враждебна народу, что у крестьян единственный путь — вместе с рабочим классом вести борьбу за уничтожение существующего строя и установление демократической республики.

В ходе событий 1905 г. крестьянство превратилось в грозную революционную силу. Это видели друзья и недруги революции. Поэтому каждая политическая группировка стремилась склонить эту силу на свою сторону. Это стремление особенно ярко проявилось перед выборами во II Государственную Думу. Каждая партия обещала в своих избирательных программах разрешить аграрный вопрос, разумеется, с позиций своего класса. Так, суть аграрной программы буржуазных партий сводилась к тому, чтобы путем незначительных уступок и реформ сохранить остатки средневекового землевладения. Иными словами, примирить крестьянина с помещиком, конечно, в пользу помещика, «закончить буржуазную революцию на полпути, на полусвободе, на сделке со старой властью и с помещиками»²⁷.

Разъяснению сущности аграрных программ различных партий и была посвящена специальная статья в «Уфимском рабочем» «Как решают земельный вопрос разные партии». Правые партии, писала газета, предлагают крестьянам покупать через крестьянские банки те земли, которые помещики «найдут выгодным продать». Кадеты «немного лучше решают земельный вопрос» — они за принудительное отчуждение помещичьей земли, однако... «за справедливую плату». Всякая попытка крестьян добыть себе землю захватным путем приводит кадетскую партию в ярость. «Она не хочет полного разрушения старых порядков — уничтожения господства помещиков; она добивается такого государственного строя, при котором половина власти осталась бы у царя, а другая была бы передана «народным представителям», то есть кадетам.

Сопоставляя таким образом программы политических партий в решении коренного вопроса русской революции, газета без особого труда убеждает крестьянство в том, что эти партии не являются выразителями его интересов.

«Добиться земли и воли, — разъяснял «Уфимский рабочий», — возможно не мирным путем, не просьбами и пустыми разговорами о «справедливой» оценке, а путем вооруженного восстания. В этой борьбе за землю и волю крестьяне найдут верного союзника в лице рабочего класса и его революционной партии социал-демократов. Эта партия начертала на своем знамени требование все й з е м л и

²⁶ «Уфимский рабочий», 1906, 17 декабря.

²⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 206.

без всякого выкупа и всей воли без всяких ограничений»²⁸.

Ленинская аграрная программа, зовущая крестьян на революцию против царя и помещиков, была сильным средством в предвыборной агитации уфимских большевиков и умело использовалась нелегальной газетой в революционном воспитании крестьянских масс, в сплочении их вокруг лозунгов партии. И если газета отмечала усиливающийся интерес крестьян к социал-демократической литературе, к аграрной программе большевиков и то, что крестьяне приходят к выводу о необходимости решения земельного вопроса революционным путем, то в этом немалая заслуга самой газеты.

Однако первые успехи уфимских социал-демократов не были прочными, что нашло отражение и на страницах их печатного органа. Они не были подкреплены ни единством лозунгов, ни единством действий членов комитета. Это объясняется прежде всего тем, что после поражения декабрьского вооруженного восстания Уфимская социал-демократическая организация значительно ослабла. Большая группа уфимских большевиков была арестована, другие же вынуждены были скрываться от преследований полиции (И. С. Якутов, А. Д. Цюрупа, А. И. Свицерский, П. П. Брюханов и многие другие).

Меньшевистский ЦК, зная о преданности уральских, в том числе и уфимских, социал-демократических организаций идеям большевизма, использовал этот удобный момент для посылки своих сторонников на Урал. В Уфу «на укрепление местной организации» были направлены меньшевики Бушен («Николай»), Гуревич-Бер («Петр» или «Петруша»), Петров («Костя»), Потоцкий («Прапор») и другие. Войдя в тесный контакт с местными меньшевиками Клебановым, Хаустовым, Асеевым, Безруковым, Калягиным, Малоземовым, они протащили своих сторонников в состав Уфимского комитета РСДРП и всячески мешали проведению большевистской избирательной платформы.

Уже в начале избирательной кампании при обсуждении вопроса о соглашениях между революционными партиями и оппозиционными силами против черносотенной опасности выяснились серьезные разногласия между большевиками и меньшевиками. После бурных дебатов комитет принял по основным тактическим вопросам думской кампании большевистскую резолюцию. Однако в противовес большевистской тактике частных избирательных соглашений с трудовиками и эсерами меньшевики настаивали на прочном избирательном блоке с кадетами.

И хотя меньшевистская идея блока с кадетами встретила дружный отпор большевистской части комитета, мнение его членов разделилось. В отчете с заседания, опубликованном в «Уфимском рабочем», говорилось: «...Что касается блоков и соглашений с

²⁸ «Уфимский рабочий», 1906, 17 декабря.

другими партиями и организациями, то комитет оставил этот вопрос открытым»²⁹.

Такая неопределенная резолюция по одному из принципиальных вопросов думской тактики развязала руки меньшевикам. И когда им не удалось склонить на свою сторону руководящий центр Уфимской социал-демократической организации, они обратили свои взоры на местные партийные организации. Им удалось навязать оппортунистическую резолюцию относительно блоков и соглашений Уфимскому железнодорожному районному комитету и Златоустовской группе социал-демократов.

Не совсем четкой была позиция по отношению к блокам и соглашениям в период избирательной кампании и у редакции газеты «Уфимский рабочий» (кстати, в состав редколлегии газеты в это время входил «импортный» меньшевик А. Петров). Несмотря на то, что в 5 номере на ее страницах была опубликована резолюция Второй общеуральской партийной конференции, запрещающая соглашения на всех стадиях выборов и являвшаяся директивным документом для уфимских социал-демократов, в следующем, шестом, номере напечатаны резолюции Уфимского железнодорожного районного комитета и Златоустовской группы РСДРП. «Уфимский железнодорожный комитет, — говорилось в одной из резолюций, — высказался за возможность соглашения с кадетами только на второй стадии выборов»³⁰. Это шло вразрез с решениями Второй общеуральской партийной конференции и директивами IV съезда РСДРП, запрещавшими всякие блоки с буржуазными партиями в избирательной кампании.

В самом деле, решения Второй общеуральской конференции, состоявшейся в сентябре 1906 г., казалось бы, должны были положить конец идейным шатаниям и разброду в местном комитете, определить четкую линию его печатного органа по отношению к избирательным блокам и соглашениям в ходе избирательной кампании. Однако газета, основной задачей которой являлось неукоснительное проведение в жизнь решения вышестоящих партийных органов, сама в какой-то мере проповедовала блоки с кадетами. В частности, на страницах того же шестого номера под рубрикой «К выборам в Государственную Думу», где были напечатаны резолюции двух низовых партийных организаций о допустимости блоков с кадетами на второй стадии выборов, помещено сообщение весьма недвусмысленного содержания:

«Вопрос о соглашении с другими партиями в настоящее время обсуждается во всех организациях РСДРП; выясняется, что большинство решило не вступать в соглашения с кадетами на первой стадии выборов»³¹.

²⁹ «Уфимский рабочий», 1906, 3 ноября.

³⁰ «Уфимский рабочий», 1906, 22 ноября.

³¹ Там же.

А в следующем, седьмом, номере «Уфимского рабочего» была полностью опубликована резолюция Второй конференции РСДРП (Первой всероссийской), состоявшейся в Таммерфорсе 3—7 ноября 1906 г.³² Как известно, на этой конференции принята меньшевистская резолюция «О тактике РСДРП в избирательной кампании». В противовес этой оппортунистической резолюции В. И. Ленин внес на конференции «Особое мнение» — большевистскую платформу в избирательной кампании, в которой подчеркивалась необходимость самостоятельности партии рабочего класса. «Особое мнение» допускало возможность временных соглашений на выборах лишь с представителями мелкобуржуазной демократии. Конференция поручила ЦК опубликовать все резолюции, в том числе и «особые мнения». Однако меньшевистский ЦК в своем органе «Социал-демократ» опубликовал лишь резолюцию конференции, исключив «Особое мнение» большевиков.

Не было опубликовано «Особое мнение» и на страницах «Уфимского рабочего». Трудно судить, сделано ли это преднамеренно или Уфимский комитет вообще не располагал текстом «Особого мнения». Но факт остается фактом: газета умалчивала о принципиальном различии двух тактик и о той ожесточенной борьбе, которая шла в рядах РСДРП по поводу думской тактики. В период избирательной кампании газета не выступила с резкой критикой лживой, антинародной политики кадетов, не разоблачила их стремления урвать от царского самодержавия «кусочек» власти, поделить власть с царским правительством. Она не разоблачила также контрреволюционной сущности оппортунистического лозунга соглашений с кадетами.

Чем ближе подходили сроки выборов, тем яростнее становились атаки меньшевиков. 31 декабря 1906 г. состоялась конференция Уфимского округа РСДРП. На ней были представители от 600 членов партии Миньярской, Симской, Аша-Балашовской, Катав-Ивановской, Златоустовской и Уфимской социал-демократических организаций. На обсуждение конференции выносилось два проекта резолюций о соглашениях с оппозиционными партиями. В первом из них меньшевистская часть Уфимского комитета вновь пыталась навязать свою идею о соглашениях социал-демократии в городской курии с «прогрессивным» блоком, в который входили кадеты и эсеры. Но конференция отвергла меньшевистский проект, приняв резолюцию, согласно которой допускались «соглашения с партиями, выставляющими лозунг Учредительного Собрания, на первой стадии выборов в городской курии, если у с.-д. не хватает своих сил»³². Это была крупная победа уфимских большевиков над оппортунизмом меньшевиков.

Свет на гнусные деяния меньшевиков в Уфимской социал-демократической организации проливает смелая статья «Избирательная кампания социал-демократов в Уфимской губернии», написанная

³² «Уфимский рабочий», 1907, 16 января.

для «Уфимского рабочего» одним из членов комитета и редакторов газеты А. Х. Митрофановым.

«Довольно значительная группа социал-демократствующей интеллигенции, которую Центр. К-т в одном из своих писем рекомендовал привлечь к избирательной кампании,— писал А. Х. Митрофанов,— оказалась способной только на критику действий и постановлений К-та и немногих активных работников. Но было бы еще с полгоря, если бы рекомендованные ЦК товарищи, отказываясь от активной помощи социал-демократии, не совали палки в колеса ее предвыборной работы.

Сделавши вывод о черносотенной опасности из им одним известных положений, местные соглашатели настойчиво рекомендовали организации не выставлять своего списка, а голосовать за так называемый «блок прогрессивных избирателей». Получив отказ, эти самоотверженные борцы с донкихотскими мельницами повели агитацию за «блок», а не за социал-демократию»³³.

После окружной конференции, в духе ее решений изменила свой курс и нелегальная газета уфимских социал-демократов. Ее пропаганда стала более наступательной и целеустремленной. Так, в статье «Выборы в Думу и задачи революции», опубликованной вслед за материалами конференции, подробно излагались основные установки ленинской думской тактики, четко формулировались задачи и лозунги революционной социал-демократии на новом этапе борьбы. В ней с предельной четкостью разъяснялась ленинская мысль о том, что парламентская борьба социал-демократии отнюдь не исключает революционных методов разрешения классовых противоречий в пользу пролетариата и крестьянства, а является лишь одной из форм борьбы для сплочения всех революционно-демократических сил в целях развития и победы революции.

«Где дело идет о жизни и смерти целого класса,— писал «Уфимский рабочий»,— где новые силы борются против со всех сторон сдавившего их старого ненавистного всем режима, там не может быть речи об окончании войны и мирной парламентской работе. Все это сознают пролетариат и революционные слои крестьянства и, не обольщаясь своими победами на выборах в Думу, по-прежнему ведут работу по подготовке окончательной победы революции над самодержавием, к победе новой России над старой».

Газета беспощадно разоблачает лживый демократизм кадетов, этих «образованных предателей русской революции».

«Не вместе с Думой и не через Думу,— говорится в заключении статьи,— как на это надеются либеральные буржуа, но захватив Думу и использовав ее как трибуну для агитации, сможет революционный народ разделиться со старыми порядками и, уничтожив при помощи вооруженного восстания всех насильников, завоевать всю землю и всю волю...»³⁴

³³ «Уфимский рабочий», 1907, 4 марта.

³⁴ Там же, 2 февраля.

«Уфимский рабочий» стал пристальнее следить за ходом выборов уполномоченных, систематически освещать их. С нескрываемой радостью он сообщал о крупной победе екатеринбургских большевиков на выборах.

«Предвыборная агитация социал-демократов развернулась у нас во всю,— писал корреспондент из Екатеринбурга.— Социал-демократические ораторы выступали перед большими собраниями ежедневно и с огромным успехом. Помогла в агитации и издававшаяся здесь соц.-дем. «Уральская жизнь». И затраченные усилия не пропали даром...».

Далее газета сообщала, что итоги работы екатеринбургских социал-демократов впечатляющи. Из девяти выборщиков по рабочей курии семеро были социал-демократами. По одному лишь выборщику в курии имели кадеты и черносотенцы. Убедительную победу одержали екатеринбургские большевики и на выборах по городской курии — все 13 выборщиков оказались социал-демократами.

«К ужасу правительства и буржуазии и к гордости пролетариата,— заключала газета,— наш Урал с каждым днем становится все больше и больше красным»³⁵.

Газета сообщала также о крупных успехах избирательной кампании в Перми, Челябинске и некоторых других городах Урала. Итоги выборов показывали верность уральских большевиков ленинской думской тактике. Их победа вселяла надежды на успешный исход выборов и в Уфе. Однако время было упущено. Вместо того, чтобы вести энергичную агитационную работу среди избирателей, значительные силы комитета были отвлечены на борьбу с меньшевиками внутри самой организации.

На 6 февраля 1907 г. были назначены выборы депутатов в Думу по Уфимской губернии. Социал-демократические депутаты могли пройти только при поддержке других групп выборщиков. Но каких именно? Уфимским социал-демократам нужно было решить: пойдут ли они вместе с либерально-кадетствующей буржуазией и будут «комбинировать свои действия» с ее действиями или встанут впереди демократических слоев населения. Предстоял решающий бой большевиков с меньшевиками, революционной тактической линии с оппортунистической.

Как показали итоги выборов уполномоченных, блок меньшевиков с кадетами провалился (исключение составляла лишь городская курия), победа в рабочей курии принадлежала эсерам, а в крестьянской — трудовикам.

Потерпев поражение на первой стадии выборов, меньшевики решили взять реванш на второй. Они развернули энергичную деятельность по созданию общего избирательного блока, охватывающего все мелкобуржуазные партии (эсеров, трудовиков, «народных социалистов») при гегемонии кадетов, объясняя это затасканным

³⁵ «Уфимский рабочий», 1906, 22 ноября.

утверждением о «черносотенной опасности». На деле же меньшевики хотели отбить у большевиков народническо-трудовые партии и таким образом помешать им создать левый блок против кадетов.

Местным оппортунистам удалось поколебать большевистскую часть Уфимского комитета. После жарких дебатов на одном из собраний социал-демократических выборщиков комитет принял предложение «прогрессивного блока» принять участие в обсуждении общего списка депутатов. «Сторонники соглашения исходили из того, — резюмировала газета «Уфимский рабочий», — что в Думу от Уфимской губернии необходимо послать хоть одного с.-д. Поэтому, принимая во внимание решающее значение на выборах по городу и вообще по губернии прогрессивной мусульманской партии, необходимо вступить в соглашения, ибо самостоятельно провести своего депутата мы не сможем, а разбивая голоса, мы способствуем черносотенцам»³⁶.

Но местные либералы, горевшие желанием провести в Думу только кадетов, наотрез отказались поддерживать социал-демократических кандидатов и в свою очередь пытались навязать выборщикам-социал-демократам свой список.

По требованию городского и железнодорожного комитетов РСДРП Уфы была проведена городская конференция. Ее участники в пух и прах разбили оппортунистическую идею блока с каде-тами и вынесли окончательный приговор дезорганизаторским и раскольническим действиям представителей меньшевистского ЦК, окопавшимся в Уфимской социал-демократической организации. После тщательного обсуждения предложения комитета о проведении совместного списка левого блока (2 социал-демократа, 2 социалиста-революционера и двое мусульман) конференция приняла его абсолютным большинством голосов.

Редколлегия газеты «Уфимский рабочий» честно признала свои ошибки и помогла комитету перед лицом пролетариата и революционного крестьянства до конца разоблачить контрреволюционное лицо противников большевистской тактики. Большое значение в этом важном деле имел подробный отчет с конференции, опубликованный в одиннадцатом номере газеты³⁷.

Так, в результате упорной борьбы большевиков, несмотря на свирепые полицейские преследования и дезорганизаторские действия меньшевиков, блок революционных партий стал реальностью. На губернском собрании выборщиков депутатом во Вторую Государственную Думу был избран рабочий Юрюзанского завода большевик Иван Давыдович Серебряков. Это была крупная победа уфимских большевиков и их печатного органа — газеты «Уфимский рабочий».

³⁶ «Уфимский рабочий», 1907, 4 марта.

³⁷ Там же, 2 февраля.

КРАХ БУРЖУАЗНОЙ ПРЕССЫ УРАЛА 1917 ГОДА

Об организации и характере деятельности непролетарской печати Урала в 1917 г. до сих пор нет ни одной специальной работы. Имеются лишь разрозненные замечания об отдельных органах печати в различных статьях и монографиях, посвященных проблемам общенсторическим или революционного движения в крае, да чисто библиографические сведения различной степени полноты о некоторых изданиях на землях нынешних Тюменской, Курганской, Оренбургской областей и Башкирии в предварительном списке «Периодические издания Западной Сибири. 1789—1955»¹ и справочнике «Периодическая печать Средне-Волжской области»². Некоторое представление о печати на Урале в 1917 г. дает очень неточный и крайне скупой список Л. К. Ильинского³. В специальных работах Л. П. Емельянова «Печать Удмуртии»⁴ и Т. Ахунзянова «Печать Советской Башкирии»⁵ крайне незначительное количество враждебных пролетариату газет лишь перечислено в информационном плане.

Если о татаро-башкирских изданиях, выходивших на территории Урала, можно почерпнуть кое-какие сведения из справочника И. Рамеева «Альбом татарской периодической печати»⁶ и работы Т. Янаби «Башкирская периодическая печать»⁷, то о русских изданиях 1917 г. на большей части территории Урала эти сведения взять негде, исключая архивы.

Между тем большой научный интерес вызывают отношения классов и партий, которые нашли выражение прежде всего в печати, отражавшей политические и экономические взгляды этих классов и партий. Вот почему изучение организации, деятельности

¹ Периодические издания Западной Сибири. 1789—1955. Предварительный список. Новосибирск, 1961.

² Периодическая печать Средне-Волжской области. Самара, 1929.

³ Л. К. Ильинский. Список повременных изданий за 1917 год. Пг., 1919.

⁴ Л. П. Емельянов. Печать Удмуртии. Из истории возникновения и развития партийно-советской печати Удмуртии (1905—1934 гг.) Ижевск, 1964.

⁵ Тагир Ахунзянов. Печать Советской Башкирии. Кн. 1. Уфа, 1967.

⁶ И. Рамеев. Альбом татарской периодической печати. Казань, 1926 (на татарском языке).

⁷ Т. Янаби. Башкирская периодическая печать. 1919—1929 гг.— В сб.: Х лет на культурном фронте. Уфа, 1929 (на башкирском языке).

и процесса ликвидации непролетарской прессы представляет особый интерес.

Данная статья является попыткой собрать воедино и обобщить факты, связанные с организацией и деятельностью самого крупного и реакционного отряда печати Урала в 1917 г., показать неизбежность краха контрреволюционной прессы.

* * *

Как известно, после победы февральской буржуазно-демократической революции в стране возникла чрезвычайно сложная и противоречивая обстановка.

В то время как по призыву большевиков рабочие и солдаты создавали Советы — органы революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, буржуазия лихорадочно формировала органы своей диктатуры — Временное правительство, его комиссариаты на местах, комитеты общественной безопасности. Это ей удалось благодаря недостаточной политической и организационной подготовке рабочего класса, прямому пособничеству меньшевиков и эсеров, мелкобуржуазной стихии.

Сложилось двоевластие, которое явилось, по оценке В. И. Ленина, «самой главной особенностью» революции⁸. Двоевластие выражало, писал он, «лишь *переходный* момент в развитии революции, когда она зашла дальше обычной буржуазно-демократической революции, *но не дошла еще* до «чистой» диктатуры пролетариата и крестьянства»⁹. Революционно-демократическая власть день ото дня сдавала позиции буржуазии, и после июльских событий буржуазия обрела единовластие.

Воспользовавшись плодами победы пролетариата, свергнувшего самодержавие, Временное правительство на первых порах провозгласило политическую свободу для всех и обеспечило на деле в первую очередь все свободы для своего класса, в частности, свободу слова и печати.

В период войны царизм, в известной мере сдерживая развитие буржуазной печати, преследовал прессу мелкобуржуазных партий и стремился уничтожить рабочую печать. Печать благонамеренной буржуазии была оставлена, но втиснута в жесткие рамки цензуры. «Перечни сведений, не подлежащих оглашению», которые рассылались по всем губерниям и уездам, следовали один за другим. Газетам запрещалось печатать материалы о «пребывании государя императора [в] Царском селе и о выездах туда министров...», о подводных лодках неприятеля в Черном море, статьи о военных событиях, «в особенности военные обозрения», всем обозревателям было предписано «не смей свое суждение иметь», а цензорам — «поставить военных критиков газет в более тесные... рамки»¹⁰.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 154.

⁹ Там же, стр. 155.

¹⁰ ЦГА УдАССР, ф. 225, оп. 1, ед. хр. 2, л. 122, 239, 7.

Наконец, в своем безудержном служебном рвении цензура докатилась до запрещения... «оглашения [в] печати метеорологических известий». Военные цензоры требовали от редакторов на просмотр даже телеграммы верноподданнейшего Петроградского телеграфного агентства, которые цензуре на местах не подлежали. Они не допускали к публикации или сокращали «статьи и заметки чисто политического характера», не имевшие отношения к войне.

Даже верные самодержавию газеты часто появлялись с белыми пятнами. Это встревожило начальника штаба Верховного главнокомандующего, который писал в январе 1916 года, что «белые пятна, зачастую занимающие целые столбцы, с одной стороны, производят весьма неприятное впечатление на общество... а с другой стороны, этим явлением может пользоваться противник для наглядного указания на стеснения, которым подвергается наша пресса»¹¹. И он рекомендовал... предварительную цензуру.

Кары сыпались на буржуазную прессу. Из «Сводного годового указателя к Алфавитному перечню запрещенных изданий за 1915 год» видно, что в этом году только на Урале были приостановлены властями челябинские газеты «Голос Приуралья», «Жизнь Приуралья», «Камышловец», тюменская «Сибирская торговая газета» и троицкая «Степь»¹².

В январе 1917 года министр внутренних дел А. Д. Протопопов предложил главным начальникам Петроградского и Московского военных округов откомандировать в распоряжение и в помощь военной цензуре чиновников своего министерства, ибо, как он считал, «недостаток военных цензоров влечет за собой недостаточно внимательное цензирование газет, направление которых в настоящее время сделалось явно антиправительственным»¹³.

Даже когда монархия была сброшена, царские власти на местах продолжали давить на печать. Пермский губернатор Лозина-Лозинский и жандармский полковник Стрельников задерживали воззвания и официальные распоряжения Временного правительства¹⁴. Владелец троицкой газеты «Степь» Х. Ш. Сосновскому местная жандармерия под страхом ареста запретила печатать документы о перевороте¹⁵.

Большую радость испытывала буржуазная журналистика, когда, воспользовавшись победой рабочего класса, она получила полную свободу. Период с февраля по октябрь 1917 г.— это время небывалого роста буржуазной и мелкобуржуазной прессы, но вместе с тем дальнейшей деградации ее и подготовки неизбежной гибели.

Правительство князя Львова 27 апреля 1917 года¹⁶ приняло постановление о печати, в котором провозгласило: «Печать и тор-

¹¹ ЦГА УдАССР, ф. 225, оп. 1, ед. хр. 2, л. 8, 62, 180, 217.

¹² ГАОО, ф. 10, оп. 4, д. 448, л. 2—3.

¹³ «Уральская жизнь», 1917, 18 января.

¹⁴ СПА, ф. 41, оп. 1, д. 281, л. 27.

¹⁵ ЧПА, ф. 596, оп. 1, д. 221, л. 1.

¹⁶ Все даты приведены по старому стилю.

говля произведениями печати свободны. Применение к ним административных взысканий не допускается»¹⁷.

Появление этого документа было вызвано тремя основными причинами. Во-первых, объявляя свободу печати, буржуазия заботилась прежде всего о свободе и развитии собственной прессы; во-вторых, в условиях двоевластия Временное правительство еще не имело достаточно сил, чтобы воспрепятствовать процессу быстрого роста последовательно революционной и радикальной печати, который начался сразу же после свержения самодержавия. И наконец, в-третьих, демагогическое декларирование свободы печати в момент, когда массы захлестнула волна мелкобуржуазных настроений и иллюзий, могло быть воспринято ими как акт «истинного демократизма», затушевывавший подлинное лицо буржуазной власти.

О действительных стремлениях Временного правительства, которое пока не могло открыто преследовать негодную ему печать, говорит крайняя медлительность в ликвидации царского Главного управления по делам печати. Создав Особую комиссию по ликвидации, правительство только 16 мая образовало при ней «Временную канцелярию». Оба эти органа существовали до 16 сентября, когда, наконец, были упразднены¹⁸.

Об истинных намерениях правительства свидетельствует и циркуляр от 16 мая 1917 года, подписанный заместителем министра внутренних дел и комиссаром Временного правительства по делам печати графом Д. Капнистом. В циркуляре, разосланном всем губернским и уездным правительственным комиссарам, говорится, что Главное управление по делам печати и подведомственные ему на местах учреждения упраздняются. Тем не менее, значится в циркуляре, «Временное правительство нашло необходимым озаботиться сохранением тех функций ведомства б. Главного управления по делам печати, за которыми нельзя не признать огромного государственного и культурного значения»¹⁹. Это было чистейшее политическое фарисейство.

Чиновничий аппарат Главного управления по делам печати в сущности остался на месте. Помощниками начальника «Временной канцелярии» трудились: К. Н. Богданович, зять «камергера высочайшего двора» Хитрово, бывший служащий царского Министерства внутренних дел, с 1914 г. — помощник правителя, а затем правитель дел Главного управления по делам печати; П. А. Замятин, с 1903 г. помощник правителя дел управления; приват-доцент Ю. П. Новицкий, служивший в управлении с 1915 г.²⁰ и т. д.

Из того же циркуляра (от 16 мая) видно, что, не «упразднив», а лишь приспособив аппарат управления, буржуазия в новых условиях возлагала на него задачу «...установления порядка, гаранти-

¹⁷ ГАПО, ф. 695, оп. 1, д. 33, л. 1.

¹⁸ ЦГАОР, ф. 397, оп. 1, д. 1, л. 1; д. 3, л. 18.

¹⁹ ГАПО, ф. 695, оп. 1, д. 33, л. 5.

²⁰ ЦГАОР, ф. 397, оп. 1, д. 8, л. 6; д. 3, л. 16—18; д. 22, л. 18, 14.

рующего привлечение к ответственности по суду на общем основании лиц, совершивших преступления путем печати...»

Это был первый шаг на пути ликвидации той свободы печати, которую еще вчера пышно объявило «правительство свободы». Летом 1917 г. всякие церемонии отброшены окончательно. 5 июля казаки и юнкера разгромили редакцию «Правды», 6 июля — «Солдатскую правду» и типографию «Труд», 7 июля Керенский, тогда военный министр, запретил распространять в армии все большевистские издания. 12 июля министрам внутренних дел и военному было предоставлено право закрывать на фронте и в тылу газеты и журналы, их редакторов привлекать к суду. В июле-августе было закрыто 14 большевистских газет, в том числе по личному распоряжению Керенского — «Уральская правда» в Екатеринбурге²¹.

Между тем капиталисты, услужливо поддерживаемые меньшевиками и эсерами, бешено развивают собственную печать, способную идейно разоружить рабочих и крестьян.

Тысячи печатных станков страны выпускали миллионы воззваний, обращений, листовок, прокламаций, в которых была «одной лишь думы власть»: «Да здравствует свобода! Полная поддержка Временного правительства! Да здравствует война до победы!» Кто только ни печатал листовок: Временное правительство, Государственная дума, Всероссийский земский союз, Всероссийский крестьянский союз и т. д. На Урале многие прокламации центральных буржуазных учреждений перепечатывались. Кроме того, «Уральское заводское совещание по обороне государства», военно-промышленные комитеты, «Клуб офицеров и солдат-республиканцев Пермского гарнизона», потребительские и кооперативные общества, «Еврейская народная группа» (Екатеринбург), «Лига равноправия женщин» (Златоуст), «Организация трудового народа» (Миасс), «Организация внепартийных» (Екатеринбург), троицкая «Общезачья демократическая партия», комитеты кадетов, эсеров, меньшевиков, народных социалистов, анархистов, максималистов, различные религиозные общества, вроде баптистов и «Христианского студенческого союза» в Ижевске, — все они стремились заявить о себе, привлечь внимание, заполучить поддержку, на вербовать как можно больше приверженцев, проводить свои взгляды, воздействовать на общественно-политическую жизнь.

На издание листовок, брошюр и воззваний буржуазия не жалела ни сил, ни средств. В Сарапуле до 7 марта издатель Ф. В. Грачев и редактор А. А. Метешкин выпустили 13 номеров информационного листка, напечатанного на одной стороне листа, под заголовком «Государственный переворот». То есть в день издавали не по одному, а даже по два-три выпуска²². Но и этого издания показалось мало. И Сарапульское земство параллельно

²¹ Х. М. Астрахан, И. С. Сазонов. Создание массовой большевистской печати в 1917 году. — «Вопросы истории», 1957, № 1, стр. 93.

²² Установить периодичность выхода точно невозможно, так как листок выходил без даты.

издает свой бюллетень тоже под заголовком «Государственный переворот», но уже на четырех полосах²³. Надо учесть, что в этом небольшом тогда городе уже выходило две газеты — «Кама» и «Прикамская жизнь». Пермское губернское земство выделило 50 тыс. рублей специально для печатания материалов об отречении Николая II, о ходе февральской революции, конечно, в угодном буржуазии духе²⁴.

К подобной литературе примыкали и прокламации тех Советов, которые находились под влиянием меньшевистско-эсеровских партий. Так называемый «Уральский» Совет рабочих и солдатских депутатов, например, развил основательную издательскую деятельность. По его требованию и на его деньги Пермская губернская типография почти непрерывно печатала воззвания, обращенные то к армии, то к крестьянам, то к рабочим и работницам, то ко всему населению губернии, тиражом от 5 до 30 тысяч экземпляров каждое²⁵.

На Урале издавалось также множество враждебных пролетариату периодических изданий, главным образом, газет.

Накануне Октябрьской революции здесь выходило более 30 периодических изданий, возникших еще в XIX и начале XX в. (до марта 1917 г.). Среди них был ряд отличных в профессионально-техническом отношении газет, например, «Уральская жизнь», «Зауральский край» (Екатеринбург), «Уфимская жизнь», «Оренбургская жизнь», «Пермская земская неделя» и т. д. Кроме того, здесь выходили 25 изданий научно-краеведческих, профессиональных объединений типа «Уральское хозяйство», «Уральский кооператор» (Екатеринбург), «Учительский вестник» (Оренбург), «Ежегодник Тобольского губернского музея», «Вестник Ташкентской железной дороги» (Оренбург) и другие, во многих из которых среди материалов сугубо специальных печатались статьи политического характера, как правило, нацеленные на поддержку Временного правительства. В частности, в номере 5 «Вестника Ташкентской железной дороги», вышедшего в первых числах марта 1917 г., редакция заявила, что «первой и самой главной задачей Вестника будет закрепление добытых с таким трудом прав русскому народу и посильная помощь нашей армии для победы над внешним врагом»²⁶. Редакция призывала железнодорожников агитировать крестьян отправлять хлеб в армию.

С победой буржуазно-демократической революции наступает бурный рост буржуазной и мелкобуржуазной прессы на Урале. С марта по декабрь 1917 г. включительно возникло более 170 таких газет и журналов. Это в 5 раз больше, чем за сто лет

²³ Сохранился один номер без нумерации, вышедший 10 марта 1917 г. из типографии В. Г. Беззачатнова.

²⁴ «Известия Уральского Совета рабочих и солдатских депутатов», 1917, 18 апреля.

²⁵ СПА, ф. 41, оп. 1, д. 309, л. 31, 39, 42.

²⁶ ГАОО, ф. 142, оп. 4, д. 5 («Вестник Ташкентской железной дороги», 1917, № 5, стр. 1).

(1789—1889 гг.) существования всех видов печатной периодики Урала!

Все непролетарские издания, выходявшие на Урале в 1917 г., можно подразделить в основном на три большие группы: правые, соглашательские и демократические. Внутри каждой из них прослеживается, хотя и относительная, дифференциация.

Группа правых изданий отражала и защищала интересы помещиков, крупной и средней промышленной, торговой и сельской буржуазии. К этой группе следует отнести газеты местных органов буржуазного Временного правительства, комитетов общественной безопасности (спокойствия)²⁷, профессионально-классовых капиталистических объединений, отдельных издателей — капиталистов, прислужников буржуазии, кадетов, трудовой народно-социалистической партии, буржуазно-националистические издания, церковно-религиозные и земские.

С первых же дней марта царистские губернаторские газеты были преобразованы и поставлены на службу губернских комиссариатов — органов новой буржуазной власти. На базе «Оренбургских губернских ведомостей» стал выходить «Оренбургский губернский вестник», вместо «Уфимских губернских ведомостей» — «Известия Уфимского губернского комиссариата», вместо «Пермских ведомостей» — «Вестник Пермского края» (позднее — «Пермский вестник Временного правительства»). В Тобольске продолжала издаваться газета под старым названием «Тобольские губернские ведомости». Более того, наряду с ними с 1 марта 1917 г. начали выходить «Телеграммы к неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей». В Оренбурге вплоть до октября сохранились «Сенатские объявления по казенным, правительственным и судебным делам», начатые изданием в январе 1917 г.

Овладеть бывшими царистскими изданиями и наладить их выпуск буржуазии старательно помогали меньшевики и эсеры. Рабочие Пермской губернской типографии не желали печатать газету буржуазной власти. Тогда 1 мая 1917 г. председатель меньшевикско-эсеровского Уральского Совета рабочих и солдатских депутатов направил рабочим категорический приказ: «Немедленно приступить к выпуску газеты «Пермский вестник Временного правительства»²⁸.

Сконструировав органы своей диктатуры — комитеты общественной безопасности²⁹, уральская буржуазия немедленно создала их рупоры. В Уфе — «Известия Уфимского губернского комитета», в Нижнем Тагиле — «Известия Нижне-Тагильского комитета об-

²⁷ Те комитеты общественной безопасности на Урале, в состав которых входили большевики и которые испытывали их влияние, печатных органов не издавали.

²⁸ СПА, ф. 41, оп. 1, д. 309, л. 15.

²⁹ В некоторых городах они назывались комитетами общественного спокойствия, исполнительными комитетами, народными комитетами, гражданскими комитетами; кое-где их роль выполняли земские управы.

шественной безопасности» (позднее — «Горный край»), в Тобольске — «Бюллетени Тобольского Временного комитета общественно-го спокойствия» (позднее — «Известия Тобольского Временного комитета общественного спокойствия»). Здесь же параллельно «Бюллетеням...» («Известиям») комитет издает дважды в неделю «Крестьянскую газету» тиражом в 6000 экземпляров³⁰. В Тюмени Временный исполнительный комитет издавал «Телеграммы и известия». В Оренбурге наряду с «Известиями Оренбургского губернского комитета общественной безопасности» выходит газета «Известия Тургайского областного временного гражданского комитета», преобразованная в журнал, затем снова в газету («Известия Тургайского областного гражданского комитета») — органов, финансируемых Тургайской областной управой и созданных для «управления» Тургайской областью.

«Народный вестник», издававшийся Соликамским исполнительным комитетом с 13 мая, брал на себя задачу осведомлять население о том, «к чему призывает нас наше Временное правительство, включившее ныне в свой состав всех защитников народных прав», о том, «как нужно решить земельный, рабочий вопросы» и наряду с просьбой к населению присылать средства на издание, предлагал читателям писать о том, «как укрепляют новый строй»³¹. Вскоре, с 29 июня, «Вестник» сменила «Соликамская земская газета». Целиком на стороне Временного правительства стоял «Оханский вестник» — орган Оханской земской управы и другие земские периодические издания.

Крупная уральская промышленная буржуазия, положившая начало своим классовым организациям еще в конце прошлого века, продолжала объединяться и после февраля. Некоторые из ее союзов стали издавать собственные печатные органы. В их ряду — «Известия бюро совещания горнопромышленников Урала», появившиеся в июне 1917 г. в Екатеринбурге. Программа нового органа включала не только пропаганду приказов и законов Временного правительства, но и освещение деятельности самого издателя — Бюро совещания горнопромышленников Урала, работы «Комиссии центрального комитета по восстановлению и поддержанию нормального хода работ в промышленных предприятиях»³². К этому изданию примыкает «Луч» — «махровая контрреволюционная газетка» предпринимателей торгово-промышленного союза г. Стерлитамака, издание «Профессионально-политического союза работников учреждений г. Стерлитамака», организованного в марте 1917 г. реакционной частью чиновничества, выходившее под заголовком «Известия профессионально-политического союза»³³.

³⁰ Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии (1917—1920 гг.). Сб. документов и материалов. Свердловск, 1967, стр. 78.

³¹ «Народный вестник», 1917, 13 мая.

³² «Зауральский край», 1917, 24 июня.

³³ С. М. Васильев, В. П. Чемерис. На путях к Октябрю. Уфа, 1960, стр. 61—62.

Сюда же нужно отнести бюллетень «Известия союза учителей Уфимской губернии» и «Педагогический журнал» — издание этого же союза. Оба они стояли на точке зрения полной и безоговорочной поддержки Временного правительства. В бюллетене опубликована единогласно принятая резолюция Уфимского съезда учителей от 9 мая 1917 г., который, «обсудив вопрос о войне, постановил: 1) всемерно агитировать в городах и селах за необходимость везти хлеб для армии, за необходимость непрестанно работать на рабочих станках и возможно шире распространять «Заем свободы», чтобы поддержать нашу доблестную армию впредь до заключения вместе с союзниками прочного мира без аннексий и контрибуций, на началах самоопределения народностей; 2) бороться против всяких самочинных дезорганизованных выступлений и всемерно организовывать порядок для закрепления завоеваний свободы, работать над созывом Учредительного собрания, которое несомненно обеспечит политические и гражданские права народа, а также наилучшим образом обеспечит земель как крестьянство, так и защитников родины»³⁴.

Не удивительно, что «Известия» и «Педагогический журнал» после победы Октября резко отрицательно отнеслись к Советской власти, требовали «полной свободы внутренней жизни» школы, «полной свободы личности учителя и его преподавания», иначе говоря, выступали за отделение школы от пролетарского государства. «Педагогический журнал» поддерживал учителей-саботажников, разжигал ненависть к советским порядкам.

К этим буржуазным изданиям примыкает газета Троицкого военно-промышленного комитета «Свобода народа», издававшаяся с марта 1917 г. Стремясь создать видимость, что газета «в действительности ничего общего не имеет» с родившейся в июне в Троицке организацией партии «Народной свободы» (кадетов), редакция с 13 июня 1917 г. переименовала название газеты на «Молодую Россию». Лицемерное «отмежевание» закончилось, однако, тем, что, когда 21 октября «Молодая Россия» прекратила свое существование, ее место тотчас³⁵ заняла кадетская «Свободная речь», которую высылали прежним подписчикам почившего органа военно-промышленного комитета.

Откровенно буржуазный контрреволюционный характер носили оренбургские ежедневные «Новости дня» (редактор-издатель П. И. Наумов), екатеринбургский «Информационный листок» (редактор-издатель В. Б. Локшин) и другие. Но в своей реакционности всех их перещеголял «независимый» внепартийно-республиканский орган свободного казачества», издававшийся вначале Оренбургской войсковой управой, а затем — войсковым правительством А. И. Дутова — «Оренбургский казачий вестник».

³⁴ «Известия союза учителей Уфимской губернии», 1917, № 6, стр. 5.

³⁵ С 24 октября 1917 г.

С первых номеров «Вестник» открыто защищал контрреволюционное Временное правительство, ибо оренбургское казачество оказалось «совершенно приспособленным к новому строю»³⁶. Газета клеветала на большевистскую партию, внушала казачеству милитаристские идеи («Пусть будет проклят тот, кто заговорит о мире!»)³⁷. В августовско-сентябрьские дни «Вестник» полностью сомкнулся с корниловщиной, проклинал Керенского, которого еще совсем недавно называл «нашим народным первым министром и молодым генералом», «великим гражданином» с «мощным гением»³⁸. Газета с откровенной ненавистью отнеслась к победе социалистической революции и в воззвании «От войскового правительства к населению Оренбургского казачьего войска» недвусмысленно предупреждала казаков о том, что «может быть, придется пролить братскую кровь» и вообще: «Всадники-друзи, в поход собирайтесь!»

Начиненный клеветническими измышлениями и просто грубой бранью, «Оренбургский казачий вестник» — орган воинствующей контрреволюции, идет на прямой подлог и провокации — метод, веками используемый буржуазной прессой и пропагандой во все времена и во всех странах в борьбе против прогрессивных сил. В. И. Ленин так определил суть этого приема: «Лги, шуми, кричи, повторяй ложь, — что-нибудь останется»³⁹. «Оренбургский казачий вестник» сделал все, чтобы создать у казачества представление о пролетарской революции как о движении темных сил, диком разгуле, ведущем страну к хаосу и гибели.

«Подогрев» таким образом своих читателей, газета 4 ноября в разделе «Телеграммы» напечатала сначала коротенькую информацию «Положение в Саратове»: «Саратов (сообщение дежурного члена комитета общественной безопасности Юдеева). Большевики безобразничают, разгоняют все собрания, грабят на улицах и творят насилия». Тут же под заголовком «Помощь Саратову» помещено «Заявление» Юдеева, обращенное к атаману А. И. Дутову: «Будьте добры, атаман, окажите нам помощь. Саратов до сих пор находится в печальном положении».

Публикация этого лживого, провокационного «Заявления» понадобилась единственно для того, чтобы предоставить повод атаману Дутову отдать приказ Оренбургской казачьей дивизии, находившейся близ Саратова, войти в город и восстановить власть Временного правительства. «По всей России, — писал атаман в приказе, напечатанном под информацией Юдеева, — оренбургские казаки твердо стоят на поддержке Временного правительства. Помните это и немедленно на коней и в Саратов!».

Но революционный город отказался от атаманской «помощи». Меры, принятые исполкомом Саратовского Совета, убедили рядо-

³⁶ «Оренбургский казачий вестник», 1917, 16 июля.

³⁷ Там же, 19 сентября.

³⁸ Там же, 4 ноября, 23 и 14 июля.

³⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 217.

вых казаков во лжи буржуазии и ее рупора — «Оренбургского казачьего вестника» и спасли город от кровавого погрома⁴⁰.

С начала ноября, когда по приказу Дутова были арестованы руководители оренбургских большевиков, «Оренбургский казачий вестник» становится вдохновителем контрреволюционного мятежа, одним из идеологических средств вооруженной белогвардейщины. Именно в это время большевистская газета «Уральский рабочий» устами рядового казака разоблачила этот орган воинствующей буржуазии, его систематическую наглую ложь и обман населения Оренбургской губернии⁴¹.

Роль могильщиков революции играли в 1917 г. печатные органы партии «Народной свободы». Уральские кадеты после февраля активизируют печатную пропаганду. К сохраненным и часто хорошо поставленным ими изданиям, таким, например, как «Зауральский край» в Екатеринбурге, они добавляют девять газет: «Свободное слово» (Тюмень), «Курганское свободное слово», «Народная свобода» (Челябинск), «Кунгурская жизнь», «Оренбургский край» и т. д.

Сравнительная немногочисленность новых газет кадетов не случайна: партия крупной буржуазии и помещиков не пользовалась на Урале популярностью. Демагогические положения программы кадетских партийных (и выходивших, конечно, под флагом «беспартийности») изданий о «беспристрастном освещении общественно-политической жизни России, защите справедливых интересов как трудящихся масс, так и всех отдельных групп и классов населения свободной России»⁴², никого не могли обмануть. Явно контрреволюционный содержание этих газет вызывало гнев трудящихся, который порой приобретал весьма острые формы. В августе, например, рабочие разгромили типографию «Курганского товарищества печатного и издательского дела», в которой печаталось «Курганское свободное слово»⁴³.

Трудовая народно-социалистическая партия на Урале существенной роли не играла. Организации ее были малочисленны и слабы. Тем не менее в трех городах они сумели создать свои газеты: в Шадринске — «Шадринскую жизнь», в Уфе — «Народный социалист», в Туринске — «Труд и свобода».

К правым антинародным изданиям следует отнести и периодические органы татарской, башкирской, казахской, удмуртской и еврейской национальной буржуазии.

К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии» писали, что в условиях антагонистических формаций господствующие классы регулировали не только производство, но и распределение мыслей своей эпохи, что «класс, имеющий в своем распоряжении средства

⁴⁰ Рассказывают участники Великого Октября. М., 1957, стр. 307.

⁴¹ «Уральский рабочий», 1917, 17 ноября.

⁴² «Народная газета» (Курган), 1917, 4 мая.

⁴³ Установление Советской власти на территории Курганской области. Сб. документов и материалов. Курган, 1957, стр. 235.

материального производства, располагает вместе с тем и средствами духовного производства, и в силу этого мысли тех, у кого нет средств для духовного производства, оказываются в общем подчиненными господствующему классу⁴⁴.

Это верно не только в отношении к угнетенному классу внутри данной нации, но также и в отношении к угнетенной нации. Идеи эксплуататорских классов господствующей нации преобладали среди угнетавшихся царским самодержавием народов России. Преследуя колонизаторские цели, царизм сознательно тормозил развитие духовной жизни угнетенных народов. Десятки наций и народностей не имели не только материальных средств духовного производства, но даже своей письменности.

Как и по всей стране, на территории Урала татарская пресса возникла лишь после первой русской революции. Исключая большевистскую газету «Урал» (Оренбург, январь — апрель 1907 г.) и революционно-демократический оренбургский журнал «Карчга» («Ястреб»), все остальные находились в руках национальной буржуазии и мулл. Эти органы печати, стремясь отвлечь внимание трудящихся от вопросов классовой борьбы, раздували религиозную пропаганду. Коран был их первым и последним словом. Татарские муллы в союзе с трусливой национальной буржуазией почти не ставили общественно-политических проблем. Зато решая экономические вопросы, внушали, что первопричина бедности и нищеты татарского народа — «ленивость», «безынициативность», что «будущее мусульман в земледелии, земледелии и земледелии»⁴⁵. И пели дифирамбы кулакам.

После победы февральской революции, когда гнет царизма был свергнут, татарская буржуазия начинает заметно оживать. В ее изданиях, по-прежнему проникнутых религиозными идеями, появляются уже чисто политические лозунги. Так, первая газета татарской буржуазии, родившаяся после февраля в Троицке, «Хыр миллят» («Свободная нация»), одной из важнейших своих задач считала «реорганизацию духовного присутствия», а в области политической — проповедь идей единства нации и классового мира. Эти же идеи окрашивают и еженедельную газету «Оренбург мых-бири» («Оренбургский вестник») ⁴⁶. Не случайно издателями обоих органов явились мусульманские шуро. Идеи единства нации, национальной автономии буржуазия стремилась осуществить, играя на религиозных чувствах татар. Вместо «духовного присутствия» в начале марта в Уфе был организован «Комитет распространения среди мусульман идей гражданства», затем «Национальное управление российских и сибирских мусульман», которое в октябре 1917 г. приступило к изданию журнала под показательным заго-

⁴⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е, т. 3, стр. 46.

⁴⁵ Р. И. Нафигов. Формирование и развитие передовой татарской общественно-политической мысли. Казань, 1964, стр. 74.

⁴⁶ И. Рамеев. Альбом татарской периодической печати, стр. 65.

ловком — «Мухтариат» («Автономия»). Он ставил цель претворить в жизнь идею буржуазной национальной автономии.

К этим изданиям, проникнутым духом национализма, тесно примыкают башкирские националистические газеты.

До февральской революции башкирская буржуазия вообще не имела собственных печатных изданий. Башкирский народ обрел письменность лишь после Октябрьской социалистической революции. Поэтому башкирские издания в 1917 г. выходили на татарском языке. Первой башкирской газетой явилась «Башкорт итфаки бюросынин махбире» («Известия Башкирского областного бюро») — орган буржуазно-националистического «Башкирского областного бюро». Первый и единственный номер его вышел 14 июня 1917 г. в Челябинске. Все четыре полосы, за исключением небольшой информации о съезде мусульман, заняла статья одного из лидеров башкирского национализма З. Валидова⁴⁷, стремившегося отравить сознание башкирских трудящихся духом националистической мести. Статья играла роль декларации, призывавшей к созданию башкирской национальности под лозунгами буржуазного национализма.

Прямым преемником этой газеты явился «Башкорт» («Башкир»), первый номер которого появился в Оренбурге 15 июля. Редакция печатала материалы всевозможных конференций и съездов, о подготовке Учредительного собрания. Помещала и статьи антивоенного характера. Вместе с тем вела усиленную националистическую пропаганду. С одной стороны, газета противопоставляла башкирский народ русскому, с другой — призывала к борьбе против татарских националистов. После Октября газета переродилась в открытый контрреволюционный орган, вела бешеную травлю большевистской партии⁴⁸.

Казахские буржуазные националисты группировались вокруг своей газеты «Казах», тесно связанной с кадетами. Из документов Оренбургской полиции за август 1916 г. явствует, что одним из сотрудников газеты был А. Буксейханов — бывший член I Государственной Думы, член Самарского комитета кадетской партии⁴⁹. Если до февраля 1917 г. «Казах» подозревался царской властью «в агитации среди киргизов (казахов. — В. П.) в пользу отказа от призыва на военную службу»⁵⁰, констатировал, что «разрозненность между правительством и обществом с каждым днем увеличивается», и при этом вздыхал, сожалея, что «на сближение нет надежды»⁵¹, то после февраля он призывал местное население во

⁴⁷ З. Валидов — яркий националист и контрреволюционер. Во время Великой Отечественной войны он выступил организатором фашистских групп в Турции. (См.: Революцией призванные. Оренбург, 1961, стр. 60).

⁴⁸ Т. Янаби. Башкирская периодическая печать. 1919—1929 гг. — В сб.: Х лет на культурном фронте, стр. 47.

⁴⁹ ГАОО, ф. 10, оп. 2, д. 282, л. 5.

⁵⁰ Там же, л. 1.

⁵¹ «Казах», 1917, 13 февраля; ГАОО, ф. 10, оп. 2, д. 242, л. 7.

всем помогать новой буржуазной власти. Когда в конце 1917 г. в Оренбурге возникло контрреволюционное «правительство» Алаш-Орда, «Казах» стал органом контрреволюционной партии «Алаш»⁵².

Националистическая удмуртская интеллигенция и буржуазия полностью поддерживали политику Временного правительства через свою первую после февральской революции газету на удмуртском языке «Удморт», родившуюся 15 августа в Вятке на месте верноподданной самодержавию газеты «Войнаысь ивор» («Вести с войны»)⁵³.

Буржуазно-националистические устремления еврейской буржуазии отражали издания еврейской учащейся молодежи. Одно из известных нам появилось в Тобольске, другое (журнал «Юная мысль»)⁵⁴ в Перми. Двухнедельная литературно-политическая тобольская газета «Наше слово» начала выходить на русском языке на 2—4 полосах малого формата как «орган Тобольской организации еврейской учащейся молодежи». Пытаясь скрыть свои намерения за ширмой безобидного «Комитета культурно-просветительного кружка еврейской молодежи», «Наше слово» уже во втором номере (15 сентября) полностью выдало себя сионистскими лозунгами, вроде «Создание автономного центра в Палестине». В напечатанной тут же «Платформе сионистской организации в России» внушается мысль, что «окончательное разрешение еврейского вопроса и, в частности, рабочего, только в создании центра в Палестине». Руководители «беспартийного» «культурно-просветительного кружка» образовали «временный Ваад» (комитет), который в третьем номере газеты (1 октября) напечатал воззвание «К еврейской молодежи» с призывом записываться в сионистскую буржуазно-националистическую организацию «Геховер».

Националистические и буржуазные издания, как правило, наряду с пропагандой реакционных политических лозунгов, проповедовали религиозные идеи. Так, троницкая «Молодая Россия»

⁵² Х. Н. Бекхожин. Пути развития казахской печати. Алма-Ата, 1965, стр. 35—36.

⁵³ Л. П. Емельянов. Печать Удмуртии. Ижевск, 1964, стр. 7. В статье Т. С. Томшич «Деятельность большевиков среди трудящегося крестьянства Удмуртии в период мирного развития революции (март—июнь 1917 года)», опубликованной в сб. «Из истории партийных организаций Урала». Вып. 1. Свердловск, 1964, стр. 10, говорится: «Кулацкая верхушка, учителя-эсеры и священники в июне (1917 г.—В. П.) создали «Глазовское культурно-просветительное общество вотяков» и «Инородческое бюро». Они издавали в Вятке на удмуртском языке под редакцией священника Глезднева «Войнаысь ивор» («Вести с войны»), в Глазове газету «Удморт», в Елабуге «Виль синь» («Новое око»). Здесь допущена неточность. На самом деле вятская газета на удмуртском языке «Войнаысь ивор» под редакцией священника П. Глезденева родилась еще в 1915 г. Вместо нее с 15 августа стала выходить газета «Удморт». В Глазове такой газеты не было. А елабужская «Виль синь», возникла лишь 24 января 1918 г.

⁵⁴ Известен лишь № 2, вышедший в июле 1917 г. Издатель — «Союз евреев — учащихся средне-учебных заведений г. Перми».

18 июля опубликовала «Открытое письмо к гражданам, сочувствующим чистому христианскому учению». В «Письме» внушается мысль, что «чистое» христианское учение «вполне может явиться объединяющей нас платформой», «Христос — наш царь, и вся наша программа в Евангелии». Революцию надо производить не в обществе, а в душах людей. «Революция в себе, от себя к богу — вот величайший подвиг каждого гражданина».

Ясно, что такого рода сентенции преследовали одну цель — обмануть массы, увести их в сторону от революционного преобразования мира.

Религиозная пропаганда, пропитанная буржуазными политическими идеями, была уделом газет, издававшихся на Урале духовенством.

До февральской революции здесь почти во всех губернских городах и уездном Екатеринбурге выходили «епархиальные ведомости». Но они владели жалкое существование. Так, в период свержения самодержавия в «Екатеринбургских епархиальных ведомостях» не было, кроме редактора, ни одного сотрудника⁵⁵. После февраля лишь «Тобольские епархиальные ведомости, издаваемые при братстве Димитрия Солунского» просуществовали вплоть до 1919 г., когда окончательно была ликвидирована колчаковщина.

Часть духовенства после февраля выступила за «демократизацию» церкви, ибо, по ее мнению, «...вся политика старого Синодального и епархиального строя была направлена именно к тому, чтобы разделить эти силы (духовенства с церковно-народными приходскими.— В. П.), лишить их самой возможности тесного сплочения...» В Камышловском уезде эта часть церковнослужителей «бесповоротно» осудила старый строй и высказалась за демократическую республику, потому-де, что духовенство «находилось под двойным давлением жандармского сапога и архиерейского каблука».

Ложь не смущала пастырей. Им было важно «обновить» не столько строй, сколько церковные порядки. «Правда, частные отдельные голоса и призывы к обновлению церковной жизни и к возрождению прихода были, но они заглушались громкими воплями казенной печати...»⁵⁶ Вот почему эта часть духовенства отрицательно отнеслась к старым «Епархиальным ведомостям» и вскоре после падения царизма организовала свои газеты, провозглашавшие идеи обновленческой церкви.

В Екатеринбурге, наряду с «Екатеринбургскими епархиальными ведомостями», исполком екатеринбургского городского духовенства начал в апреле 1917 г. издавать еженедельную газету «Известия Екатеринбургской церкви», в Оренбурге появился «Оренбургский церковно-общественный вестник».

⁵⁵ «Известия Екатеринбургской церкви», 1917, 30 апреля.

⁵⁶ Там же, 23 апреля.

Религиозные издания не скрывали своих политических целей. Они полностью поддерживали Временное правительство, организовывали сбор средств на нужды обороны⁵⁷, боролись с дезертирством из царской армии, были в целом согласны с мыслью об отделении церкви от государства и школы от церкви и готовились к этим актам. «Известия Екатеринбургской церкви» ратовали за то, чтобы духовенство взяло «на себя задачу культурно-политической деятельности в деревне», «помочь политически и социально самоопределиться народу»⁵⁸. Иначе говоря, церковники претендовали на роль народных руководителей в рамках укрепления буржуазного строя. Устроить же жизнь государства они надеялись по английскому образцу, так как в Англии, даже «самая полиция... для того только и существует, чтобы оберегать свободу, которой пользуется каждый англичанин. Полиция за тем только и наблюдает, чтобы никто не мог насильничать над другим. Полиция в Англии — страж свободы, страж закона.

Вот это понятие свободы, как понимает англичанин, и нужно усвоить всем нам»⁵⁹.

«Известия Екатеринбургской церкви», исповедуя идеи «народовластия», понятые на буржуазный манер, вместе с тем не открещивались и от мелкобуржуазных, кулацких слоев населения, т. е. лавировали между крупной и мелкой буржуазией. Газета опубликовала без комментариев резолюцию Екатеринбургского совещания крестьянских депутатов зауральских уездов 8—9 апреля 1917 г., в которой говорилось, что «участие духовенства в пропаганде идей народовластия и политического воспитания трудовых масс очень желательно, если это участие будет производиться в соответствии с интересами трудового народа вообще и программы Крестьянского союза, в частности»⁶⁰.

Вся эта группа буржуазной печатной продукции, которая вместе с меньшевистско-эсеровской прессой примерно в 13—14 раз превышала количество большевистских газет на Урале, отравляла сознание трудящихся и служила контрреволюционным целям. Потребовались героические усилия большевиков, рабочего класса Урала, пролетарских печатных органов, чтобы не только противостоять натиску буржуазной пропаганды, но преодолеть сопротивление врага, привести народные массы к победе Октябрьской революции и, защищая ее завоевания, добиться ликвидации буржуазной и мелкобуржуазной прессы, обеспечить подлинную свободу печати для миллионов трудящихся.

От февраля к октябрю борьба с контрреволюционной прессой стремительно нарастала. Грязная ложь, провокационная клевета, которой обливала враждебная печать большевистскую «Правду», В. И. Ленина и рабочий класс, уже с середины марта вызвали по

⁵⁷ «Известия Екатеринбургской церкви», 1917, 16 мая. Экстренный выпуск.

⁵⁸ Там же, 23 апреля.

⁵⁹ Там же, 30 апреля.

⁶⁰ Там же, 23 апреля.

всей стране мощную волну митингов и собраний трудящихся. К концу марта эта волна докатилась до Урала. Рабочие гневно протестовали против подлых наветов буржуазных газет и объявляли им бойкот. Резолюцию протеста 25 марта приняло собрание Белебеевского союза рабочих⁶¹, 18 апреля «свое глубокое негодование» выразил митинг рабочих Усть-Катавского завода⁶². В это же время бойкотировать буржуазную прессу призывали трудящиеся Верх-Исетского металлургического завода, Дегтярского рудника и других предприятий края. Большевистские газеты Урала печатали резолюции рабочих собраний, воспитывая тем самым вполне определенное отношение к буржуазной прессе у своих читателей.

После июльских дней, когда буржуазия перешла в открытое наступление на завоевания революционного народа, трудящиеся, не отказываясь от тактики бойкота ненавистных им петроградских, московских и местных контрреволюционных газет, боролись с ними все более решительно. И в этой борьбе на их стороне выступали большевистские органы печати. Так, «Уральская правда» опубликовала резолюцию общего собрания членов РСДРП(б) Уфалейского района о событиях 3—5 июля в Петрограде. В ней содержится не только резкий протест против «кровавого усмирения рабочих и солдат», но и призыв «к бойкоту буржуазных газет и к поддержке рабочих газет»⁶³. В подобных материалах «Уральской правды» прямо назывались местные центры контрреволюции: «Зауральский край», «Уфимская жизнь», «Уфимский вестник» и другие. В сентябре «Уральский рабочий», пришедший на смену закрытой Керенским «Уральской правде», поддерживая Миньярский Совет рабочих депутатов, напечатал корреспонденцию, в которой показал решение Совета, принятое 7 сентября: «...предложить почтово-телеграфным служащим Миньярского завода доставлять адресатам на дом только социалистические газеты, а все буржуазные: «Русское слово», «Речь», «Русские ведомости», «Уфимская жизнь», «Уфимский вестник» и др. доставлять в помещение исполнительного комитета С[овета] р. д.» Совет же, говорится в корреспонденции, будет продавать эти газеты торговцам на завертку товаров⁶⁴. Такую меру местный Совет принял в ответ на репрессии, которым подвергало Временное правительство большевистские органы печати.

Стремясь преградить путь контрреволюции, Челябинский Военный Совет, созданный для борьбы с корниловщиной, 7 сентября ввел предварительную цензуру для всех газет⁶⁵. В канун штурма капитала трудящиеся края решительно требовали «немедленного

⁶¹ «Вперед», 1917, 7 апреля.

⁶² Там же, 29 апреля.

⁶³ «Уральская правда», 1917, 9 августа.

⁶⁴ «Уральский рабочий», 1917, 17 сентября.

⁶⁵ В Совете преобладали большевики. (См. сб. «Борьба за Советскую власть на Южном Урале». Челябинск, 1957, стр. 132.)

закрытия» контрреволюционных газет⁶⁶ и конфискации типографий, в которых они печатались⁶⁷.

Победа вооруженного восстания в Петрограде была решающим шагом на пути завоевания пролетариатом политического господства. Чтобы закрепить успех, упрочить власть трудящихся, следовало ликвидировать центры организации буржуазии — ее газеты. Выполняя указания вождя революции В. И. Ленина, в ходе восстания Петроградский Военно-революционный комитет закрыл главные газеты контрреволюции. На местах, в том числе на Урале, органы пролетарской власти, овладевая ею, также вели борьбу с враждебной прессой. Кунгурский ВРК в конце октября закрыл кадетскую «Кунгурскую жизнь» и конфисковал ее типографию. В Уфе в те же дни была введена цензура. Утром 26 октября исполком Екатеринбургского Совета, объявив себя единственной властью в городе, постановил закрыть на Среднем Урале кадетскую газету «Зауральский край»⁶⁸.

Однако подобные факты носили эпизодический характер. Буржуазная печать с еще большим ожесточением клеветала, сеяла провокационные слухи. Не случайно в резолюции собрания рабочих и служащих Екатеринбургских железнодорожных мастерских, опубликованной «Уральским рабочим» 5 ноября, выражен протест «против распространения буржуазных газет, вносящих в момент борьбы дезорганизацию в революционные ряды лживыми сообщениями».

Необходимо было перейти к планомерной и систематической ликвидации контрреволюционной прессы на территории всей России. Начало ей положил ленинский «Декрет о печати», принятый Советом Народных Комиссаров в первый день его работы.

Опираясь на этот закон, народные массы и органы Советской власти на местах развернули беспощадную борьбу с контрреволюционной печатью. Как и повсюду, здесь, на Урале, большевикам пришлось преодолевать яростное сопротивление не только владельцев и журналистов буржуазных газет, но и мелкобуржуазных партий.

Соглашательское большинство Пермского ревкома, созданного в Перми по получении известия о восстании в Петрограде из представителей партий большевиков, меньшевиков и эсеров, выпустило листовку, полную злобного негодования по поводу «Декрета о печати». В ответ на этот враждебный акт 1 ноября большевики вышли из Ревкома, ставшего узлом всех антисоветских элементов в городе. 3 ноября пермская большевистская газета «Пролетарское знамя» опубликовала блестящий памфлет, разоблачавший «мелкобуржуазных рыцарей контрреволюции», кои вдруг «вспомнили... о свободе печати».

⁶⁶ Там же, стр. 154, 160, 427.

⁶⁷ «Уральский рабочий», 1917, 15 сентября.

⁶⁸ «Уральский рабочий», 1917, 29 октября («Зауральский край» был закрыт 11 января 1918 г.).

Несмотря на упорное противодействие буржуазии и ее прихвостней, Советы Урала, прислушиваясь к мнению трудящихся, одну за другой закрывали наиболее злостные газеты. В декабре 1917 г. в Челябинске, например, в соответствии с требованием рабочих завода «Столь и К^о» перестала существовать кадетская «Народная свобода». В Тюмени по предложению рабочих и солдат, высланному еще 26 ноября 1917 г., Совет в феврале 1918 г. запретил выход кадетского листка «Свободное слово»⁶⁹.

Ликвидация враждебной прессы принимает на Урале массовый характер особенно в первые четыре месяца 1918 г. Характерно, что одновременно с махровыми реакционными буржуазными газетами закрывались издания и меньшевистско-эсеровские. В Оренбурге, например, были ликвидированы меньшевистские «Рабочая заря», «Рабочая газета», «Рабочее утро», в Перми — меньшевистская «Пермская жизнь», правозэсеровская «Социалист-революционер», в Уфе — меньшевистский «Голос рабочего» и т. д. Объясняется это тем, что мелкобуржуазная периодика в ходе революции дискредитировала себя в глазах масс, окончательно обнаружив свою антинародную сущность после победы Октября. Не помогли белила и румяна социалистической фразы: гнев трудящихся обрушился и на этот отряд враждебной прессы.

По мере развития революции массы рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции проходили суровую школу политического просвещения. Они быстро научились отличать друзей от врагов и отшатнулись от буржуазных и мелкобуржуазных газет. Их тираж, и без того мизерный, резко упал, объем сократился. Декрет Совнаркома о введении государственной монополии на объявления, опубликованный в ноябре 1917 г., лишил непролетарскую прессу финансовой опоры. В результате, большинство буржуазных и мелкобуржуазных периодических изданий — частных, городских дум, земств, церкви, различных кружков, союзов, обществ, комитетов и т. д. — закрылось.

Но ряду контрреволюционных газет на Урале удалось выжить и продолжать вести свою черную работу в период временного господства белогвардейщины. Некоторые газеты, закрытые ранее революционным народом, на короткое время возродились на территории, занятой врагом. Но с разгромом армий Колчака вся враждебная пролетариату пресса навсегда прекратила существование, уступив место подлинно народной, преданной делу коммунизма советской печати.

⁶⁹ Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии (1917—1920 гг.), стр. 138.

«УРАЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ» — БОРЕЦ ЗА РАЗВИТИЕ НАРОДНОЙ ИНИЦИАТИВЫ

XXI съезд Коммунистической партии явился знаменательной вехой в жизни нашего государства. На съезде был принят семилетний план развития народного хозяйства, определивший пути дальнейшего мощного подъема экономики страны. Советский народ с огромной радостью встретил решения съезда и направил все свои усилия на их быстрее выполнение.

Семилетка была примечательна огромным размахом творческой инициативы трудящихся, стремлением рабочих и инженеров внести свой посильный вклад в претворение в жизнь намеченных планов. Еще на заре Советской власти В. И. Ленин особо подчеркивал важность развития народной инициативы. Он писал: «Социализм не только не угашает соревнования, а, напротив, впервые создает возможность применить его действительно *широко*, действительно в *массовом* размере, втянуть действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе — непочатый родник и которые капитализм мят, давил, душил тысячами и миллионами».¹

Наша действительность дает широкий простор для развертывания народной инициативы. Вот почему хозяйский подход к проблемам государственного значения, стремление дать как можно больше обществу отличает всех советских людей, в том числе и тружеников индустриального Урала.

Урал всегда занимал ведущее место в стране по производству стали, чугуна, проката. Достаточно сказать, что к началу семилетки Урал от общего производства в стране давал 33,5% чугуна, 35,6% стали и 34,7% проката². Большой вклад в развитие черной металлургии внесли и ведущие предприятия Свердловской области. Уже в первый год семилетки они добились высоких показателей в производстве чугуна, стали, проката. Коллективы предприятий черной металлургии взяли на себя высокие обязательства — достичь уровня производства, предусмотренного на 1965 г., досрочно.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 195.

² Развитие черной металлургии СССР. М., 1958, стр. 30.

Свердловская областная партийная организация провела большую работу по мобилизации трудящихся на выполнение взятых обязательств, на борьбу за технический прогресс и всемерное развитие народной инициативы. При этом она широко использовала все средства воздействия на массы и в первую очередь печать. Коллективы редакций газет сразу же после съезда развернули борьбу за внедрение новейших достижений науки и техники в производство металлов. Они горячо поддерживали создание на предприятиях по инициативе трудящихся общественных групп, содействующих техническому прогрессу, пропагандировали содружество науки и производства, боролись за внедрение предложений изобретателей и рационализаторов. Газеты решительно критиковали тех, кто чинил препятствия на пути прогрессивных начинаний, проявлял равнодушие к состоянию технического уровня производства.

В авангарде печати области шла газета «Уральский рабочий». Она посвятила немало страниц вдохновенному труду творцов технического прогресса, вовремя замечала и пропагандировала новые самостоятельные формы научно-технического творчества трудящихся — общественно-конструкторские бюро, бюро экономического анализа, технические комиссии и т. д., рассказывала о их роли в совершенствовании организации труда и повышении его производительности.

Пропаганда инициативы трудящихся стала одной из первоочередных задач газеты. Она оперативно сообщала о том новом, что рождалось на производстве. Газета первой увидела большое будущее за общественными конструкторскими бюро, рассказала об основных направлениях их деятельности. Она горячо поддержала почин группы инженеров-новаторов Уралмаша, создавших первое общественное конструкторское бюро, посвятив этому событию специальную передовую статью «Благородное движение инженеров»³.

В дни предоктябрьского соревнования пятнадцать молодых инженеров конструкторского отдела горнорудного и доменного машиностроения Уралмашзавода положили начало большому делу. Они объединились в общественные конструкторские бюро, чтобы помочь рационализаторам и изобретателям готовить чертежи и другую техническую документацию, ускорить внедрение предложений новаторов в производство.

На Уралвагонзаводе такие общественные конструкторские бюро возникли впервые в мартеновском цехе. Если на Уралмаше общественное конструкторское бюро прежде всего начало конструкторское оформление залежавшихся рационализаторских предложений, то молодые инженеры Уралвагонзавода занялись подготовкой технической документации по механизации и автоматизации производства. Так, в свободное время они разработали проекты механизации процессов подачи огнеупоров к ремонтируемым мар-

³ «Уральский рабочий», 1959, 14 октября.

теновским печам, уборки шлака, создания новых, более совершенных горелок. По проекту, разработанному несколькими молодыми специалистами цеха мелких узлов, была механизирована транспортировка металла, объединены две операции — резки и зачистки полосы — в одну. В результате на этих участках облегчился труд, высвобожден пресс и несколько рабочих, обслуживающих его.

На Полевском криолитовом заводе группа цеховых инженеров составила личные планы участия в техническом прогрессе завода и начала успешно осуществлять их.

«Трудно переоценить значение всех этих прекрасных начинаний, — писал «Уральский рабочий». — Не секрет ведь, что на многих наших предприятиях часто срываются сроки комплексной механизации процессов, модернизации оборудования, организации поточных линий, рационализации производства потому, что даже укрупненные конструкторские отделы и бюро не успевают обслужить все возрастающие нужды производства. Большую пользу принесут предприятиям общественные конструкторские бюро. Этим, однако, не исчерпывается их важное значение. Известно, что часть инженеров, занятых непосредственно на руководстве цехами, сменами, пролетами, часто в текущие организационные дела не приобщается к решению чисто технических проблем. Если же они известную толику времени урвут на конструкторскую работу, то, несомненно, выиграют не только предприятия, но и они сами, ибо будут и на этом скорее расти как инженеры, станут еще лучшими организаторами производства».

И нет сомнения в том, заключала газета, что «сотни и тысячи инженеров и техников предприятий нашей области включатся в замечательное движение за создание общественных конструкторских бюро»⁴.

В своих выступлениях газета «Уральский рабочий» показала, как конструкторские бюро помогали в комплексной механизации производственных процессов, модернизации оборудования и т. д. В газете систематически появлялись информации, рассказывающие о развитии большого почина на различных предприятиях черной металлургии. Так, автор одной из них С. Леонидов писал: «Бюро технического прогресса — так называли в колесопрокатном цехе первую общественную конструкторскую группу, возникшую по инициативе молодежи на Нижнетагильском металлургическом комбинате. Группа начала свою работу с того, что стала помогать рабочим-рационализаторам конструктивно оформлять предложения»⁵.

Вскоре в газете появляется постоянная рубрика «Общественные конструкторские бюро», под которой публикуются материалы, обобщающие опыт этих самодеятельных организаций трудящихся. За два года под этой рубрикой было напечатано около сорока

⁴ «Уральский рабочий», 1959, 14 октября.

⁵ Там же, 30 октября.

материалов. Так, в корреспонденции «Вот она, инженерная инициатива», напечатанной на страницах «Уральского рабочего» 29 января 1960 г., обобщались первые результаты деятельности ОКБ на Первоуральском новотрубном заводе. Газета рассказала, что только в трубопрокатном цехе было создано девять общественных конструкторских бюро. Инженеры и техники, объединившиеся в эти творческие организации, закончили расчеты узлов пятнадцатитонного волочильного стана, разработали и осуществили проект переделки одноручьевого стана холодной прокатки труб на двухручьевого. В результате на одном стане холодной прокатки начали катать одновременно две трубы, чего еще не было ни у нас, ни за рубежом. «Результаты деятельности ОКБ в цехе значительны. Осуществление проектов этой творческой организации в трубопрокатном цехе сэкономит в год 2,5 миллиона рублей» — такой вывод делает автор корреспонденции.

Обобщению опыта работы ОКБ посвящены и многие другие материалы; статья «Советские инженеры — люди творческие»⁶, корреспонденции «ОКБ — большая сила»⁷, «По нехоженным тропам»⁸; информация — «Двадцать шестое ОКБ»⁹ и т. д.

Автор корреспонденции «По нехоженным тропам» приводит убедительные цифры: в Нижнем Тагиле за год было создано 168 общественных конструкторских бюро и групп, объединивших 2000 инженеров, техников, передовиков производства. Только на Нижнетагильском металлургическом комбинате ОКБ разработали 60 технических тем, имеющих большое практическое значение. Например, общественники конструкторских групп создали технический проект автоматизации уборки шлака из-под нагревательных колодцев обжимного стана, что дало возможность высвободить 16 человек и ежегодно экономить 350 тыс. рублей.

Редакция «Уральского рабочего» выступала не только как пропагандист ценного начинания, но и как организатор движения общественников. По ее инициативе в Свердловске состоялось первое областное совещание участников ОКБ. (Отчет с этого совещания под заголовком «Такая у нас техническая интеллигенция» был опубликован 30 апреля 1960 г.). На совещании присутствовали инженерно-технические работники предприятий черной металлургии Свердловской и Челябинской областей. В его работе приняли участие и машиностроители. Обмен опытом между представителями разных отраслей промышленности был полезным. Задумка редакции полностью оправдала себя: металлурги почерпнули немало полезного из опыта машиностроителей.

В отчете особое внимание уделяется деятельности конструкторов-общественников. «Нет каких-то общих рецептов в работе ОКБ, — говорили на совещании его участники. — Но главное, что

⁶ «Уральский рабочий», 1960, 18 июня.

⁷ Там же.

⁸ Там же, 21 декабря.

⁹ Там же, 1961, 27 июля.

роднит творческие организации — это бескорыстное стремление каждого быстрее решать технические задачи семейетки». Газета постоянно держала читателей в курсе дел общественников-конструкторов, показывала, как углубляется и расширяется деятельность этих творческих организаций. Она подробно рассказывала о том, что ОКБ теперь не ограничиваются только помощью рационализаторам, а переходят к решению важных вопросов производства, созданию сложных конструкций.

Пропаганда газетой деятельности ОКБ способствовала дальнейшему развитию движения инженеров-общественников. Оно становилось массовым. Так, на Нижнетагильском металлургическом комбинате в конструкторской работе на общественных началах участвовало 269 инженерно-технических работников и 126 рабочих, на Серовском металлургическом комбинате — 106 инженеров и техников и 23 рабочих. По инициативе членов ОКБ в Нижнем Тагиле, Свердловске, Серове были созданы технические курсы для рабочих, где они учились читать и составлять чертежи, пользоваться техническими справочниками.

Во второй половине 1960 г. на предприятиях металлургической промышленности Свердловской области насчитывалось 184 общественных конструкторских бюро, в которых работало 1864 человека¹⁰.

Инициатива, возникшая на индустриальном Урале, была поддержана «Правдой». В передовой статье «Советские инженеры — люди творческие»¹¹ дана высокая оценка деятельности общественных конструкторских бюро. «В свете больших задач, — писала «Правда», — вставших сейчас перед промышленностью, значение общественных конструкторских бюро неизмеримо возрастает. Привлечь всех инженеров, техников, мастеров, передовых рабочих к активному техническому творчеству, создать условия для их плодотворной и целеустремленной деятельности — значит обеспечить дальнейший быстрый подъем социалистического производства».

Очень важно, отмечалось далее в передовой, чтобы общественные конструкторские бюро не только создавали новые машины, приспособления, средства механизации и автоматизации, но и активно боролись за внедрение их в производство¹².

После выступления «Правды» движение уральских инженеров-общественников получило широкое распространение в стране.

Газета «Уральский рабочий» уделяла много внимания и другим формам научно-технического творчества трудящихся. Наряду с ОКБ редакция систематически освещала деятельность и такой формы народной инициативы, как общественное бюро экономического анализа.

Впервые бюро появились в 1960 г. на Уралмаше и турбомоторном заводе. Затем они возникли на предприятиях других отраслей

¹⁰ «Уральский рабочий», 1960, 30 апреля.

¹¹ «Правда», 1960, 18 июня.

¹² Там же.

промышленности, в том числе и черной металлургии. Их деятельность была направлена на выявление еще не вскрытых резервов, всестороннее изучение производственных процессов и хозяйственной деятельности предприятий, на улучшение технологии и организации производства, на повышение производительности труда и снижение себестоимости продукции.

Газета особо выделяла замечательное качество советских тружеников — их стремление участвовать в управлении производством. Регулярно, из номера в номер, редакция публиковала материалы, посвященные этой теме: «Развитие большого почина»¹³, «Лаборатории экономических исследований»¹⁴, «Лаборатории помогают цехам»¹⁵, «Заводские исследователи дерзают»¹⁶, «Первые шаги»¹⁷ и другие.

«Множить ряды энтузиастов» — так назывался один из материалов. Он представлял собой репортаж о встрече в редакции общественных экономистов Нижнего Тагила и Ревды. В нем редакция подвела итоги деятельности общественных экономистов, рассказала о положительном опыте. В то же время она подвергла резкой критике предприятия, где это движение пущено на самотек.

Движение общественных экономистов — замечательное дело, ему принадлежит будущее — вот главная мысль репортажа¹⁸.

Выступление газеты способствовало тому, что бюро экономического анализа получили права гражданства. В своих дальнейших выступлениях газета подчеркивает, что общественные бюро экономического анализа могут успешно решать производственные проблемы и, в конечном счете, способствовать улучшению производственных показателей предприятия.

14 июня 1961 г. председатель бюро экономического анализа Кушвинского металлургического завода А. Смородинцев рассказал на страницах газеты о работе руководимого им коллектива. Основная задача, которую поставило перед собою общественное бюро экономического анализа завода, — добиться значительного снижения плановых убытков. Автор подробно проанализировал деятельность бюро и достигнутые результаты и показал, что введение отчетности цехов по результатам себестоимости, применение форм углубленного анализа в виде «памяток мастера», лицевых счетов бригад и смен способствовало значительному улучшению технико-экономических показателей.

Инициатива тружеников Уралмаша и турбомоторного завода, создавших бюро экономического анализа, горячо поддержанная газетой «Уральский рабочий», нашла широкое распространение на предприятиях области, в том числе и на предприятиях черной

¹³ «Уральский рабочий», 1960, 6 апреля.

¹⁴ Там же, 1961, 21 июня.

¹⁵ Там же, 9 марта.

¹⁶ Там же, 24 марта.

¹⁷ Там же, 14 июня.

¹⁸ Там же, 9 июня.

металлургии. Газета особо отмечала, что экономический анализ позволил сделать планирование более действенным, создать условия для оперативного руководства. В результате повысилась эффективность планов организационно-технических мероприятий.

Авторами большинства материалов, опубликованных в «Уральском рабочем» о деятельности общественных конструкторских бюро и бюро экономического анализа, были рабочие, инженеры. Их выступления, как правило, отличались содержательностью, глубоким анализом и обобщением фактов и явлений. На многих примерах они убедительно показали важность и жизненность форм проявления народной инициативы, что, конечно, еще более способствовало их распространению. За два года только на предприятиях черной металлургии области появилось более 120 общественных конструкторских бюро и бюро экономического анализа¹⁹.

Борясь за всемерное развитие технического творчества трудящихся, газета «Уральский рабочий» особое значение придавала укреплению содружества ученых и производственников, показывала, какое благотворное влияние оказывает это содружество на совершенствование производства и развитие технического прогресса. Она неоднократно обращалась к ученым с призывом не только быстро откликаться на запросы производства, но и указывать направления в его развитии, помогать производственникам в решении сложных технических проблем, направлять мысль новаторов в нужное русло.

Сразу же после июньского Пленума ЦК КПСС 1959 г., который указал на важность взаимосвязи передовой науки и техники, содружества ученых и производственников для повышения производительности общественного труда, редакция «Уральского рабочего» совместно со Свердловским горкомом КПСС организовала встречу ученых и производственников. Этой встрече была посвящена полоса газеты от 16 июня 1959 г. В материалах полосы рассказывалось, что ученые города взяли на себя обязательства — в тесном содружестве с коллективами промышленных предприятий направить свои усилия на решение важнейших производственных проблем, помогать предприятиям развивать творческую инициативу трудящихся, направляя ее на досрочное выполнение семилетнего плана.

Содружество ученых и производственников стало одной из центральных тем газеты. Она призывала повседневно укреплять его, искать новые формы эффективной связи науки и производства.

Инженер И. Пермяков, выступая на страницах «Уральского рабочего», поставил вопрос о приближении научных и проектных институтов к производству. Он указал, что ряд научно-исследовательских институтов, например, «Уралгипромет», еще далек от нужд производства, не знает их. В результате прокатный стан «650» Нижнетагильского металлургического комбината был запро-

¹⁹ «Уральский рабочий», 1961, 18 января.

ектирован институтом без автоматизации процессов основного технического потока²⁰.

Под рубрикой «За самую крепкую дружбу между учеными и производственниками» 28 июля 1959 г. выступила с обстоятельной статьей группа преподавателей Уральского политехнического института. Ученые рассказали, что наряду с решением важнейших научных проблем в промышленности они многое делают для развития творческой инициативы, для укрепления и расширения плодотворного содружества с коллективами Нижнетагильского металлургического комбината и Первоуральского новотрубного завода. Авторы писали о необходимости создания на Урале крупных научных центров, способных обеспечить решение важных производственных проблем.

Многие материалы «Уральского рабочего» посвящены подведению итогов содружества ученых и производственников. Интересна в этом отношении беседа корреспондента газеты с главным инженером «Уралметаллургавтоматики» Ю. Гутниковым, который обстоятельно рассказал о творческих исканиях коллектива института в области автоматизации агрегатов металлургической промышленности, о том большом экономическом эффекте, который достигнут при автоматизации производства. Он поделился опытом внедрения автоматизации на Первоуральском новотрубном и Челябинском металлургическом заводах.

Для пропаганды содружества ученых и производственников газета использовала все многообразие жанров — от передовой статьи до очерка и зарисовки. Если в передовых («Цель науки — служение народу»²¹ и др.) ставились общие проблемы, то в корреспонденциях («За целеустремленность научных исследований»²², «Автоматику — в металлургию»²³, «Совершенствовать производство электротехнических сталей»²⁴ и т. д.) раскрывались результаты плодотворного сотрудничества ученых с производственниками, во всех материалах содержались конкретные рекомендации как упрочить связь науки с производством, по каким направлениям следует работать ученым.

Редакция «Уральского рабочего» обращала особое внимание на освещение деятельности заводских лабораторий. Так, об опыте работы заводской лаборатории ВИЗа рассказал в своей статье «Исследователь, на передний край семилетки!» кандидат физико-математических наук В. Дружинин. Он писал:

«Заводская лаборатория — своеобразное звено, связывающее науку с производством. В самом деле, как бы детально ни была разработана технология в исследовательских институтах, ее внедрение в промышленных условиях всегда нуждается в многочислен-

²⁰ «Уральский рабочий», 1959, 1 апреля.

²¹ «Уральский рабочий», 1961, 6 октября.

²² Там же, 1960, 11 марта.

²³ Там же, 1961, 24 октября.

²⁴ Там же, 1959, 23 мая.

ных дополнительных исследованиях, которые иногда существенно изменяют первоначальные наметки. Естественно, поэтому, для того, чтобы непрерывно совершенствовать технологию производства, надо иметь прекрасную заводскую лабораторию!»²⁵

Рассказывая об основных направлениях в развитии исследований на предприятиях черной металлургии, автор затронул ряд важных проблем, волнующих работников заводских лабораторий, особо указал на необходимость проведения теоретической разработки вопросов производства непосредственно на предприятиях²⁶.

В других материалах «Уральского рабочего», посвященных роли заводских лабораторий в решении проблем технического прогресса, делается акцент на то, что заводская лаборатория является связующим звеном между научным учреждением и предприятием.

В заводской лаборатории отшлифовывается новая технология, испытывается контрольная аппаратура, рождается все то новое, что связано с процессом внедрения достижений науки.

В статье «Заводские экономические лаборатории»²⁷, доктор экономических наук А. Осинцев и кандидат экономических наук И. Розенберг подвели итоги деятельности новых творческих организаций в заводских лабораториях — лабораторий организации труда и производства и нормативно-исследовательских групп и бюро. Авторы рассказали, например, о ценном опыте лаборатории Серовского металлургического комбината, которая в 1959 г. выполнила 13 важных работ. Ее предложения позволили повысить производительность труда на 10 процентов и высвободить шесть контролеров. Лаборатория помогла также найти способы улучшения снабжения мартеновских печей шихтой. Авторы статьи предложили сделать лаборатории ближайшими помощниками постоянно действующих производственных совещаний и технических комиссий. «Заводские лаборатории и группы организации труда и производства могут и должны стать центральным звеном повышения экономического и организационного уровня работы предприятия»²⁸, — такой вывод сделали ученые.

На протяжении 1959—1961 гг. материалы о содружестве ученых и производственников на страницах «Уральского рабочего» печатались систематически. Этой теме посвящались целые полосы и даже развороты: «Тебе, семилетка, наши творческие искания!»²⁹, «Пусть крепнет творческий союз науки и труда»³⁰ и другие. Так, под шапкой «За самую крепкую дружбу между учеными и производственниками» 28 июля 1959 г. был опубликован ряд интересных материалов, рассказывающих о деятельности

²⁵ «Уральский рабочий», 1960, 15 июня.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, 11 февраля.

²⁸ Там же, 15 июня.

²⁹ Там же, 26 октября.

³⁰ Там же, 1959, 16 июля.

ученых и их все более и более крепнущих связях с предприятиями.

«Уральский рабочий» также настойчиво боролся и за развертывание движения рационализаторов и изобретателей, считая это движение одной из важнейших форм научно-технического творчества трудящихся. Газета поддерживала и распространяла все ценные начинания новаторов, пропагандировала достижения лучших рационализаторов и изобретателей. Она подвергала суровой критике тех руководителей, которые препятствовали развитию творческой инициативы трудящихся.

Редакция подхватила и распространила начинание рационализаторов Уралвагонзавода, выступивших с предложением о создании рационализаторского фонда семилетки. В передовой статье, опубликованной 25 марта 1959 г., газета призвала поддержать этот почин: «В дни предсезонного соревнования,— писала она,— коллектив Уральского вагоностроительного завода обратился к трудящимся области с предложением создать рационализаторский фонд семилетки. Сам он дал слово внести в него 250 миллионов рублей. Призыв вагоностроителей горячо поддержан. Рационализаторы Уралмашзавода обязуются внести в фонд семилетки полмиллиарда рублей... Нижнетагильские металлурги внесут в этот патристический фонд 200 миллионов, первоуральские новотрубники и серовские металлурги — по 100 миллионов...»³¹

В этой передовой, озаглавленной «За богатый рационализаторский фонд семилетки», газета ратовала за быстрейшее внедрение в жизнь предложений новаторов, призывала объявить войну волокитчикам, бюрократам, т. е. тем, кто встанет на пути движения новаторов. Передовая заканчивалась призывом: «Движению, развернувшемуся в нашей области за создание рационализаторского фонда семилетки,— широкий размах!»

Спустя месяц после этого выступления газета сообщила, что на областном совещании рационализаторы взяли обязательство внести в фонд семилетки не менее шести миллиардов рублей³².

Тема рационализации и изобретательства трудящихся становится одной из ведущих в газете. Материалы о новаторах появляются из номера в номер. Так, в корреспонденции «Пробуем, дерзаем, творим»³³ газета рассказала о ценных предложениях серовских доменщиков, направленных на механизацию калошника и процессов уборки пыли, автоматизацию управления воздушно-канатной дорожкой и автоматическое регулирование хода доменной печи.

Внедрению рационализаторских предложений в производство посвящены выступления в газете начальника центральной лаборатории Верх-Исетского металлургического завода Г. Шубина³⁴,

³¹ «Уральский рабочий», 1959, 25 марта.

³² Там же, 25 апреля.

³³ Там же, 8 августа.

³⁴ Там же, 20 мая.

старшего горнового доменного цеха Серовского металлургического комбината А. Иванова³⁵, старшего горнового доменного цеха металлургического комбината имени Серова К. Валеева³⁶, старшего дежурного электрика новотрубного завода В. Мехонцева³⁷ и многих других.

Редакция газеты своевременно замечала и поддерживала новые организационные формы в движении изобретателей и рационализаторов, например, создание комплексных бригад. В передовой статье «Комплексные бригады рационализаторов»³⁸ газета писала: «Коллективное решение сложных технических проблем все более прочно входит в быт наших предприятий. Ум, говорят, хорошо, а два лучше. Разве мог бы, скажем, один человек в короткий срок продумать в деталях и осуществить перевод управления механизмами кольцевых линий колесопрокатного цеха Нижнетагильского металлургического комбината на автоматику и телеуправление? Если бы и смог, ему потребовалось бы на это много времени. А вот комплексная бригада рационализаторов комбината, в которую вошли старший электрик тов. Макеев, мастер тов. Касьянов, инженеры тт. Чистов, Ольшевский и Васюшкин, сделали это сравнительно быстро. Их предложение позволяет высвободить 18 человек и сэкономить в год свыше 200 тыс. рублей»³⁹.

Комплексные бригады рационализаторов одна за другой стали возникать на промышленных предприятиях области, объединяя все большее и большее количество передовых рабочих. На Верх-Исетском заводе, например, в 1958 г. 678 человек входило в 104 комплексные бригады, а в 1960 г. было создано уже 134 бригады, в работе которых участвовало 1000 человек. В редакционной статье «Богатеет рационализаторский фонд семилетки»⁴⁰ указывалось, что комплексные бригады становятся большой творческой силой. Только в Свердловске их 300. А в корреспонденции Е. Круглова «Вклад алапаевских новаторов»⁴¹ сообщалось об эффективной деятельности алапаевских рационализаторов и изобретателей. Газета систематически рассказывала об экономическом эффекте, получаемом от внедрения предложений рационализаторов, подчеркивая при этом факт осознания каждым новатором своей роли хозяина на предприятии, заинтересованность в улучшении производства, в росте могущества своей Родины.

При освещении научно-технического творчества трудящихся, проявления народной инициативы в решении коренных вопросов производства газета использовала все многообразие жанров,

³⁵ «Уральский рабочий», 1961, 14 марта.

³⁶ Там же, 22 ноября.

³⁷ Там же, 2 декабря.

³⁸ Там же, 14 августа.

³⁹ Там же.

⁴⁰ «Уральский рабочий», 1960, 30 июня.

⁴¹ Там же, 11 октября.

форм и методов подачи материала. Так, она широко применяла целевые полосы, которые шли под рубрикой «Наша заочная конференция». За период между XXI и XXII съездами было опубликовано 8 таких полос: «Смелее дерзайте, товарищи конструкторы!»⁴², «За самую крепкую дружбу между учеными и производственниками!»⁴³, «Пусть крепнет союз науки и труда!»⁴⁴, «Тебе, семилетка, наши творческие искания»⁴⁵ и другие.

Часто на страницах «Уральского рабочего» появлялись тематические подборки. Хорошо оформленные, они привлекли внимание читателей, которые находили в них ответы на интересующие вопросы.

Газетой использовались все жанры — от передовой статьи до небольшой заметки и информации. Наряду с постановкой новых задач и пропагандой передового опыта, в них нередко критиковались отрицательные явления, мешающие дальнейшему развитию научно-технического творчества трудящихся и борьбе за технический прогресс.

К сожалению, на страницах газеты мало появлялось очерков, зарисовок, посвященных новаторам производства. Совершенно отсутствовал фельетон.

Редакция «Уральского рабочего» в те годы вела большую организационную работу. Она проводила заочные конференции, совещания, посвященные развитию научно-технического творчества трудящихся, организовывала встречи общественных экономистов и т. д.

Газету «Уральский рабочий» с полным основанием можно назвать подлинной трибуной распространения общественных начал в борьбе за технический прогресс. Она проявила себя умелым пропагандистом всего нового, передового. Газета была активным помощником областной партийной организации в развитии творческой инициативы трудящихся, в организации управления промышленностью, в укреплении и расширении связей науки с производством, в развертывании деятельности рационализаторов и изобретателей, в мобилизации трудящихся на досрочное выполнение заданий семилетки.

⁴² «Уральский рабочий», 1961, 26 декабря.

⁴³ Там же, 1959, 28 июля.

⁴⁴ Там же, 16 июля.

⁴⁵ Там же, 1960, 26 октября.

М. М. КОВАЛЕВА

«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА» В 1841—1845 гг.

Русские газеты изучены очень мало. Между тем они были одним из важных средств, влиявших на формирование идеологии, литературы и общества в целом. Особенно заметной становится их роль в русской периодике с середины XIX века, а точнее — с 40-х годов, с начала «эпохи сознания», как определил это время В. Г. Белинский.

В этот период, как никогда раньше, выросло значение печатного слова. Все достижения передовой общественной мысли, а также сложный процесс выработки основных принципов реалистического искусства были тесно связаны с обстоятельствами социально-политической жизни России тех лет. На фоне участвовавших крестьянских волнений, число которых в 1840—1844 гг. достигло 138, что было вдвое выше уровня предыдущего пятилетия¹, призыв Белинского «лицом к действительности», внимание к «вопросам общественным» стали для передовой русской литературы и печати «интересом первой степени»². Именно на эту, основную, черту периода перехода от дворянского этапа освободительного движения к разночинному, буржуазно-демократическому, указывал В. И. Ленин, подчеркивая, что в то время «все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками»³.

В. И. Ленин не раз указывал, что историческая ценность любого произведения литературы, любого органа печати определяется тем, насколько активно они участвуют в пропаганде передовых взглядов, настолько тесно связаны с освободительным движением.

В процессе активизации общественного мнения, начавшемся благодаря деятельности «Отечественных записок» в 40-е годы, немалую роль сыграли такие «подручные» этого журнала, как «Литературная газета», «Русский инвалид», «Финский вестник».

История этих изданий изучена крайне недостаточно. Например, «Литературной газете» этих лет не только не посвящено ни одного

¹ Великая реформа. М., 1911, стр. 46.

² В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. В 13 т. Т. 10, стр. 306.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 520.

исследования, но она даже не упоминается в соответствующем разделе учебника по истории русской журналистики.

Все это заставляет более внимательно отнестись к содержанию «Литературной газеты», которую Белинский называл «легкой кавалерией» «Отечественных записок».

Творческая биография газеты состоит из нескольких периодов, наиболее интересным среди которых были 1841—1845 гг. В это время в газете активно сотрудничал Н. А. Некрасов, а в 1844—1845 гг. — В. Г. Белинский. В «Литературной газете» печатались многие авторы самого прогрессивного журнала тех лет — «Отечественные записки». Газета прилагала немало усилий, чтобы привлечь к нему внимание читателя. Близость к «Отечественным запискам» и определяла литературно-общественную позицию «Литературной газеты».

По многим проблемам литературной и общественной жизни их точки зрения совпадали, однако «Литературная газета» порой бывала непоследовательной в своих оценках. На ее страницах, особенно в период редакторства Ф. А. Кони (1841—1843 гг.), можно было встретить и псевдопатриотическое стихотворение, и поверхностную статью, и ошибочное мнение о ценности того или иного художественного произведения.

Однако не эти колебания определили лицо газеты и ее место в истории русской журналистики. Для нас важно, что в один из ответственных периодов русской печати она стояла на левом фланге, поддерживая «Отечественные записки» в их работе по утверждению принципов передовой, реалистической литературы и критики.

«Литературная газета» была создана в 1840 г. в результате преобразования «Литературных прибавлений» к газете «Русский инвалид»⁴. Редактором ее стал А. Краевский, руководивший в то время и «Отечественными записками». По его замыслу, газета должна была стать ежедневным литературно-политическим изданием. С этой целью он хлопотал о предоставлении ей права помещать политические объявления, а также предполагал расширить тематику газеты. Однако правительство не пошло на это. Занятый делами по изданию «Отечественных записок», А. Краевский передал в 1841 г. сроком на три года редакторство Ф. А. Кони, известному драматургу и театральному критику, который вел газету до 1844 г. В 1844 г. и до середины 1845 г. ею вновь руководил А. Краевский, после чего она перешла в руки Н. А. Полевого, а после его смерти в 1846 г. — В. Зотова.

Программным выступлением газеты была рецензия В. Г. Белинского на альманах «Утренняя заря», напечатанная в 1 и 2 номерах «Литературной газеты» за 1840 г. «Газета живет, дышит и движется современностью»⁵, — писал критик. Его рассуждения

⁴ Это было «второе рождение» газеты. Первоначально она выходила под редакцией А. Дельвига в 1830—1831 гг.

⁵ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 380.

об отличии газеты от журнала содержали очень важные, не потерявшие по сей день своего теоретического значения мысли о специфике газетной статьи.

«Журнал имеет впереди месяц, даже год,— писал он,— для газеты существует вчера и нынче. Явление, возбуждившее внимание публики два, три месяца тому назад и даже более, имеет еще полное право на то, чтобы быть рассмотренным на страницах журнала, но газета, которая не заметит этого явления в течение одной или двух недель, изменила уже своему назначению и заслуживает упрек от читателей»⁶.

Белинский особо подчеркивал необходимость связи газеты с жизнью. Она должна, по его мысли, высказывать свое мнение, в первую очередь о тех произведениях литературы и общественных явлениях, которые «дышат современным, живым интересом».

В первый год существования «Литературной газеты» критик опубликовал в ней несколько своих рецензий и библиографических замёток, однако предначертанная им программа не могла быть осуществлена, поскольку отдел критики, главный, по мнению Белинского, находился в руках В. Межевича, журналиста без определенных принципов, который в скором времени перешел в булгаринскую «Северную пчелу».

Тем не менее, именно выступления Белинского в «Литературной газете» в 1840 г. во многом определили ее характер в последующие годы. В развитии направления, заданного Белинским, то есть в укреплении связи газеты с жизнью, большую роль сыграл Н. А. Некрасов. С его именем тесно связана история «Литературной газеты» в 1841—1845 гг.⁷.

Журналистская деятельность Некрасова в «Литературной газете» поддерживала и развивала программу, определенную Белинским, во многом способствовала демократизации издания. Его знакомство и сближение с Белинским, их совместная работа в «Отечественных записках», «замечательное сходство мыслей», по словам Белинского, положительно повлияли как на укрепление авторитета «Литературной газеты» в русской журналистике, так и на формирование мировоззрения поэта.

Что же представляло собой это издание? Благодаря каким выступлениям газета заняла прочное место на левом фланге русской журналистики?

Сначала, в 1841 г. газета выходила три раза в неделю, на четырех полосах форматом в четвертую часть листа. С 1842 г. газета стала выходить один раз в неделю, увеличив число полос до двенадцати.

В эпиграфе газеты стояли слова: «Сделайте одолжение, читайте», а подзаголовок уточнял название: «Вестник наук, искусств,

⁶ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 380.

⁷ Более подробно о журналистской деятельности Н. А. Некрасова в «Литературной газете» см.: М. Гин. Н. А. Некрасов — литературный критик. Петрозаводск, 1957.

литературы, новостей, театров, мод». В газете было 9 больших отделов: словесность, науки и искусства, нравы, биографические очерки, журналистика, театр, корреспонденции, библиография и фельетон. В первый год издания такие разделы, как «журналистика», «корреспонденции», и «фельетон», то есть именно те, которые были наиболее емки и мобильны, велись недостаточно регулярно. Мало уделялось места «наукам и искусствам», а отдел «библиографии», тот, который Белинский считал наиболее важным для газеты, заполнялся, в основном, сведениями об иностранных книгах и авторах. Только с приходом Н. А. Некрасова этот отдел стал вестись более или менее постоянно и на материале русской литературы.

Рубрика «фельетон», стоящая в оглавлении газеты, определяла не жанр, а скорее место на газетной полосе. Фельетон — это был и «калейдоскоп», и «смесь». Это собрание фактов и фактиков, мелких курьезов, а также статей на самые разные темы, например: «Самоубийства во Франции», «Мертвец, помешавший воровству», «Китайский способ быть здоровым» и т. д. Этот отдел вел в 1841 г. сам Кони. Нередко он начинался с литературных или театральных новостей.

Более значительным был отдел «Словесность». В нем в 1841 г. были напечатаны пять рассказов молодого Некрасова, а также произведения Грицька-Основьяненко, Е. Гребенки, Ф. Кони. Это были постоянные авторы «Литературной газеты». Отдел театральной и литературной критики возглавляли Кони и Некрасов.

В 1841 г. самым крупным, значительным выступлением газеты по вопросам литературы явилась рецензия Некрасова на второй том «Ста русских литераторов», напечатанная в номерах 83 и 84.

«Сто русских литераторов» представляли собой серию сборников, куда, по мысли ее составителей, деятелей болгаринской клики, должны были входить наиболее значительные произведения русских литераторов. В каждый том включалось десять произведений десяти авторов. Достаточно посмотреть, какие имена представляли русскую литературу, чтобы понять главную подоплеку этого издания. В противовес реалистическим произведениям Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Грибоедова, Крылова читателю навязывалось искаженное представление о русской литературе, о ее направленности, потому что в сборниках, в основном, печатались такие писатели, как Вельтман, Булгарин, Загоскин, Каменский, Шишков и т. д.

Молодой критик «Литературной газеты», рецензируя эту книгу, обратил внимание читателей на ее бессодержательность, низкий художественный уровень, несоответствие современным требованиям. Исследователи не раз отмечали также сходство оценок Белинского и Некрасова, данных этому «творению» болгаринского лагеря.

Начиная с номера 53, в «Литературной газете» стали появляться театральные обозрения Некрасова. Во второй статье из

цикла «Обозрение новых пьес, представленных на Александрийском театре», Некрасов похвалил комедию Грицька-Основьяненко «Шельменко-денщик», отметив в ней верность жизненных ситуаций, правду характеров. Именно с этих позиций оценивал он современный репертуар, и, как правило, высказывал глубокую неудовлетворенность им.

Много места в театральных обозрениях Некрасова занимают проблемы, связанные с формированием эстетического вкуса зрителя. Некрасов был глубоко озабочен той невзыскательностью публики, которая нередко не могла отличить по-настоящему правдивое произведение от псевдохудожественной подделки. В конечном счете, в театральных обзорах Некрасова в «Литературной газете» закладывались основы прогрессивной русской театральной критики, которая одной из своих главных задач считала воспитание зрителя.

Как уже отмечалось, литературно-общественное лицо «Литературной газеты» определялось ее близостью к «Отечественным запискам». В чем же конкретно она проявилась?

Убедительным свидетельством этого является позиция газеты в связи со статьей В. Межевича в журнале «Репертуар русского театра» под названием «Шекспир, русские переводчики, и русская критика». Она содержала злые выпады против Белинского по поводу его оценки перевода Н. Полевым пьесы Шекспира «Гамлет».

В. Межевич упрекал Белинского за то, что в 1838 г. в «Московском наблюдателе» он похвалил этот перевод, а в 1840 г. в четвертой книге «Отечественных записок», отзывался о нем крайне отрицательно. В. Межевич объяснял эту перемену влиянием «отвратительного духа партий, только по злоупотреблению слова называемых литературными»⁸. Статья изобиловала непривлекательными эпитетами в адрес Белинского: «наглый писака», «нахальное невежество», «шарлатанство» и т. д.

В ответ на это «Литературная газета» поместила «Заметки на статью в № 1 «Репертуара». В них содержалась не только отповедь незадачливому критику, но и было заявлено о поддержке направления «Отечественных записок».

«Г-н Белинский,— писала «Литературная газета»,— пользуется здесь случаем объявить г-ну Л. Л.⁹ и всем, кому ведать сие надлежит, что он действительно состоит в числе постоянных сотрудников «Отечественных записок» и за честь поставляет себе трудиться в лучшем теперь русском журнале, имеющем такую прекрасную цель, такое благородное направление и поддерживаемое участием первых знаменитостей литературы»¹⁰.

Газета дала достойную отповедь Межевичу, пропустив его брань с тем «невниманием, которого она достойна», пояснив, что

⁸ «Репертуар русского театра», 1841, № 1, стр. 10.

⁹ В. Межевичу.— М. К.

¹⁰ «Литературная газета», 1841, № 24, стр. 95.

«никак не позволит себе сражаться с ним его же оружием, неприличным для себя и унижительным для своего достоинства»¹¹.

В «Литературной газете» постоянно помещались также известия о выходе очередных номеров «Отечественных записок», а иногда появлялись и материалы, предназначенные для этого журнала.

Так, в № 29 в отделе «Журналистика» была напечатана статья И. Головина «Несколько слов о двух статьях г. г. Полевого и Погодина о Петре Великом». Материал имел пометку «доставлено из редакции «Отечественных записок».

Статья Головина представляла собой критический разбор статей о Петре I, принадлежавших Н. Полевому и М. Погодину. Автор, потомок соратника Петра I, адмирала Головина, сообщал, что «ничего не нашел, имеющего хоть некоторое отношение к Петру»¹² в статье Полевого «Европа, Россия и Петр I», напечатанной в «Русском вестнике». Это выступление Головина интересно еще и потому, что оно было первым среди критических отзывов газеты о Н. Полевом, политическое ренегатство которого вызывало возмущение прогрессивной русской печати.

Влияние «Отечественных записок» явно сказывалось и на тематике информационного материала. Порой среди сугубо развлекательных новостей, перепечатанных со страниц европейских изданий, главным образом парижских и лондонских, в газете можно было встретить любопытный факт, свидетельствующий о ее внимании к социальным вопросам. Так, в номере 36 за 1841 г. сообщался читателю такой случай: «Фанни Эльслер в одном представлении в Балтиморе, за которое получила 3000 долларов, выплясала свободу целого семейства невольников, томившихся под игом бесчеловечного плантатора Блунта»¹³.

Для русского читателя всякое сообщение о положении негров, еще со времен журналистики XVIII в., отчетливо ассоциировалось с аналогичным рабским положением крестьян в России. В 40-е годы такого рода намеки воспринимались особенно чутко в связи с обострением классовых противоречий.

Пожалуй, для всякого издания мерилом и показателем его нравственных принципов, возможностью четко сформулировать свое общественное кредо является полемика. Прогрессивная русская печать всегда видела в полемике средство общественной борьбы.

Главным достоинством полемических выступлений «Литературной газеты» было то, что оценка ею того или иного органа печати или отдельной статьи определялась тем, насколько тесно они были связаны с жизнью. А это был, как известно, отправной тезис Белинского.

¹¹ «Литературная газета», 1841, № 24, стр. 95.

¹² Там же, № 29, стр. 115.

¹³ Там же, № 36, стр. 143.

В 1841 г. в разделе «Журналистика» газета писала: «В нашей журналистике мало движения, потому что в ней мало жизни»¹⁴.

С конца 1841 г. она активно включилась в полемику против «Северной пчелы» и других реакционных изданий, в последующие годы поддерживала «Отечественные записки» в их трактовке реализма Гоголя.

Ф. А. Кони так определял значение и цели полемики: «В каждой литературе живой и движущейся полемика (принимая это слово в настоящем его значении) есть душа»¹⁵. Кони анализировал два взгляда на полемику. Он противопоставлял попыткам заменить ее мелочной бранью и придирками свое понимание полемики как средства освещения литературно-общественных проблем: «Одни из литераторов,— писал он,— которые смотрят на литературу как на орган жизни умственной и нравственной и занимаются ею по призванию, полагают, что полемика состоит в благородном, приличном обмене взглядов и понятий об науке или искусстве, в сознательном и честном споре о предмете еще новом, ...который... может открыть новые истины, привести к новым результатам»¹⁶. Кони выступал против тех литераторов, которые «берутся за перо с одной целью: писать, издавать и собирать деньги». Имея в виду нападки «Северной пчелы» на «Литературную газету», он писал: «И вот душа литературы, светильник истины, полемика, превращается у них в личности, клеветы, неприличную брань против тех, которые почему-либо служат камнем преткновения для их промысла»¹⁷.

Эта статья положила начало целой серии контратак, предпринятых Кони в последующие годы против «Северной пчелы».

В борьбе за независимую, передовую, боевую журналистику печать прогрессивного лагеря справедливо рассматривала болгарские издания как средство дезориентации читателя и потому постоянно разоблачала их методы воздействия на подписчиков. Булгарин был и политическим противником, поскольку его издания наиболее рьяно выражали официальную идеологию. Наконец, как и в 30-е годы, прогрессивные русские журналисты видели в личности Булгарина ту степень нравственного и политического ренегатства, которая никак не вязалась с их представлением о долге литератора. Как справедливо замечает А. И. Станько, «личность Булгарина присутствовала не только (и зачастую даже не столько) как объект полемики, но и как своего рода камертон, по которому определялись голоса реакционеров в литературе и журналистике»¹⁸.

¹⁴ «Литературная газета», 1841, № 77, стр. 307.

¹⁵ Там же, № 122, стр. 487.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ А. И. Станько. Русские газеты первой половины XIX века. Ростов, 1969, стр. 130.

Конечно, ограничивать борьбой с Булгариным и его изданиями содержание полемики 40-х годов было бы ошибкой. Не только отрицание официоза, продажности «серобумажной» продукции писак этого лагеря было содержанием полемических выступлений прогрессивной печати. Утверждение в литературе принципов критического реализма, защита завоеваний «натуральной школы» с ее пристальным вниманием к трагедии личности в условиях самодержавного общества, выработка основ революционно-демократической идеологии, воспитание мыслящего, критически относящегося к действительности читателя — таков неполный перечень проблем, возникших в ходе полемики того времени.

В номере 41 «Литературной газеты» за 1842 г. появился новый отдел под названием «Журнальная амальгама». Булгаринская «Северная пчела» не преминула прокомментировать его появление. Она упрекала газету в подражании «Журнальной всякой всячине» (еженедельное обозрение «Северной пчелы», которое вел сам Булгарин. — М. К.), а также язвительно замечала, что не нашла в новом отделе «ни золота, ни серебра»¹⁹.

Кони отвечал, что «амальгама... есть смесь ртути, т. е. в переносном значении, жизни, с цинком, т. е. твердым телом, основательностью. В этом значении мы и называем наши статьи журнальной амальгамой, потому что первым условием порядочной газеты непременно должны быть жизнь и основательность»²⁰ (подчеркнуто мною. — М. К.).

В этой статье Кони сравнивал «Северную пчелу» с «вывеской мелочной торговли». На упрек Булгарина о подражании Кони отвечал следующим образом: «Если бы «Литературная газета» вздумала кому-нибудь подражать, то верно не выбрала бы себе подлинником «Северную пчелу». На это в ней довольно эстетического вкуса»²¹. Вполне определенный намек звучал и в его словах о том, что публикации «Северной пчелы» «прямо следуют в «Прибавления к Санкт-Петербургским ведомостям», т. е. подходят к рекламному изданию.

На протяжении 1841—1843 гг. полемика «Литературной газеты» с Булгариным велась постоянно. В 1843 г. он даже жаловался в Петербургский цензурный комитет его попечителю князю Волконскому²². В своей жалобе он упоминал «воскресный номер «Литературной газеты». Учитывая дату письма, можно предположить, что статьей, возбудившей такое неистовство Булгарина, был № 18 за 1843 г., где в отделе «Журналистика» Кони вновь анализировал черты личности и приемы продажного журналиста. Надо заметить, что Кони ни разу сам не начинал полемики, а только

¹⁹ «Северная пчела», 1842, № 241.

²⁰ «Литературная газета», 1842, № 42, стр. 886.

²¹ Там же.

²² См.: М. Лемке. Николаевские жандармы и литература 1825—1855 гг. М., 1908, стр. 286.

метко и умело отвечал на нападки «Северной пчелы». Так было и на этот раз.

Булгарин обвинил «Литературную газету» в гонениях и травле Н. Полевого и Кукольника. Действительно, в рецензии Некрасова на «Драматические сочинения и переводы Н. А. Полевого», напечатанной в 1842 г., а также в его театральных обзорах были подергнуты жестокой критике произведения этих ура-патриотических драматургов. Но «Литературная газета» так же, как и «Отечественные записки» никогда не брала на свое вооружение сугубо личных выпадов против того или иного писателя, в чем хотел упрекнуть ее Булгарин. «И господину ли Булгарину,—справедливо задавал Кони вопрос,—упрекать меня в гонениях на упомянутых авторов, когда он сам десять раз ссорился и мирился с г.г. Полевым и Кукольниковом, конечно, не за литературные убеждения, а за *кочерыжки* и другие побочные предметы»²³.

Слово «кочерыжки» не случайно выделено. В номере 10 за 1842 г. в «Отечественных записках» в разделе «Литературные и журнальные заметки» была напечатана статья Белинского под названием «Русская журналистика и капустные кочерыжки». «Войной из-за кочерыжек» назвал Белинский раздоры между издателями «Северной пчелы» и «Русского вестника», где сотрудничал Полевой. Он высмеял беспринципность, мелочность, торгашеский дух этих реакционных изданий. Таким образом, Кони подхватил введенный Белинским образ — «война из-за кочерыжек» и очень удачно использовал его в борьбе с Булгариным.

«Творения этого великого сочинителя,—заключал он,—всегда оказывались без всякого творческого достоинства, без жизни, с тупыми остротами, с избитой моралью, проникнутыми одной, ясно высказанной претензией, сбыть их поскорее почтеннейшей публике»²⁴.

Активизация полемики в «Литературной газете» с Булгариным совпала с той кампанией против главы «рептильной» литературы, которую в 1842 и 1843 гг. особенно активно вел Белинский в «Отечественных записках». Почти в каждой из статей цикла «Литературные и журнальные заметки» он не упускал случая ответить на злобные выпады издателя «Северной пчелы» или «прокомментировать» его мнение.

Нейтрализовать Булгарина было важно для прогрессивной печати еще и потому, что на страницах его изданий постоянно поносились Гоголь, Лермонтов, т. е. те писатели, творчество которых Белинский связывал с освоением нового метода литературы — критического реализма. Трактовка произведений Гоголя — одна из главных тем полемики 40-х годов. «Литературная газета» была полностью солидарна в ней с позицией «Отечественных записок». Характерно, что основные выступления газеты о творчестве Гого-

²³ «Литературная газета», 1843, № 18, стр. 359—360.

²⁴ Там же.

ля и по времени совпадали с рецензиями Белинского в «Отечественных записках». Вот несколько примеров.

Известно, что главным достоинством гоголевского таланта Белинский считал достоверность, жизненную правдивость характеров его героев. «...Творение необъятно художественное по концепции и выполнению, по характерам действующих лиц и подробностям русского быта и в то же время глубокое по мысли, социальное, общественное и историческое», — писал он о «Мертвых душах»²⁵.

После выхода поэмы Гоголя Белинский несколько раз выступал в «Отечественных записках» по поводу тех оценок, которые были даны Гоголю в других изданиях. Он постоянно подчеркивал свою главную мысль: достоинство «Мертвых душ» в том, что «в нем сокрыта и разанатомирована жизнь до мелочей и мелочам этим придано общее значение». Критик возражал К. Аксакову, который видел в поэме Гоголя подобие гомеровского эпоса, «величавое изображение русской жизни», а также рецензентам журнала «Москвитянин», делавшим главный акцент на комическом в поэме и сетовавшим, что Гоголь «охватил жизнь в пол-обхвата». Белинский верно почувствовал и социально-общественную подоплеку той ругани, грязных инсинуаций, которыми были наполнены строки рецензий на книгу Гоголя в «Северной пчеле» и «Библиотеке для чтения».

Важно, что, идя вслед за Белинским, «Литературная газета» также отчетливо различала все эти оттенки в полемике вокруг «Мертвых душ». Она видела достоинство этого произведения в его верности жизни, выделяла новаторский подход Гоголя к явлениям действительности.

«Если вы не хотите читать поэмы Гоголя, садитесь в бричку или коляску, поезжайте из Петербурга на перекладных или долгих в Саратов или в Архангельск, в Чернигов или в Нижний, словом, куда хотите, и читайте эту поэму в живых лицах. Что встреча, то страница; что усадьба, то песнь»²⁶, — писала газета. В этой рецензии, написанной, по всей видимости, Кони, подробно исследовался характер Чичикова, приводились многочисленные выписки из «Мертвых душ». Эта статья по объему занимала почти половину всего номера.

Когда в конце 1842 г. вышло собрание сочинений Гоголя, «Литературная газета» поспешила сразу же сообщить об этом своим читателям. Комментируя это событие, она называла «замечательными» впервые напечатанные там повесть Гоголя «Шинель» и пьесу «Женитьба». В статье в пародийной форме излагались все возможные мнения критиков о творчестве Гоголя. И хотя здесь не называлась ни одна фамилия, было ясно, что газета ведет бой по тем же мишеням, что и Белинский: «В Москве начнут

²⁵ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 217.

²⁶ «Литературная газета», 1842, № 23, стр. 471.

доказывать,— иронизировал рецензент,— что Гоголь — Гомер, Аристофан и Теренций нынешнего века; другие будут опровергать это и покажут только, что до и после Гоголя не было и не будет русской литературы; третьи станут придираться к опечаткам и неправильным оборотам языка». «Наконец, четвертые,— писал автор, имея в виду, конечно, точку зрения булгаринской клики,— станут доказывать, что Гоголь совершенно бездарный человек, которого приятели прославляют за тем, чтобы уронить других сатирических писателей. Ну, уж это будет чистая сатира на русскую литературу: где же у нас эти сатирические писатели, которых уронить можно и которые могли бы хоть чем-нибудь помериться с Гоголем»²⁷.

Последняя фраза свидетельствовала о том, что талант Гоголя стал для «Литературной газеты» как бы эталоном художественности. Именно эту мысль подчеркивал и Некрасов в рецензии на «Очерки русских нравов» Ф. Булгарина, напечатанной в номере 5 «Отечественных записок» за 1843 г.: «Теперь уже публика очень скоро и верно умеет отличить хорошее от дурного, особенно в отношении к произведениям юмористическим,— писал он.— Из сочинений Гоголя она ознакомилась уже столько с истинным юмором, художественным воспроизведением действительности, с живою и одушевленную речью, что тотчас распознает подделку под эти достоинства»²⁸.

«Литературная газета» использовала в целях полемики любой намек. Так, она язвительно замечала: «Он (Булгарин.— М. К.) смешивает формат с величиною бумаги, а в этом такая же разница, какая в сочинениях Гоголя и Булгарина»²⁹. Poleмический смысл этого сравнения станет ясен, если иметь в виду, что Булгарин неоднократно заявлял об отсутствии таланта у Гоголя и утверждал, что его нельзя сравнить даже с такими писателями, как Одоевский и Соллогуб, «которые выше г. Гоголя, как Чимборасо выше Пулковской горы»³⁰.

Участие «Литературной газеты» в полемике, развернувшейся вокруг творчества Гоголя, на стороне «Отечественных записок» было очень важным моментом в ее биографии. В сущности, в ходе ее решался один из серьезнейших вопросов дальнейшего развития русской литературы. Время показало историческую правоту концепции В. Г. Белинского о необходимости связи литературы с жизнью, поддержанную прогрессивной русской печатью и, в том числе, «Литературной газетой».

Наряду с защитой Гоголя против его ложных истолкователей, газета обратила внимание на творчество Лермонтова. В рецензии на «Стихотворения Лермонтова» указывалось, что развитие его

²⁷ «Литературная газета», 1843, № 4, стр. 83.

²⁸ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч., т. 9. М., 1950, стр. 93—94.

²⁹ «Литературная газета», 1843, № 38, стр. 694.

³⁰ «Северная пчела», 1842, № 7, стр. 26.

таланта «обещало много блестящего и образного»³¹. «Литературная газета» была одним из немногих русских изданий, сообщивших о гибели поэта. По свидетельству А. М. Скабичевского, ни о дуэли, ни о подробностях смерти Лермонтова «не было и помину в прессе того времени»³². И тем не менее, сообщение об этом появилось в «Литературной газете», в номере 89 за 1841 г. под рубрикой «Литературные и театральные новости». Видимо, по цензурным соображениям газета не могла уделить больше места и внимания гибели опального поэта, но сам факт напечатания заметки говорил о том, что редакция отдавала себе отчет в значительности этого события.

Представляет интерес и то, как газета оценивала творчество и взгляды М. П. Погодина, редактора журнала «Москвитянин», рьяного проповедника теории «официальной народности». В 1842—1843 гг. в нескольких журналах печатались отрывки из его путевого дневника, ставшего предметом «исследования» в знаменитом фельетоне А. И. Герцена «Путевые записки г-на Ведрина». В «Литературной газете» также появилось несколько отзывов об этом сочинении Погодина.

В номере 28 за 1842 г. в отделе «Критика и библиография», редакция так сообщила о выходе этих записок: «От повести Булгарина ближе всего перейти к отрывку из путевых записок г. Погодина: Лондон. Между тем и другим произведением есть какая-то внутренняя связь, которой мы не умеем объяснить, но которая заставляет нас поставить рядом имена их сочинителей»³³. Учитывая мнение газеты о Булгарине, намек был совершенно очевидный.

В связи с обострившейся в 1842 г. полемикой между «Москвитянином» и «Отечественными записками» после выхода знаменитого памфлета Белинского «Педант», «Литературная газета» не раз возвращалась к оценке личности и произведений Погодина. Она относила Погодина к числу тех литераторов, которые не понимают, что «они на барометре умственной деятельности замерли на нуле, тогда как весь мир поднялся на «ясно». Напишет ли такой автор путешествие, он не описывает вам страны,— говорилось в одной из статей,— ее народных поверий, направления духа национального, состояния умственного развития — нет... он, верный своему веку, расскажет вам только, что в таком-то трактире он хорошо пообедал за три крайцера, в таком-то городе у него болел живот» и т. д.³⁴

Почти так же отозвался о «Путевом дневнике» Погодина Некрасов. Из его произведений, писал критик, «не узнаешь ниче-

³¹ «Литературная газета», 1843, № 9, стр. 164.

³² А. М. Скабичевский. Очерки истории русской цензуры. Спб, 1892, стр. 280.

³³ «Литературная газета», 1842, № 28, стр. 579.

³⁴ Там же, 1843, № 18, стр. 359.

го нового о стране, ничего положительного о нравах и современном направлении духа народов»³⁵.

Выступления «Литературной газеты» по вопросам театрального искусства также представляют большой интерес. Точка зрения газеты выразилась, главным образом, в театральных образах Н. А. Некрасова. Поскольку они достаточно подробно проанализированы в соответствующей литературе³⁶, мы не будем подробно останавливаться на их содержании. Назовем лишь главные направления, по которым развивалась театральная критика на страницах газеты. Это, во-первых, глубокая неудовлетворенность репертуаром театров, стремление повлиять на формирование эстетических вкусов зрителя, воспитать его в критическом отношении к театру развлечений, который господствовал тогда.

Во-вторых, серьезные раздумья о специфике и назначении драматургических жанров, о роли театрального критика.

В-третьих, борьба с псевдопатриотическими произведениями записных русских драматургов Г. Ободовского и П. Полевого, разоблачение их антихудожественной сущности.

Наряду с Некрасовым отдел театральных обзоров вел и Кони. В его мнениях о современном театре было много общего с Некрасовым. Но его справедливые замечания порой сводились на нет нечеткостью его собственной положительной программы, отсутствием четких критериев оценок. Особенно ясно это видно из «Обзора драматической деятельности петербургских театров во второй половине 1842—1843 театрального года», помещенного в номере 13 за 1843 г. В нем, например, Кони категорически утверждал, что «драма из современного быта почти решительно невозможна; формы нашей жизни слишком определены, чтобы можно было допустить, что страсти у нас шагают иногда за показанные границы»³⁷. Как далеко этой точке зрения до мыслей Белинского о необходимости и важности современной драмы, которую он называл «зеркалом общества»! Но вместе с тем, в этом же обзоре Кони содержались и верные, уничтожающе точные характеристики псевдопатриотической драматургии: «Главная мысль или идея, которая определяет цель и направление каждого творчества,— писал он об Ободовском и Полевом,— у них всегда отсутствует; развитие правильной драмы, основанной на главной идее, заменено накоплением театральных эффектов.., а на место мыслей являются высокопарные фразы, обратившиеся даже в общие места от частого повторения»³⁸.

Конечно, влияние личности самого Кони во многом сказалось на содержании газеты в 1841—1843 гг., особенно отдела словесности, где преобладали переводные литературные произведения,

³⁵ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 112.

³⁶ См.: М. Гин, В. Успенский. Н. А. Некрасов — драматург и театральный критик. М., 1958.

³⁷ «Литературная газета», 1843, № 13, стр. 258.

³⁸ Там же.

одни названия которых говорят сами за себя: «Амстердамская голубка»; «Привидения первого мужа, или вдова замужем», «Любовь женщины или будуар модницы» и т. п.

Русская поэзия в газете была представлена произведениями таких поэтов, как А. Пальм, Н. Греков, В. Бенедиктов. Это были эпигоны романтизма, с неизменным набором их поэтических штампов: «безмолвная ночь», «истерзанная грудь», «одинокая ладья» и т. д. Пройдет год и со страниц «Литературной газеты» раздастся уничтожающая критика в их адрес в цикле фельетонов Некрасова «Записки Пружинина».

Но на страницах этой газеты печатались и замечательные литературно-критические статьи Некрасова, и превосходные повести Е. Гребенки, такая, как «Искатель места», написанная в духе «натуральной школы», стихи Кольцова, рассказы Некрасова и Грицка-Основьяненко. Отличалась газета и живой, наступательной полемикой, а также неплохим языком.

Заканчивая издание газеты, Кони писал в 1843 г.: «Нечего греха таить, «Литературная газета» не пользовалась таким огромным числом подписчиков и такими выгодами, как некоторые другие журналы и газеты, но, по крайней мере, она была повсеместно читаема наравне с ними»³⁹.

С 1844 г. газета вновь перешла в руки А. Краевского. В объявлении об издании газеты на 1844 г. Краевский заявил о решительном преобразовании издания. Редакция «Литературной газеты» наряду с вопросами литературы и искусства объявила о своем интересе к проблемам экономическим. Из газеты чисто литературной она превращалась в общественно-литературную. Разнообразнее стал отдел «Смесь», где значительное место заняла городская хроника, научная информация. Появился новый отдел «Записки для хозяев», где освещались вопросы сельского хозяйства, домоводства, промышленности.

В 1844 и 1845 гг. в газете, как уже отмечалось, наиболее интенсивно сотрудничали Белинский и Некрасов. Их активность, конечно, во многом повлияла на укрепление демократических позиций издания. В эти годы наиболее отчетливо проявились те прогрессивные тенденции, которые определялись в газете в предыдущие годы. Более четкой, определенной стала ее позиция по многим вопросам литературной и общественной жизни. Крупнейшим приобретением в области литературной теории была статья Белинского «Взгляд на главнейшие явления русской литературы в 1843 году», напечатанная в номерах 1 и 2 за 1844 г., и «О партиях в литературе» в номере 17 за 1845 г.

В этих статьях литературе «промышленной», «копеечной» противопоставлялись те произведения, которые разрабатывали, по словам Белинского, «важнейшие вопросы жизни», возвышали свой голос «против печальных явлений в современных нравах». Прямая

³⁹ Там же, № 50, стр. 888.

защита «партии движения рационального», как называет автор круг сотрудников «Отечественных записок», соединялась с критикой в адрес «партии охранительной». Введенный в оборот болгаринской кликой сам термин «литературная партия», имевший, по мысли его создателя, бранный оттенок, приобрел в этой статье права гражданства. «Литературная партия», говорилось в статье, это «соединение людей, имеющих одинаковое мнение о цели и средствах литературы, о духе времени и направлении». Автор объявлял «Литературную газету» и «Отечественные записки» органами одной партии.

Как и раньше, в газете продолжалась популяризация лучших литературных произведений. Стали чаще, по сравнению с предыдущими годами, печататься русские писатели. Отдел словесности, хотя и не увеличившись количественно, изменился качественно. Некрасов, Панаев, Соллогуб, чей рассказ «История двух калош», исполненный в духе «натуральной школы», был положительно оценен Белинским, а также Е. Гребенка — таков, по преимуществу, круг авторов этого отдела в 1844—1845 гг.

В это время Белинский публикует в газете рецензии на перевод трагедии Шекспира «Гамлет», сделанный А. Кронебергом, а также отклик на третье издание «Героя нашего времени» Лермонтова.

В 1845 г. в номерах 6, 7 и 8 появилась новая рубрика «Портретная галерея русских писателей», где печатался литературно-критический очерк Белинского о Кантемире. Критик хотел в будущем продолжить публикацию цикла статей о русских писателях. Но этот замысел не был осуществлен в связи с переходом в середине 1845 г. газеты в руки Н. Полевого.

Некрасов, как и прежде, поддерживал Белинского в своих выступлениях на страницах «Литературной газеты». В «Журнальных отметках» в начале 1845 г. он, имея в виду непосредственно статьи Белинского, писал: «Критика «Отечественных записок», особенно та, которая рассуждает о беллетристических произведениях русской литературы, в последние три-четыре года существования этого журнала обращает на себя общее внимание»⁴⁰. Далее поэт выступал с прямой защитой литературных мнений Белинского. В своей рецензии на повесть Соллогуба «Тарантас» он так же, как и Белинский, высмеял славянофилов, рисовавших идиллическую картину единения помещика и крестьянина.

Другим важным отделом газеты стал фельетон. Если раньше, как уже говорилось, рубрика «фельетон» обозначала не жанр, а место на газетной полосе, название отдела, то теперь он приобретает свое определенное лицо. Как правило, фельетон печатался под рубрикой «Дагерротип». Содержание этой рубрики объяснялось так: «Дагерротип» — это «легкие физиологические заметки касательно театра, общества, литературы. Литературные сцены, воде-

⁴⁰ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 285.

вильные куплеты, пародии. Достопримечательные письма. Биографии неизвестных людей, наставительные притчи для юношества»⁴¹. Под этой рубрикой печатались фельетоны Некрасова, вернее, циклы фельетонов: «Хроника петербургского жителя», «Записки Пружинина», цикл, связанный с именем доктора Пуфа, и т. д. В «Дагерротипе» фельетон был выведен из «хроники» и имел четко выраженные жанровые признаки.

О явном интересе редакции к этому жанру говорит хотя бы тот факт, что в «Дагерротипе» появилась даже статья под названием «Фельетонист».

Отстаивая фельетон как активный жанр, помогающий исправлять недостатки общества, «Литературная газета» высмеивала тот тип фельетона, который сложился на страницах «Северной пчелы»: «...возьмите перо,— иронически советовала она,— и пишите обо всем, что вы видели, что слышали и чего не слышали; выставьте вместо названия — фельетон или журнальное тутти-фрутти⁴² и т. п., а в конце, если не хотите писать своего имени, какие-нибудь две или три буквы»⁴³.

«Литературная газета» стала местом рождения социального, обличительного фельетона. Герой некрасовского сатирического цикла чиновник Пружинин представлял собой типичный продукт несправедливого общества, уродливого самого по себе и уродующего души людей. В течение всего 1845 г., когда печатался цикл, читатель газеты имел возможность как бы исследовать характер Пружинина, убогого духом ханжи и обывателя. Он представлял как олицетворение целой социальной группы, на которой стоит машина российской империи, и от этого фельетон приобретал вполне определенное общественное звучание.

Большой интерес представлял в «Литературной газете» отдел «Записки для хозяев». Им руководил А. И. Заблоцкий-Десятовский, известный русский экономист, автор знаменитой статьи «О причинах колебания цен на хлеб в России», которая была опубликована в 1847 г. в «Отечественных записках» и получила одобрительный отзыв Белинского. В статье содержались явные намеки на бедственное положение крестьянства, приводились конкретные факты, иллюстрирующие разорение крестьянских хозяйств. В 1845 г. в номере 8 «Литературной газеты» появилась заметка за подписью «Никифор Работягин» под названием «О нынешнем состоянии цен на хлеб в разных местах России». Думается, справедливо мнение, что автором этой заметки был А. Заблоцкий-Десятовский⁴⁴.

Совпадение тематики и выводов, на наш взгляд, как в первом, так и во втором случае, было отнюдь не случайным. Видимо, за-

⁴¹ «Литературная газета», 1845, № 5, стр. 98.

⁴² Названия рубрик «Северной пчелы». — М. К.

⁴³ «Литературная газета», 1845, № 1, стр. 8.

⁴⁴ А. И. Станько. Литературные газеты 30—40-х годов XIX века и цензура. — «Вестник ЛГУ», № 2, вып. 1, 1965, стр. 124.

метку в «Литературной газете» можно считать своеобразной заготовкой для большой журнальной статьи, которая появилась позже.

Интерес газеты к экономическим проблемам внутренней жизни России очень своеобразно отразился в таком малозначительном, на первый взгляд, подотделе, как «Кухня» в «Записках для хозяев». Иногда там можно было встретить среди кулинарных рецептов острые сатирические намеки. Этот подотдел вел В. Ф. Одоевский, который в фельетонной форме высмеивал тех, у кого «желудочные отравления суть главные и единственные в жизни».

В номере 27 за 1845 г. появился материал под заголовком «Письма к доктору Пуфу». В первом письме автор, назвавший себя доктор Кнуф, задавал такие, например, «вопросы»: «Скажите-ка, отчего бывает много-много людей, которым нечего есть? Что уделит ваша богатая наука на долю бедняка, который имеет для своей пищи мякину? Научите, как сделать консомэ, сальми, пудинг или ростбиф из мякины и воды?»

«Не забудьте,— предупреждал автор,— что это предмет весьма важный. Бедняки, я думаю, ...составляют везде большинство»⁴⁵.

Как видно, такие вопросы приобретали важное социальное значение, и рубрика «Кухня» была лишь своеобразной ширмой, за которую можно было спрятать сокровенную мысль от глаз цензора.

О явном интересе «Литературной газеты» к общественно-политическим проблемам убедительно свидетельствует появившаяся в ней рецензия на книгу Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии».

Работа Ф. Энгельса, которую В. И. Ленин считал «одним из лучших произведений в мировой социалистической литературе»⁴⁶, имела для развития русского освободительного движения важное значение. Она была одним из первых марксистских изданий, распространяемых в России. Экземпляр этой книги находился, как известно, в библиотеке петрашевцев, а в 1861 г. в «Современнике», редактируемом Н. А. Некрасовым, появилась статья Н. В. Шелгунова «Рабочий пролетариат в Англии и во Франции». Н. В. Шелгунов рекомендовал русскому читателю произведение Энгельса, подчеркнув, что «европейская экономическая литература обязана ему лучшим сочинением об экономическом быте английского рабочего»⁴⁷. В статье приводились также обширные выдержки из работы.

До последнего времени считалось, что выступление Н. В. Шелгунова было первым в русской печати откликом на книгу Энгельса⁴⁸. Однако явный интерес русской печати сороковых годов к социально-философским проблемам, а также факты, свидетельствующие о том, что прогрессивные русские деятели были знакомы

⁴⁵ «Литературная газета», 1845, № 27, стр. 421.

⁴⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 265.

⁴⁷ «Современник», 1861, № 9, стр. 137.

⁴⁸ Фридрих Энгельс. Биография. М., 1970, стр. 59—60.

с самыми первыми трудами К. Маркса и Ф. Энгельса, появившимися в те годы, позволяли предположить, что такое событие, как выход книги Энгельса, могло быть отмеченным гораздо раньше, чем в 60-е годы. И действительно, по-видимому, самый ранний в русской периодике отклик на книгу Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» — в «Литературной газете» за 1845 г.

Рецензия появилась в номере 25 газеты 5 июля 1845 г., то есть спустя месяц с небольшим после выхода произведения Ф. Энгельса в Лейпциге. Она была напечатана в отделе «Смесь» под рубрикой «Заграничная хроника». Большая часть сообщений в этой «хронике» касалась Германии, откуда, по всей видимости, рецензия и поступила в редакцию.

Рецензия имела подчеркнуто нейтральный заголовок: «Дамское кокетство и страсть рядиться как источник гибели человечества» и была помещена между сообщениями «Древность игорных карт» и «Новое изобретение Даггера». Можно предположить, что автор рецензии отдавал себе отчет в том, что по цензурным условиям России самостоятельный отклик на книгу, где разоблачались основы эксплуататорского общества и социальные пороки, характерные не только для Англии, не мог бы появиться.

Этим объясняется и форма рецензии, где автор прибегнул к испытанному способу публицистов прошлого столетия — эзопову языку. На фоне шутливой болтовни по поводу дамского кокетства приводятся факты из книги Энгельса, причем местами автор делает почти текстуальный перевод.

Основное внимание рецензента сосредоточено на главе «Другие отрасли труда», где Энгельс анализирует состояние кружевного и швейного производства в Англии. Почти дословно переведен отрывок, где описывается процесс труда на кружевной фабрике.

Так, у Энгельса: «В упомянутых трех графствах работает в общем 2760 кружевных машин, а во всей остальной Англии — только 786... Сначала нитки наматываются на шпульки — работа, которую выполняют девушки 14 лет и старше; затем шпульки вставляются в машину, нитки продеваются через мелкие отверстия, которых в машине бывает в среднем около 1800, и им дается дальнейшее направление — эту работу выполняют мальчики 8 лет и старше; затем рабочий изготавливает кружево, которое выходит из машины в виде широкой полосы; совсем маленькие дети разделяют полосу на отдельные части, выдергивая соединяющие их нити»⁴⁹.

В рецензии: «По его (Энгельса.— М. К.) показаниям, в Англии находится 3546 одних кружевных машин, на которых работы производят следующим порядком. Сперва нити наматываются на шпульки девочками от 10 до 14 лет; потом мальчики, лет 8, ставят шпульки на место и продевают нити в самые тонкие отверстия, которых на каждой машине считают до 1800. Затем ткач

⁴⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 416.

начинает делать кружева, которые выходят из машины в виде широкого полотна. Маленькие дети, от 3 до 5 лет, потом должны вытягивать средние нити между кружевными полосами, чтобы таким образом разделить их на несколько кусков»⁵⁰.

Обращает на себя внимание явный интерес автора рецензии к статистическим данным. Нетрудно заметить, что цифра 3546, приведенная в ней,— это сумма указанных Энгельсом 2760 и 786. Далее. В приведенном отрывке ничего не говорится о возрасте детей, вытягивающих соединительные нити, в то время как в рецензии он обозначен — «от 3 до 5 лет». Откуда же взял автор рецензии эти цифры? Речь об этом у Энгельса идет несколько ниже: «Самым нездоровым,— пишет Энгельс,— следует признать труд детей, выдергивающих нитки из готовых кружев; это большей частью дети семи, пяти или четырех лет. Комиссар Грейнджер застал даже за этой работой ребенка двух лет»⁵¹. Как видим, в рецензии даны средние из цифр, упоминающихся в работе Энгельса.

Это свидетельствует о вдумчивом прочтении книги и об определенном отборе, анализе фактов, произведенном рецензентом.

Точно так же поступает автор рецензии, переходя к той части главы, где рассматривается положение рабочих швейной промышленности. В отрывке, привлечшем внимание рецензента, Энгельс сравнивает положение швей с рабством. В рецензии швеи так и названы: «негрицы», «невольницы», «рабыни», «мученицы». И здесь, как это было в предыдущей части рецензии, следует почти дословный перевод из книги Энгельса. Сравним два отрывка.

У Энгельса: «Во время фешенебельного сезона, который продолжается приблизительно четыре месяца в году, число рабочих часов даже в лучших предприятиях доходит до 15 в день, а в случае срочных заказов — до 18. Но в большинстве мастерских в этот период работают без какого-либо ограничения времени, так что девушки никогда не имеют на отдых и сон более шести часов, а часто всего только три или четыре, а иногда и два часа в сутки... Случается, что эти беспомощные существа по девять дней подряд не раздеваются и спят только урывками на матраце; пищу им дают мелко нарезанную, чтобы они как можно скорее могли проглотить ее»⁵².

В рецензии: «Во время фашинга (фешенебельный сезон.— М. К.), который обыкновенно продолжается около четырех месяцев, эти труженицы работают ежедневно от пятнадцати до восемнадцати часов, а иногда и шьют до тех пор, пока глаза больше не глядят и руки не держат иголки, т. е. до совершенного истощения физических сил. Иногда они не встают из-за рабочего стола по девяти суток, спят сидя и то только 15 минут в сутки и едят вто-

⁵⁰ «Литературная газета», 1845, № 25, стр. 427.

⁵¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 416.

⁵² Там же, стр. 433—434.

ропах не более одного раза в двое суток и то мимоходом и так что-нибудь, что попадет под руку»⁵³.

Рецензия явно имела целью познакомить русского читателя как с самой книгой «Положение рабочего класса в Англии», так и с именем ее автора. Именно этим можно объяснить настоячивые, шестикратно встречающиеся ссылки: «по мнению г-на Энгеля», «по словам г. Энгеля» и т. д. Возможно, автор отдавал себе отчет в значении этого первого важного труда молодого ученого и пытался привлечь к нему внимание русского читателя.

Большой интерес представляет также вопрос об авторе этой рецензии. Как уже отмечалось, «Литературная газета» по своему направлению в 1845 г. была наиболее близка к главному органу революционной демократии — «Отечественным запискам». Можно не сомневаться в том, что автор рецензии так или иначе должен соприкасаться с кругом друзей и единомышленников Белинского.

Известно, что Белинский постоянно интересовался состоянием западноевропейской философии, а также с особым вниманием относился к первым марксистским изданиям. В его библиотеке находился экземпляр «Немецко-французского ежегодника», редактируемого К. Марксом и А. Руге, где были напечатаны статьи Маркса «К критике гегелевской философии права», «К еврейскому вопросу», а также статья Энгельса «Наброски к критике политической экономии».

Огромное впечатление на Белинского произвела статья Маркса «К критике гегелевской философии права». Об этом свидетельствует его письмо к А. И. Герцену от 26 января 1845 г.: «Кетчер писал тебе о парижском «Ярбюхере» и что будто я от него воскрес и переродился.

Вздор, я не такой человек, которого тетрадка может удовлетворить. Два дня я от нее бодр и весел,—и все тут. Истину я взял себе — и в словах бог и религия вижу тьму, мрак, цепи и кнут, и люблю теперь эти два слова, как следующие за ними четыре»⁵⁴, — писал критик.

Далее следует характерное признание, свидетельствующее о том, что Белинский настойчиво искал путей популяризации идей Маркса: «Все это так, но ведь по-прежнему не могу печатно сказать все, что я думаю и как я думаю. А черт ли в истине, если ее нельзя популяризировать и обнародовать — мертвый капитал»⁵⁵.

Эти слова во многом помогают объяснить тот факт, что рецензия на книгу Энгельса появилась не в «Отечественных записках», а в «Литературной газете». Цензура постоянно держала под особым надзором «Отечественные записки» и рецензия такого рода неизбежно вызвала бы осложнения для редакции. Возможно,

⁵³ «Литературная газета», 1845, № 25, стр. 427.

⁵⁴ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 250.

⁵⁵ Там же.

именно по этой причине Белинский и его друзья решили опубликовать ее в «Литературной газете», которая до 1844 г., под редакцией Ф. А. Кони, снискала себе репутацию органа умеренного направления.

Автором же рецензии, по нашему мнению, является В. П. Боткин, в 40-е годы близкий Белинскому и его кругу. В пользу этого говорят следующие факты. Рецензировать книгу Энгельса, полностью отдавая себе отчет в ее значимости, как это явствует из материала «Литературной газеты», мог лишь человек, имевший определенный интерес к социально-философским проблемам, знакомый с достижениями западно-европейской общественной мысли. Боткин, тесно общавшийся с Белинским и Герценом, проявлял такой интерес, о чем свидетельствуют как его письма к Белинскому, так и письма Белинского к нему. Еще раньше он заинтересовался самой первой работой Ф. Энгельса. В 1843 г. номере 1 «Отечественных записок» Боткин выступил с обзором новинок германской литературы, где давался порой пересказ, а порой почти текстуальный перевод (как и в данной рецензии!) анонимной брошюры Энгельса «Шеллинг и откровение», изданной в 1842 г. Следовательно, обращение Боткина к книге Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» не было случайным, если предположить его авторство.

Несомненно, что автором подобного рода рецензии мог быть человек, в какой-то степени знакомый с революционными идеями. Известно, что в марте 1844 г. Боткин вместе с Бакуниным и Г. Толстым встречался с Марксом, и эта встреча — также весомый аргумент в пользу его авторства.

Обращает на себя внимание оперативность рецензии: она появилась через 5-6 недель после выхода книги! Если учесть время на прочтение, перевод и пересылку ее, то можно предположить, что автор мог и заранее быть знакомым с работой Энгельса или был подготовлен к ее восприятию. Вполне возможно, что на упомянутой выше встрече К. Маркса с русскими деятелями шла речь и о работе Энгельса, за которой Маркс пристально следил.

Кроме того, обнаруживается явное сходство приемов перевода Боткиным отрывков из брошюры Энгельса «Шеллинг и откровение» и отрывков из книги «Положение рабочего класса в Англии», приведенных в «Литературной газете».

Работа по выявлению автора рецензии еще продолжается, однако несомненным является факт, что писавший ее человек принадлежит к тому кругу деятелей 40-х годов, который возглавлял Белинский.

Появление рецензии непосредственно вслед за выходом книги Энгельса — свидетельство того, что деятели русского освободительного движения глубоко интересовались уже самыми первыми произведениями Маркса и Энгельса. Кроме того, этот факт в какой-то степени дополняет также картину проникновения марксистского мировоззрения в Россию.

История «Литературной газеты» прочитана еще не до конца и не полностью. Предстоит, например, большая работа по установлению точного круга авторов и сотрудников издания, не до конца изучены и взаимоотношения газеты с цензурой, ее роль в полемике тех лет и т. д.

Несмотря на некоторые ошибки и колебания, «Литературная газета» прочно обеспечила себе место в ряду наиболее прогрессивных, демократически настроенных изданий 40-х годов.

* * *

Ниже публикуется полный текст рецензии «Литературной газеты» на книгу Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии».

ДАМСКОЕ КОКЕТСТВО И СТРАСТЬ РЯДИТЬСЯ — один из величайших источников человеческих страданий, бедствий и даже преждевременной смерти миллионов людей. Вы смотрите на нас с ужасом и гневом, *mesdames!* Вы готовы наказать нас вашей холодностью, вашим карающим взором! Помилуйте, пощадите, не губите — не выслушивая. Эту дерзкую речь ведем не мы, а г-н Энгель, который издал недавно, в Лейпциге весьма замечательную книгу под названием «Положение рабочего класса в Англии». И представьте, что он осмеливается еще думать вдобавок, что кокетство и страсть рядиться производят все эти страдания, бедствия и смерти и совсем не в том смысле, в каком вы думаете, и который был бы довольно утешителен для вашего самолюбия. Вы полагаете, что человечество страдает от любви, бедствует от вашего милого тиранства, умирает преждевременно от вашей холодности? Ничуть не бывало. По мнению Энгеля, оно страдает и умирает просто от ваших шемизеток, оборочек, нарукавничков, косыночек, платочков, одним словом от всего, от чего и сами женщины приходят иногда в отчаяние. Ваши кружева сети погибели; ваши булавки — кинжалы, ваши нарядные платья — гробовые саваны! Опять-таки не гневайтесь! Все это — мнение господина Энгеля. Он доказывает, в своей книге, что именно изготовление предметов дамского щегольства причиняет между рабочим классом болезни и большую смертность. По его показаниям, в Англии находятся 3546 одних кружевных машин, на которых работы производят следующим порядком. Сперва нити наматываются на шпульки девочками от 10 до 14 лет; потом мальчики, лет 8, ставят шпульки на машину и продевают нити в самые тонкие отверстия, которых на каждой машине считают до 1800. Затем ткач начинает делать кружева, которые выходят из машины в виде широкого полотна. Маленькие дети, от трех до пяти лет, потом должны вытягивать средние нити между кружевными полосками, чтоб таким образом разделить их на несколько кусков. Кроме разного вреда, который фабрикация причиняет человечеству мужского пола и притом женатому, испытывающему нередко от нее чахотку в кар-

мане и желчную лихорадку, она имеет, по мнению Энгеля, весьма пагубное влияние на зрение рабочих. Везде, где только есть кружевные фабрики и хорошенькие женщины, которые любят рядиться, вы встречаете весьма много близоруких и слепых (вероятно мужей). Самая трудная работа у станка; она истомляет человека донельзя, особенно его глаза, а потому к каждому станку приставляют четырех работников, которые сменяют друг друга через каждые четыре часа.

Но настоящие европейские негрицы, истинные мученицы деспотической моды и прихоти, по мнению Энгеля, лондонские швейки. Как! швейки, гризетки, эти маленькие, веселенькие существа, которые порхают, как бабочки, поют, как птички, которые так грациозно танцуют канкан и польку, так наивно потягивают шампанское и так мило и бегло любят и разлюбивают, эти мечтательные сильфидочки нашего положительного века — негрицы, невольницы, рабыни и мученицы? — Да! Да! Милостивые государи и государины! Такова их участь, по крайней мере, в Англии и преимущественно в Лондоне, по словам г. Энгеля. В Лондоне, по его исчислению, ни больше, ни меньше как 1500 этих невольниц, которые не знают ни сна, ни покоя. Во время фашинга, который обыкновенно продолжается около четырех месяцев, эти труженицы работают ежедневно от пятнадцати до восемнадцати часов, а иногда они шьют до тех пор, пока глаза больше не глядят и руки не держат иголки, т. е. до совершенного истощения физических сил. Иногда они не встают из-за рабочего стола по девяти суток, спят сидя и то только 15 минут в сутки и едят второпях не более одного раза в двое суток, и то мимоходом и так что-нибудь, что попадет под руку. Все эти несчастные жертвы моды — оканчивают свое поприще неизлечимою чахоткой. Посудите же: нарядясь однажды получше на бал, сколько человек английская кокетка должна вогнать во гроб и в отчаяние! О! страшно и подумать, что г. Энгель прав, иначе все красавицы покажутся нам палачами, все эти ловкие милые женщины, которыми мы, слепа, так восхищаемся, превратятся в страшных парок, прядущих себе кружева из нитей человеческих жизней.

С. Л. ТИМОФЕЕВА

О ПАРТИЙНОМ РУКОВОДСТВЕ ПЕЧАТЬЮ В ГДР (1949—1955 гг.)

Провозглашение 7 октября 1949 г. Германской Демократической Республики законодательно закрепило создание первого в истории государства рабочих и крестьян на немецкой земле.

Годы, прошедшие со времени окончания второй мировой войны до образования республики, были заняты в восточной Германии антифашистско-демократическими преобразованиями. В этот период началось и формирование демократической печати, ее передового отряда — печати Социалистической единой партии Германии.

Политика Советской военной администрации в Германии была направлена на помощь демократической общественности во всех областях экономической, политической и культурной жизни. «Вся деятельность советской военной администрации основывалась на принципах пролетарского интернационализма и была пронизана духом социалистического гуманизма»¹.

Основные направления политики СВАГ в области печати сводились в самых общих чертах к следующему: лицензирование печатных органов демократических партий и организаций, открытие изданий, рассчитанных на широкие непартийные слои населения, обеспечение материальной базы для демократических изданий, искоренение остатков нацистской идеологии в пропаганде, создание информационной службы для прессы восточной Германии. Образцом, примером для подражания, школой воспитания немецких журналистов служила на протяжении десяти послевоенных лет газета «Тэгliche рундшау», издаваемая СВАГ для немецкого населения².

Структура печати ГДР, сложившаяся в основном в период антифашистско-демократических преобразований, отразила те национальные, исторические особенности, которые наложили отпе-

¹ Очерк истории германского рабочего движения. Берлин, 1964, стр. 154.

² Исследованию политики СВАГ в области печати и опыта «Тэгliche рундшау» посвящена книга: Günter Raue. Im Dienste der Wahrheit. Ein Beitrag zur Pressepolitik der sowjetischen Besatzungsmacht 1945—1949. Fakultät für Journalistik. Leipzig, 1966.

чаток и на характер политических преобразований в стране³. Основная отличительная черта этой структуры — многопартийность.

Через некоторое время после окончания войны начали издание своих центральных органов Коммунистическая («Дойче фолкс-цайтунг») и Социал-демократическая («Дас фолк») партии Германии. После объединительного съезда в апреле 1946 г. и образования Социалистической единой партии Германии начинается формирование системы партийной прессы. 23 апреля 1946 г. выходит первый номер центрального органа СЕПГ «Нойес Дойчланд»⁴.

В апреле же 1946 г. организуется издание провинциальных органов СЕПГ. После проведения административной реформы в 1952 г. создаются пятнадцать окружных газет партии вместо прежних десяти земельных и провинциальных газет⁵.

С июня 1946 г. издается теоретический орган СЕПГ, ежемесячный журнал «Айнхайт». В 1946 г. начал выходить и журнал «Нойер Вег»⁶.

Кроме печати СЕПГ, СВАГ лицензировала органы буржуазно-демократических партий, возобновивших свою деятельность в условиях антифашистского порядка. 22 июля 1945 г. появился первый номер «Нойе цайт» — центрального органа Христианско-демократического Союза. В конце 1945 — начале 1946 гг. к нему присоединяются провинциальные издания ХДС.

3 августа 1945 г. начато издание центрального органа Либерально-демократической партии Германии, газеты «Дер морген». Эта партия организовала выпуск провинциальных изданий с октября 1945 г.

Говоря о специфических функциях печатных органов партий антифашистско-демократического блока, Йоганес Диккман, бывший председатель Народной палаты ГДР и один из видных дея-

³ О развитии печати Восточной Германии в период антифашистско-демократических преобразований см.: Der Aufbau eines antifaschistisch — demokratischen Pressesystem (1945—1949). Lehrbrief 14/Teil 1, Karl-Marx-Universität, Fakultät für Journalistik, Leipzig, 1963.

Г. Я. Рудой. Первые шаги немецкой демократической печати. — «Новая и новейшая история», 1970, № 1, стр. 106—114.

⁴ О деятельности «Нойес Дойчланд» в период антифашистско-демократических преобразований см.: С. А. Васильев. Газета «Нойес Дойчланд» в борьбе за демократические преобразования в Германии в 1946—1949 гг. — В сб.: Из истории зарубежной печати. М., 1958, стр. 49—94.

⁵ Как сообщил в отчетном докладе ЦК СЕПГ VIII съезду партии Эрих Хонеккер, ежедневный тираж партийной прессы в настоящее время составляет 5 290 000 экземпляров. Только за период между VII и VIII съездами он вырос на 600 000 экземпляров. См.: «Neue Deutsche Presse», 1971, № 15, S. 2.

⁶ Первые номера «Neuer Weg» издаются от имени ЦК КПГ. С № 3 1946 года он выходит как «Monatsschrift für aktuelle Fragen der Arbeiterbewegung» от имени Правления СЕПГ (первые номера также содержат подзаголовок «Ежемесячный журнал актуальных вопросов рабочего движения»). Со второго номера 1950 г. журнал выходит два раза в месяц, а с 1955 г. издается как орган ЦК СЕПГ по вопросам партийного строительства и партийной жизни.

телей Либерально-демократической партии Германии, называл те слои, к которым обращена печать «других» (кроме СЕПГ) партий блока: ремесленники, частные предприниматели, торговцы, служащие — выходцы из буржуазных семей, старое учительство, вооруженное профессиональными знаниями, но еще не принявшее социализм, бывшие мелкие, «молчаливые» члены нацистской партии⁷.

СЕПГ отдавала себе отчет в том, что обращаясь к этим социальным группам только через свои, партийные издания, она не всегда и не сразу достигнет желаемого эффекта.

Допущение деятельности буржуазно-демократических партий и их прессы было связано и с теми изменениями в соотношении сил, которые произошли в результате второй мировой войны. Развиваясь под влиянием и при поддержке такого могучего соседа, как СССР, народные демократии Восточной Европы могли позволить перевоспитание буржуазных элементов, привлечение их к демократическому строительству. Наиболее эффективно это перевоспитание могло осуществляться в рамках деятельности тех партий, которые были разрешены в восточной части Германии. Членов этих партий обслуживали названные органы печати.

В 1948 г. к антифашистско-демократическому блоку присоединились две вновь возникшие демократические партии. Национально-демократическая партия Германии и Демократическая крестьянская партия Германии. Центральным органом Демократической крестьянской партии стала газета «Бауэрн — эхо» (основана 18 июля 1948 г.), а Национально-демократической партии Германии — «Национальцайтунг», начавшая выход 22 марта 1948 г.⁸

В 1951—1952 гг. появилась провинциальная печать НДПГ.

В первые послевоенные годы начинается и издание печатных органов массовых организаций: 9 октября 1945 г. выходит первый номер «Трибуне» — органа Правления Союза свободных немецких профсоюзов, 15 февраля 1947 г. — «Юнге вельт» — органа Центрального Совета Союза свободной немецкой молодежи.

Свою печать получило национальное меньшинство сорбов, живущее на территории восточной Германии, 6 июля 1947 г. появляется первый номер газеты «Нова доба»⁹.

Своеобразный тип издания представляет «Берлинер цайтунг». Ее выпуск начался через несколько дней после окончания войны — 21 мая 1945 г. СВАГ, но вскоре передан Берлинскому магистрату. В работах исследователей газеты типа «Берлинер цайтунг» получили характеристику так называемых «надпартийных» изда-

⁷ J. Dieckmann. Die spezifische Funktion der Presseorgane der anderen Blockparteien beim umfassenden Aufbau des Sozialismus. Johann Ambrosius Barth Verlag. Leipzig, 1965, S. 15.

⁸ Journalistische Handbuch der Deutschen Demokratischen Republik. Der Verlag für Buch — und Bibliothekswesen, Leipzig, 1960, S. 239—241.

⁹ Подробно о современной печати сорбов см.: Walter J. Rauch. Presse und Volkstum der Lausitzer Sorben. Holzner-Verlag. Würzburg, 1959.

ний. Учитывая особенности социальной и классовой структуры населения, редакция строила работу в расчете на широкую непартийную массу читателей. Тяжелое наследие гитлеризма, поражение в войне, трудности послевоенного времени деморализующе действовали на часть немцев, нужны были специфические формы идеологического воздействия на эту часть населения.

В функции «Берлинер цайтунг» входила также информация населения Большого Берлина и окрестностей о преобразованиях и ходе демократического строительства в Восточной Германии.

В основу деятельности газеты был положен опыт газеты военного времени «Фрайес Дойчланд», органа Национального Комитета «Свободная Германия». Национальный Комитет был создан на территории СССР в 1943 г. и ставил задачу консолидации антифашистских сил военнопленных немцев. Деятельность Комитета направлялась членами ЦК КПГ.

С зарождением и оформлением Национального фронта демократической Германии «Берлинер цайтунг» успешно выполняет и функции народнофронтовой газеты, объединяя своих читателей под лозунгами мира, демократии, воссоединения Германии на демократической основе.

В июле 1949 г. начала выходить вечерняя газета «Б-Цет ам абенд».

Ко времени образования ГДР антифашистско-демократические преобразования были в основном завершены. Следующий этап в развитии страны — создание основ социализма — 1949—1955 гг. Официально о курсе на создание основ социализма СЕПГ заявила на второй партийной конференции летом 1952 г.

Переход к социалистическому строительству в сложной обстановке Германии, необходимость мобилизации всех сил на решение сложнейших хозяйственных и политических задач, задачи формирования социалистического сознания масс побудили руководящие органы СЕПГ вплотную заняться проблемами развития партийной печати. Совершенно закономерной представляется насыщенность именно этого периода партийными документами по вопросам печати, в которых дан глубокий анализ деятельности всех отрядов печати, имеющих в распоряжении СЕПГ, от центрального органа до производственных и даже стенных газет. Проблемы партийной печати — в поле зрения съездов СЕПГ, обсуждаются на первой партийной конференции, на VII 1951 г. пленуме ЦК, на XV, XVI пленумах ЦК 1953 г. В 1950 и 1951 гг. руководящие органы партии проводят партийные конференции прессы, их решения носят программный характер. В 1951—1955 гг. появляется ряд решений Секретариата и Политбюро ЦК СЕПГ, связанных с анализом деятельности печати¹⁰.

¹⁰ О печати ГДР в 1949—1955 гг. см.: Geschichte der deutschen Presse. Lehrbrief 14/Teil 11/111. Presse der DDR im Kampf um die Lösung der Lebensfragen der Nation. Karl-Marx-Universität, Fakultät für Journalistik. Leipzig, 1964.

Генеральная линия, определенная первой партийной конференцией прессы в 1950 г., — превращение прессы СЕПГ в прессу нового типа.

Содержание этого понятия полно раскрыто в произведениях В. И. Ленина, вбирает в себя опыт марксистской дореволюционной и советской партийной печати.

Настало время строить печать нового типа в условиях стран народной демократии — в условиях многопартийности, смешанной экономики, сложного социального состава населения, трудностей переходного периода.

Немецким журналистам необходимо было основательное знание ленинской теории печати, опыта советской, критическое осмысление истории немецкой рабочей печати. Характерно, что теории печати ГДР, в частности, профессор Герман Будзиславский в книге «Социалистическая журналистика», давая понятие печати нового типа на основе ленинских положений, специально подчеркивает, что оно сложилось на базе отрицания традиций рабочей прессы старого типа — социал-демократической, оппортунистической, какой она оказалась к началу XX века в Германии¹¹.

Неразрывная органическая связь с партией коммунистов, последовательная защита интересов рабочего класса, видение, понимание, претворение в жизнь политики партии — эти требования строгой партийности печати были выдвинуты в качестве главных на первой партийной конференции печати.

Ко времени проведения конференции успехи в развитии партийной печати были несомненны. На газетных полосах появились многочисленные материалы о дружбе с СССР и странами народной демократии, немецкие журналисты стали смелее и последовательнее выступать на темы борьбы за мир, в поддержку Национального фронта демократической Германии. Печать СЕПГ начала чаще обращаться к освещению хозяйственно-политических проблем, жизни партийных организаций. Опыт центрального органа СЕПГ «Нойес Дойчланд», «Фольксштимме» (Магдебург), «Фрайхайт» (Галле), «Тюрингер фольк» (Веймар) в освещении вопросов германо-советской дружбы¹², хозяйственно-политических проблем в газетах «Фольксштимме» (Хемниц и Магдебург), «Мэркише Фольксштимме» (Бранденбург), «Фрайхайт» (Галле)¹³ отражал идеологический рост СЕПГ.

Но достигнутые успехи не удовлетворяли партию. Они лишь убеждали в возможности преодоления тех слабостей, которые еще продолжали существовать. Серьезное беспокойство СЕПГ вызы-

¹¹ Hermann Budzislowski. Sozialistische Journalistik. Eine wissenschaftliche Einführung. VEB, Bibliographisches Institut. Leipzig, 1966.

¹² Unsere Presse — die schärfste Waffe der Partei. Referate und Diskussionsreden auf der Pressekonferenz des Parteivortandes der SED vom 9.—10. Februar 1950 in Berlin. Dietz Verlag. Berlin, 1950, S. 15.

¹³ Ibid., S. 16.

вал недостаточно высокий теоретический уровень печати: декларативность и малое количество материалов, разъясняющих политику партии, увлечение фактической стороной дела при освещении политических кампаний, не всегда убедительная аргументация в дискуссиях по идеологическим, культурно-политическим вопросам, в освещении проблем развития хозяйства, союза рабочего класса с интеллигенцией и т. д., недостаточное внимание к работе массовых организаций, профсоюзов.

Среди главных причин отставания прессы от развития партии и задач, стоящих перед государством, на конференции были названы серьезные идеологические недостатки редакторов партийной прессы¹⁴: недооценка идеологической стороны дела, неумение дать политическую оценку факту, сбор, но не систематизация, не политическое осмысление фактов.

Не новые мотивы. Буржуазное газетоведение на протяжении многих десятилетий в разных вариантах убеждает: газета только информирует, удовлетворяет человеческое любопытство, а оно от исторических перемен не зависит. Многолетняя история, десятки имен, знаменитые немцы в этом списке. Это история. В оппортунистической печати немецкой социал-демократии в начале века она отозвалась поклонением «чистому» журнализму и объективизму.

А в практике демократической печати ГДР, на заре социалистического строительства, несомненно под влиянием груза буржуазных и реформистских традиций, нашел себе место «только журнализм». Редактор — прежде всего журналист. Его дело — информировать о фактах, профессионально описать то, что видит. Сегодня он видит разрушенные войной дома, завтра — девушки одеты по новой моде, послезавтра — рабочие прекратили работу. Вместо взаимосвязи фактов — калейдоскоп, в аполитичности, в отказе от политики — определенная политика, в бессистемности — система, дающая в конечном итоге искаженную картину действительности.

Подобные взгляды — следствие недооценки роли редактора в газете как партийного функционера, недооценки идеологической работы, теории в практической журналистской деятельности.

На первом же представительном собрании журналистов партия выступает с решительным требованием покончить с теорией «только журнализм», рассматривает ее как проявление влияния буржуазной идеологии.

В теоретическом плане СЕПГ была подготовлена к такой борьбе. Переходный период от капитализма к социализму связан не только с перестройкой системы хозяйствования, государственного управления, политических учреждений, но и с борьбой за сознание людей. Длительный и порою мучительный процесс освобождения от старых привычек и норм, формирование нового челове-

¹⁴ Unsere Press..., S. 24.

ка — огромное содержание в этих словах. Формирование социалистической идеологии в условиях существования капиталистической системы неизбежно носит характер борьбы с идеологией буржуазной. В. И. Ленин еще в 1920 г. в работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» предупреждал международное рабочее движение о том, что пролетариату любой страны придется решать трудную задачу борьбы с буржуазно-демократическим влиянием внутри рабочего движения, «ибо нельзя, не из чего, строить коммунизм иначе, как из человеческого материала, созданного капитализмом, ибо нельзя изгнать и уничтожить буржуазную интеллигенцию, надо победить, переделать, переварить, перевоспитать ее — как перевоспитать надо в длительной борьбе, на почве диктатуры пролетариата, и самих пролетариев, которые от своих собственных мелкобуржуазных предрассудков извлекаются не сразу, не чудом, не по велению божией матери, не по велению лозунга, резолюции, декрета, а лишь в долгой и трудной массовой борьбе с массовыми мелкобуржуазными влияниями»¹⁵.

Герман Аксен, заведующий отделом агитации при ЦК СЕПГ в докладе на первой партийной конференции печати специально остановился на характеристике «только журнализма», показав, что эта теория является тяжелым наследием буржуазных традиций: «Критерием для того, что интересно, является не сенсация, как утверждают буржуазные журналисты, критерием интересного и популярного является правда»¹⁶.

СЕПГ увидела в теории «только журнализм» главную опасность для практики демократической печати — сознательно или бессознательно исповедующие ее работники неизбежно должны были привести печать к изоляции от масс: слово партии, ее решения, касающиеся главных вопросов жизни государства, оставались бы недоступными широким массам трудящихся. Теория эта по существу сводила на нет ту роль, которая является определяющей для партийной печати — роль коллективного пропагандиста, коллективного агитатора и коллективного организатора.

В резолюции конференции записано: «В дополнение к недооценке роли прессы нашими партийными комитетами в среде наших партийных редакторов имеется недооценка их задач и обязанностей как партийных функционеров. У многих редакторов заметна идеология «только журналисты». Они не стремятся оставаться на высоте задач партии, недооценивают идеологическую работу, теряют чувство нового и потому отстают от общего развития партии. «Только журнализм» находит себе выражение, с одной стороны, в формальном и абстрактном освещении марксистско-ленинской теории, с другой стороны, в практицизме, особенно при освещении проблем хозяйственно-коммунальной и внутренней политики. Опасность «только журнализма» заключается в склонности некоторых редакторов к буржуазному сенсационному журна-

¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 101.

¹⁶ Unsere Presse — die schärfste Waffe der Partei..., S. 24.

лизму, в приверженности к пропаганде космополитизма, в незнании и пренебрежении к изучению решений партийного руководства, важнейших документов, законов и политики правительства, забот и нужд широких масс»¹⁷.

Критика «только журнализма», как видим, носила очень острый характер и не ограничилась разговором на конференции.

В октябре 1951 г. собрался VII пленум ЦК СЕПГ. Пленум посвящен проблемам идеологической работы: «Улучшение идеологической работы партии и подъем идеологического уровня всех членов и кандидатов — в настоящее время наши неотложные задачи... К идеологической работе относятся как вопросы партийной пропаганды, так и идеологическое содержание прессы и литературы...»¹⁸

Разъяснить трудящимся суть пятилетнего плана, обеспечить его выполнение, преодолеть неверные взгляды на развитие ГДР, дать отпор враждебным взглядам, покончить с сектантством в партии и наследием социал-демократизма, вести работу по дальнейшему развертыванию критики и самокритики, за укрепление демократических начал в деятельности государства — все эти задачи могли решиться при самом активном участии печати.

Партия потребовала довышения теоретического уровня пропагандистской работы печати. Центральному органу рекомендовалось публиковать пропагандистские статьи известных ученых, прежде всего по проблемам марксистско-ленинской науки, «Айнхайт» — направить главное внимание на пропаганду марксистско-ленинской теории и на теоретическое обоснование актуальных задач партии.

ЦК СЕПГ внимательно следит за повседневной практикой редакций, а повседневная работа приносит и новые успехи, и новые неудачи, а порою и серьезные ошибки.

9 июня 1953 г. был объявлен Новый курс СЕПГ, взятый на улучшение материального положения трудящихся и на выравнивание пропорций в развитии тяжелой и легкой промышленности.

17 июня западным империализмом был спровоцирован фашистский путч в Берлине, имеющий целью реставрацию капитализма в ГДР. Путч был ликвидирован в очень короткий срок.

24—26 июля собрался XV пленум ЦК СЕПГ. В центре внимания его участников — результаты введения Нового курса, анализ обстановки в стране после контрреволюционного путча¹⁹.

Зрелость, твердость рабочего класса ГДР, непоколебимость республики трудящихся ярко проявились в дни тяжелого испытания! Но вместе с тем, события 17 июня показали, что СЕПГ

¹⁷ Op. cit., S. 101.

¹⁸ Die wichtigsten ideologischen Aufgaben der Partei. Entschliessung des ZK vom 20. Oktober 1951 (7. Tagung). Dokumente der SED, Dietz Verlag Berlin, 1952, Bd. 111, S. 571.

¹⁹ Der neue Kurs und die Aufgaben der Partei. 15. Tagung des ZK der SED vom 24. bis 26. Juli 1953. Dietz Verlag Berlin, 1953.

должна извлечь серьезные уроки для дальнейшей деятельности, усилить идеологическую работу.

В Постановлении пленума «Новый курс и задачи партии» подчеркивалось, что идеологическая работа партии имела ряд недостатков. Она мало учитывала тот факт, что двенадцатилетнее господство фашизма оказало достаточно глубокое влияние на сознание людей. Партийная пропаганда была мало связана с практикой социалистического строительства, с нуждами и потребностями рабочего класса. Отвлеченный характер пропаганды способствовал некоторому отрыву партии от масс. В связи с этим на Пленуме специально шла речь о постановке и ведении центрального органа партии газеты «Нойес Дойчланд».

Влияние враждебной буржуазной идеологии, сказавшееся в некоторых руководящих органах партии и государства, коснулось и редакции центрального органа.

Острой критике на пленуме была подвергнута фракционная деятельность группы Хернштадта — Цайссера.

Переход к политике Нового курса вызвал яростное сопротивление как внешних, так и внутренних врагов демократического порядка. В то время, как путч 17 июня был проявлением этого сопротивления, стремления подчинить рабочий класс буржуазии в период перелома в хозяйственной политике, враждебная рабочему классу группировка действовала внутри партии.

Опираясь на слабые, неустойчивые элементы в партии, действуя с позиций правого социал-демократизма, члены антипартийной группы стремились представить события 17 июня как начало гражданской войны в ГДР, а полосы «Нойес Дойчланд» использовались ими для пропаганды враждебных партии взглядов. Газета опубликовала ряд статей, которые объективно поддерживали враждебные элементы, принявшие участие в забастовках. Когда Новый курс стал уже реальностью и от прессы СЕПГ требовалась широкая популяризация его мероприятий, «Нойес Дойчланд» продолжала писать о недостатках и трудностях, ликвидация которых была предусмотрена Новым курсом, уже осуществляемым.

Анализ деятельности центрального органа СЕПГ в тяжелый, напряженный период развития партии и государства еще раз убедительно показал, что печать не может существовать в отрыве от партии, без строгого, постоянного партийного руководства. Его ослабление неизбежно приводит к тому, что печать утрачивает способность правильной ориентации в потоке событий, определяющих направление развития государства.

XV пленум ЦК СЕПГ принял решение об освобождении Рудольфа Хернштадта от обязанностей ответственного редактора «Нойес Дойчланд».

Позиция центрального органа партии в период введения Нового курса и контрреволюционного путча свидетельствовала также и о том, что «только журнализм» не сдал до конца своих по-

зиций. Результатом и была подмена конкретно-исторического подхода к действительности буржуазным объективизмом.

Естественно, что СЕПГ и в последующее время с неослабным вниманием следит за деятельностью центрального органа. 22 сентября 1953 г. появляется Постановление Политбюро ЦК СЕПГ «Точка зрения Политбюро на статью в «Нойес Дойчланд» «О значении партийного актива» от 19 сентября 1953 года²⁰. «19 сентября «Нойес Дойчланд» опубликовала поверхностную, небрежно написанную, стоящую на низком политико-идеологическом уровне статью «О значении партийного актива», — говорится в Постановлении²¹. Статья по существу находилась в противоречии с решениями XVI пленума ЦК СЕПГ, который поставил задачу иметь большую, в 150—200 тысяч, армию партийных пропагандистов.

В Постановлении снова подчеркнута важность строгой партийности печати и осуждена порочная практика ведения партийного органа вразрез с решениями партийного руководства.

Анализируя деятельность различных отрядов печати, ЦК СЕПГ специальное внимание обращает на метод подхода редакций к освещению событий, происходящих в ГДР. В Постановлении секретариата ЦК «К улучшению работы производственных газет»²² редакции снова предостерегались от опасности ведения так называемой «чистой газеты» — информационного листка. На переднем плане работы производственных газет — объяснение содержания и значения хозяйственного планирования, организация производственных коллективов на выполнение пятилетнего плана. Рассчитанная на сравнительно небольшой круг читателей, производственная газета обладает широкими возможностями для удовлетворения интересов своей читательской аудитории.

Конкретность в постановке вопросов производства и близость к читателю — самые ценные качества такой газеты.

В решении секретариата ЦК прозвучало, что производственные газеты — важнейшее средство как для объяснения политики партии, так и для мобилизации коллективов предприятий на выполнение задач мирного строительства, важный рычаг для развертывания критики и самокритики, для воспитания бдительности по отношению к врагам антифашистско-демократического порядка.

Конструктивность оценок и требований партии воспринималась как отпор теоретикам и практикам «чистой газеты».

Критика партией «только журнализма» принесла свои плоды: уже на второй партийной конференции по вопросам печати Герман Аксен в докладе «Опыты и выводы при осуществле-

²⁰ Stellungnahme des Politbüros zum Leitartikel des "Neuen Deutschland" "Über die Bedeutung des Parteiaktives" vom 19. September 1953. Dokumente der SED, Bd. IV, S. 508—510.

²¹ Ibid., S. 508.

²² Zur Verbesserung der Arbeit der Betriebszeitungen. Beschluss des Sekretariats des ZK vom 13. Dezember 1951. Dokumente der SED, Bd. III, S. 669—674.

нии решения партийного правления «О развитии прессы СЕПГ в прессу нового типа»²³ отметил, что со времени первой партийной конференции печать СЕПГ шагнула далеко вперед. Это ярче всего проявилось в период подготовки к III съезду СЕПГ и всенародным выборам. В период этих кампаний многие редакции агрументированно, убедительно выступали, проводя в жизнь политику партии; работа печати СЕПГ несомненно способствовала успеху на выборах Национального фронта демократической Германии; значительно улучшилось освещение жизни Советского Союза и стран народной демократии; если еще на первой конференции печати пресса СЕПГ заслуживала упрека в недостаточной последовательности при проведении политики партии, то теперь об этом можно было говорить меньше.

Восприняв критику в адрес «только журнализма», осознав его вред, некоторые редакции начали впадать в другую крайность: на страницах газет появились многочисленные, но плохо читаемые пропагандистские материалы—тяжелый язык, абстрактность истин, неумение подкреплять их фактами местной жизни. Газеты говорили о политике партии, но так, что их голос был плохо слышен читателю.

7 февраля 1952 г. секретариат ЦК СЕПГ принимает решение «К улучшению работы редакций «Зэхсише цайтунг» и «Фольксштимме» Хемниц»²⁴. Обращение к анализу работы редакций окружных газет диктовалось все той же необходимостью влияния на самые широкие слои трудящихся, мобилизации их на строительство социализма. Интересно в этой связи отметить, что позднее при изучении практики партийной печати немецкие ученые определили окружные газеты как особый тип изданий, важное звено в системе партийной печати: «Окружная печать СЕПГ представляет такой тип ежедневных газет, которые появляются как органы СЕПГ в округе, там охватывают во всей широте все классы, слои и группы населения, и как единственные публицистические органы, благодаря информации и постановке проблем, создают ярко выраженное единство удовлетворения местных и национальных потребностей»²⁵. Со времени второй конференции прессы в местной партийной печати произошли заметные сдвиги. Плановость в работе, обращение к пропаганде марксизма-ленинизма, поддержка партийных кампаний—все эти черты внесли новую, живую струю в работу окружных редакций. Но опрос читателей (отдел агитации ЦК СЕПГ провел опрос 770 читателей

²³ Kühner vorwärts auf dem Wege zu einer Presse von neuem Typus. Referate und Diskussionsreden auf der Pressekonferenz des ZK der SED vom 7.—8. März 1951 in Berlin. Dietz Verlag Berlin, 1951.

²⁴ Zur Verbesserung der Arbeit des Redaktionen der "Sächsischen Zeitung" und der "Volksstimme" Chemnitz. Beschluss des Sekretariats des ZK der SED vom 7. Februar 1952. Dokumente der SED, Bd. IV, S. 549—563.

²⁵ Sander Drobela, Werner Kessel. Konzeption und Profil. Ein Beitrag zur wissenschaftlichen Führungstätigkeit in der Redaktion der sozialistischen Presse. VDJ, 1967, Schriftenreihe Herft 36, S. 21.

в областях распространения обеих газет), изучение работы редакции показали, что еще не все газеты находятся на уровне требований партии и потребностей социалистического строительства.

Констатирующая часть решения предостерегала местную печать от опасной тенденции, наметившейся в работе редакций — абстрактности, декларативности пропаганды, столь же опасных, как и узко практический подход, свойственный «только журнализму». Узкий практицизм, нанизывание фактов и фактиков неизбежно принижали сознание читателя, мешали ему видеть перспективу развития, осмыслить общий ход событий. Увлечение же лозунгами, революционной фразой, оторванность от повседневных нужд и интересов массы грозили свести задачу политического воспитания к политическому недоверию и индифферентности.

Уместно вспомнить, что в данном случае в распоряжении СЕПГ была не только марксистско-ленинская теория печати, но и знание, критически осмысленный опыт печати Коммунистической партии Германии. Известно, что на совещании редакторов коммунистических газет в Москве, в 1934 г. на VII Всемирном конгрессе Коминтерна агитация, печать КПГ были подвергнуты критике за усложненность, за оторванность от жизни, от массы читателей²⁶. Эта критика — урок не только для КПГ и не на один день. Абстрактность, декларативность пропаганды — отражение определенного уровня развития печати, тоже, своего рода, детская болезнь. Печать уже сформировалась, уже взяла на вооружение теорию марксизма, уже уловила характер основных требований, уже уяснила задачи сегодняшнего дня и перспективы развития, то есть, в теоретическом плане, уже готова вести работу в массе трудящихся.

Но «масса трудящихся» — понятие широкое, неоднородное: масса рабочих, масса крестьян, масса интеллигенции, или, если применить другие мерки, — масса женщин, масса молодежи и т. д. Партийная печать обязана глубоко знать эту массу, все многообразие ее интересов, уровней ее потребностей. Ведь только та пропаганда окажется действенной, та агитация — эффективной, которая сумеет соединить задачу теоретического, политического воспитания масс с задачей удовлетворения духовных интересов конкретного, определенного слоя читателей, которая сумеет сформулировать лозунг, задачу дня на основании повседневного опыта передового класса, то есть, если мыслить шире, сумеет соединить теорию с практикой в крепчайшем сплаве.

Именно такую задачу и ставила Социалистическая единая партия Германии перед печатью, критикуя центральный орган, ана-

²⁶ См.: Материалы Международного совещания редакторов коммунистических газет. — «Коммунистический Интернационал», 1934, № 15, стр. 39—53; Георгий Димитров. За единство рабочего класса, против фашизма. (Заключительное слово на VII Всемирном конгрессе Коммунистического Интернационала 13 августа 1935 года). — Избранные произведения, т. 1. София, 1967, стр. 686—720.

лизируя работу окружной печати, изучая опыт производственных газет.

Требование учета профессиональных интересов трудящихся прозвучало еще в решении первой партийной конференции «Мероприятия для проведения культурных задач в рамках двухлетнего плана»²⁷.

В постановлении «Об улучшении работы производственных газет» секретариат ЦК, определяя программу деятельности этого многочисленного отряда печати, специально останавливается на особенностях освещения не только производственной, но и культурной и спортивной жизни предприятий, привлекая внимание работников печати к необходимости думать о самых разнообразных слоях читателей.

Тема ориентации на массового широкого читателя разрабатывалась и в решении секретариата ЦК СЕПГ «К улучшению работы редакций «Зэхсише цайтунг» и «Фольксштимме» Хемниц». Говоря о том, что в области внутривластной обе газеты должны улучшить планомерную поддержку работы партии и профсоюзов в борьбе за выполнение хозяйственного плана, ЦК заострял внимание на том, что каждая газета в решении этих задач должна исходить из особенностей хозяйственно-политической структуры своей области распространения и своего читательского круга. Максимум внимания к письмам читателей, обязательная реакция на критические сигналы, проверка и анализ фактов, изложенных в письмах, доклады редактора отдела народных корреспондентов и писем о количестве, проблематике читательской почты, мерах, принятых по письмам читателей — все это должно стать нормой редакционной работы.

Для увеличения притягательной силы газеты и расширения круга ее читателей секретариат ЦК рекомендовал ввести специальные рубрики по проблемам науки и техники, давать еженедельный обзор международных событий, еженедельное приложение, посвященное вопросам культурной жизни.

В 1953 г., на сентябрьском, XVI, пленуме ЦК СЕПГ вплотную поставил перед печатью задачу борьбы за массовость, за читателя. Именно 1953 г. показал, что не всегда партийная печать может нащупать главное звено, не всегда чувствует вовремя изменения в настроении читателя, не всегда хорошо знает его нужды. На Пленуме в докладе «Об улучшении работы печати и радио» было сказано: «Центральная проблема при улучшении работы нашей прессы состоит в том, чтобы сделать наши газеты действительно массовыми газетами, которые бы охотно читались широкими трудящимися массами. Само собой понятно, что решение этой проблемы надо искать не в том, чтобы стереть или ослабить

²⁷ Massnahmen zur Durchführung der kulturellen Aufgaben im Rahmen des Zweijahrplanes. Entschliessung der I. Parteikonferenz in: Dokumente der SED, Bd. 11, S. 196—197.

партийный характер нашей прессы и приблизить газеты к типу «генеральнандайгеров», которые соответствуют уровню обывателя. Наоборот, надо повышать роль прессы как сильнейшего и острейшего оружия партии, развивать наши газеты в действительно руководящие органы партии»²⁸, сделать это в короткий срок за счет дифференцированного обращения к различным слоям читателей.

В связи с вопросом о массовой газете появляется и другой вопрос: тождественны ли понятия массовой и народной печати?

Если говорить о материальной основе печати в ГДР, то это — народная печать, ни об одном капиталистическом государстве нельзя сказать, что печать там принадлежит народу. Но при характеристике печати любой капиталистической развитой страны, мы даем понятие «массовой» буржуазной печати, и говоря о ней, подчеркиваем, что учет интересов разных читательских кругов — один из главных приемов, с помощью которых буржуазная пресса оказывает влияние на массу. Массовая буржуазная газета приносится к пестрому читателю «с улицы», не будет мучить его тяжеловесными материалами — что может быть лучше пикантной новости, вспомнит, что часть ее читателей — домохозяйки, издатель подумает даже о том, где будут читать газету — дома или по дороге на работу, и в зависимости от этого изменит формат на более удобный, выберет и удобный час для распространения газеты.

В результате дружных усилий журналистов, психологов, продавцов и т. д. получится массовая газета. Но получится ли народная газета при этом?

Как великие достоинства массовой социалистической печати называем мы: наши газеты принадлежат народу, наши газеты делаются для народа, для его информирования, для его образования, для его воспитания, для того, чтобы дать широкой массе читателей объективную картину мира. Документы СЕПГ по вопросам печати подчеркивают не однажды, что буржуазное государство стремится скрыть от своих граждан часть своей деятельности, печать дает как можно меньше пищи для размышлений, скрывает за пестрыми и разнообразными драматическими фактами смысл событий, истинную картину мира. Социалистическое, демократическое государство заинтересовано в широчайшей гласности своих действий, потому в партийных документах настоятельно звучит требование широкой популяризации законодательных актов правительства ГДР, партийных и правительственных решений, широкого знакомства читателя с политикой партии и правительства, основательного разъяснения всех важных шагов, связанных с укреплением ГДР.

Человек труда все чаще становится фигурой номер один на газетных полосах — это тоже то новое качество, которое приносит в печать социализм и которое делает печать подлинно народной.

²⁸ Über die Verbesserung der Arbeit der Presse und Rundfunks. 16. Tagung des ZK der SED 17. bis 19. September 1953. Dietz Verlag Berlin, 1953, S. 5.

И наконец, газеты обрастают широким кругом вне редакционных авторов — газета делается руками народа. И тут мы подошли к существеннейшей стороне марксистской партийной печати демократической Германии — движению народных корреспондентов.

Известно, как высоко ценил участие рабкоров в газете В. И. Ленин. Известно, какой живительной силой, питающей печать, стало рабселькоровское движение при Советской власти.

Массовое участие рабочих, крестьян, интеллигенции в печати ГДР могло стать тем пульсом, по которому партия получала представление об общественной активности этих слоев, их заинтересованности в социалистическом строительстве. Движение народных корреспондентов важно было не только для информированности печати, но и для воспитания социалистического сознания.

Пример был дан «Тэгглихе рундшау». Редакция предоставила газетные полосы для публикации писем читателей, вела организаторскую работу, привлекая к участию в газете немцев. Ориентируясь на «Тэгглихе рундшау», печать СЕПГ уже в первые послевоенные годы предприняла ряд шагов, направленных на организацию читательского актива. В начале октября 1948 г. магдебургская «Фольксштимме» провела первое совещание, на котором присутствовало около 300 народных корреспондентов. За ним последовали конференции народных корреспондентов в Галле и городах Саксонии-Ангальт²⁹.

Так что ко времени первой партийной конференции печати на местах существовал уже небольшой опыт.

На первой конференции печати развитию движения народных корреспондентов был посвящен специальный доклад³⁰. Ко времени проведения конференции движение народных корреспондентов выросло численно, увеличился приток писем в редакцию, редакционные коллективы накопили некоторый опыт руководства народными корреспондентами: В результате улучшилось не только содержание, но и оформление газет, укрепились связи партийной прессы с массами. Вокруг редакций создавалась широкая сеть народных корреспондентов. На конференции прозвучали такие цифры: «Нойес Дойчланд» — 1000 народных корреспондентов, «Мэркише фольксштимме» — 1500, «Фольксштимме» (Хемнитц) — 700, «Фрайхайт» — 1700, «Фольксштимме» (Магдебург) — 1500, «Тюрингер фольк» — 1200, «Зэхсише цайтунг» — 711, «Лаузитцер Рундшау» — 800, «Фрайе прессе» — 800³¹.

По решению партийной конференции прессы при редакциях центрального органа и земельных газет СЕПГ учреждался отдел народных корреспондентов и читательских писем. Отдел должен

²⁹ Günter Raue. Im Dienste der Wahrheit..., S. 123.

³⁰ Die Verbesserung der Arbeit mit den Volkskorrespondenten. Referat des Genossen Robert Korb. In: Unsere Presse — die schärfste Waffe der Partei..., S. 45—55.

³¹ Ibid. S. 45.

был находиться в прямом подчинении ответственного редактора газеты.

Отдавая должное успехам, решение конференции вместе с тем отметило, что редакции мало заботятся о том, чтобы среди народных корреспондентов было больше рабочих и крестьян, мало привлекают женщин и молодежь. Необходимо распространить движение на все сферы производственной и общественной жизни.

Специально в докладе стоял вопрос о защите народных корреспондентов. Бывали случаи, когда местное начальство пыталось преследовать их или контролировать сообщения в газету. Поэтому в резолюции конференции записано, что защита народных корреспондентов от преследований является делом и долгом той редакции, для которой работает корреспондент.

На первых порах далеко не все было ясно в работе с народными корреспондентами. Споры возникали даже о том, какое письмо считать сообщением народного корреспондента: решено рассматривать отдельно выступления партийных функционеров, не считать сообщениями народных корреспондентов письма, написанные по незначительному поводу.

Движение народных корреспондентов — в центре внимания и второй партийной конференции печати. Оказалось, что часть редакций однозначно поняла задачу развития движения. И вместо того, чтобы упрочить связи с читателями, тщательно анализировать редакционную почту, увлеклась статистикой: зарегистрированных корреспондентов оказалось много, а на деле вне редакционных помощников редакции, количество публикаций на газетных полосах — много меньше. Выяснилось, что народные корреспонденты не всегда чувствуют поддержку редакции, для которой работают.

Отсутствие нужной системы в работе привело к тому, что редакции не всегда доводили до конца начатое дело, критические сигналы народных корреспондентов оставались без ответа, редко проводились собрания, на которых работники газеты информировали своих авторов о мерах, принятых по их письмам и задачам, стоящих перед газетой в тот или иной момент.

В докладе на конференции была подвергнута критике и практика регламентации работы народных корреспондентов. Некоторые редакции в качестве метода руководства предложили планировать выступления народных корреспондентов. Жесткие рамки, поставленные редакцией, ограничивали возможности пишущего. Не всякому корреспонденту план был по силам, стимулы для работы ослабевали.

Движение народных корреспондентов — дело добровольное. Забота редакций — поощрять, содействовать, защищать народных корреспондентов, но не ограничивать их инициативу, не связывать ее — такова линия, предложенная конференцией.

Вторая конференция печати проанализировала опыт, который сложился в работе с народными корреспондентами, наметила пути

дальнейшего развития движения. Беспокойство руководящих органов партии вызывал социальный состав народных корреспондентов: например, газета «Фольксштимме» (Магдебург) имела 1806 корреспондентов, из них 550 рабочих, только 18 крестьян, но 682 служащих, газета «Зэхсише цайтунг» имела 756 корреспондентов, из них 226 рабочих, 19 крестьян, 147 представителей интеллигенции, 295 остальных служащих³².

Конференция рекомендовала редакциям: усилить внимание к письмам читателей, привлекать систематически новых корреспондентов, особенно из среды рабочих и крестьян. Интересен опыт газеты «Фрайе прессе» Цвикау. Еще в конце 1949 г. для газеты работало 350 народных корреспондентов, из них только 35 рабочих и 6 шахтеров. А уже через год редакция насчитывала 1032 народных корреспондента, из них 202 рабочих и 65 шахтеров³³.

Такие резкие сдвиги стали возможны в результате систематической работы редакций с авторским активом. Редактор одного из районных изданий организовал учебный семинар для народных корреспондентов. Предметом изучения на семинаре были проблемы выполнения народнохозяйственного плана. Опыт проведения подобных семинаров мог быть использован и другими редакциями.

Выступающие на второй конференции прессы говорили о необходимости образования народных корреспондентов, о том, что их работа не должна дублировать работу информационного агентства: ведь народные корреспонденты призваны не просто информировать газету, но информировать ее о недостатках, сообщать о реакции общественного мнения на мероприятия партии и правительства. Выступавшие обращались к опыту образования, помощи народным корреспондентам, который был накоплен редакциями. Например, редакция «Фрайхайт» (Галле) для своих 1700 народных корреспондентов провела краткосрочные курсы при редакциях с отрывом от производства. В окружной редакции была организована широкая дискуссия о развитии движения народных корреспондентов, большое число дискуссионных выступлений газета опубликовала.

И семинары, и краткосрочные курсы, и собрания народных корреспондентов, — новые и интересные формы, которые родились в практике редакционной работы. Но содержание, наполненность этих форм еще нуждались в совершенствовании. На первых порах при проведении семинаров редакции увлекались проблемами международной политики. В понимании этих проблем народные корреспонденты нуждались, конечно тоже, но в значительно большей степени необходимо было дать им разъяснения политики СЕПГ, правительства ГДР, дать им знание проблематики внутренней жизни ГДР, перспектив ее развития. Курсы не всегда обеспечивались кадрами высококвалифицированных специалистов.

³² Kühner vorwärts auf dem Wege..., S. 49.

³³ Ibid., S. 50.

Интересно организовали работу с народными корреспондентами сотрудники местной редакции города Гота. Ни одно из сообщений народных корреспондентов не оставалось без внимания редакции. Подавляющее количество материалов находило себе место на газетных полосах, а те, которые не могли быть опубликованы, служили либо материалом для выступлений профессиональных газетчиков либо для информации партийных и государственных органов.

Эффективной формой общения с читателем стали собрания. Один из читателей, выступавших на второй конференции прессы, рассказал об опыте проведения таких собраний. Местная редакция напечатала около 12 тыс. листовок с призывом прийти на собрание и получила аудиторию в ... 10 человек. Тогда редакция взялась за дело с другого конца — вплотную занялась вопросом, давно волновавшим всего одну деревню в области распространения газеты: не было транспорта, связывающего деревню с более крупным населенным пунктом.

Обсуждение этого вопроса на читательском собрании привело на него всю деревню, от мала до велика. И конечно, на таком собрании был обсужден не только частный вопрос, поставленный в повестку дня, но многие проблемы политики ГДР. Интересней всего, что об этом успехе рассказали сотрудники газеты, в области распространения которой 80% населения — католики, а среди читателей газеты — 75% членов христианско-демократического союза ³⁴.

Движение народных корреспондентов, укрепление связей редакции с читательской аудиторией — в поле зрения партии и тогда, когда принимаются решения об улучшении производственных и окружных газет. В решении «К улучшению работы производственных газет» записано, что редакционный коллектив обязан создать вокруг себя широкий круг корреспондентов и заботиться о том, чтобы не менее 60% сообщений в газету было написано членами того производственного коллектива, в котором выходит газета.

Для улучшения деятельности редакций местных газет секретариат ЦК СЕПГ предлагал усилить ведущие отделы редакций журналистскими кадрами, создать в каждом отделе авторский актив как из народных корреспондентов, так и из специалистов в различных отраслях знаний, которые могли бы помочь редакциям в освещении специальных вопросов.

XVI пленум ЦК СЕПГ отметил, что за период, прошедший после XV пленума в работе партийной прессы наметился общий подъем в движении народных корреспондентов.

Увеличилось количество читательских писем в редакции и сообщений народных корреспондентов на страницах газет. Но общий этот подъем еще не захватил все газеты. Это чувствовалось по работе центрального органа СЕПГ «Нойес Дойчланд», некоторые номера газеты появлялись вовсе без сообщений народных коррес-

³⁴ Kühner vorwärts auf dem Wege., S. 85—87.

пондентов, хотя «Нойес Дойчланд» была самой крупной из всех партийных газет.

Движение народных корреспондентов в условиях ГДР, и особенно в первые годы ее существования, представляло не только источник богатой информации редакций, не только форму связи партии и печати с массами, но и основной резерв кадров партийной прессы.

В свете этого понятна постоянная озабоченность партии социальным составом народных корреспондентов.

Что же касается политики СЕПГ в области кадров печати, то это одна из главных сторон партийного руководства прессой.

Прекрасные идеи, четкую программу действий, видимые перспективы должны были осуществлять те люди, которые еще не окончательно оправились от двенадцатилетнего господства фашизма. От этих людей в печати зависело, несомненно, многое. И если в теории была создана ясность, а на практике процветал «только журнализм», в потенции это таило в себе противоречие между социалистической и буржуазной идеологией. Вот почему партийные документы по вопросам печати отражают то постоянное беспокойство, которое испытывает СЕПГ по поводу кадрового состава партийной прессы. Вспомним, что Коммунистическая партия Германии в период гитлеровского господства потеряла 10 тысяч своих членов, 150 тысяч, половина коммунистов, подверглась разного вида репрессиям.

Вспомним все это и представим, что кадров, особенно в сфере идеологической работы, не хватало всюду — практически не было в первые годы учителей, а старое учительство, за немногим исключением, не могло быть допущено к преподаванию, заново создавался государственный аппарат (с крупнейших предприятий страны для работы в нем были взяты 160 тыс. наиболее сознательных и активных рабочих — эти цифры приводились на XV 1953 г. пленуме ЦК СЕПГ); многие талантливые публицисты погибли в период 1933—1945 гг., массовое революционное движение в Германии в этот период отсутствовало, до 1933 г. рабочее движение не имело массовой печати нового типа. Пресса СДПГ носила реформистский характер, а печать КППГ, хотя и находилась на пути развития в массовую печать, но достигнуть этой цели не успела.

Задачи, поставленные конференцией в области кадров: привлечь к работе в редакциях новые силы, ориентироваться, в первую очередь, на рабочих и крестьянских корреспондентов, привлекать для сотрудничества в печати партийных функционеров, женщин и молодежь; на руководящие посты в редакциях назначать известных, проверенных партией людей, закаленных марксистов-ленинцев. Партийным комитетам, редакциям, Союзу немецкой прессы предлагалось заняться повышением образования кадров для партийной печати.

Резолюция Правления СЕПГ «О развитии прессы СЕПГ в прессу нового типа», принятая на основании материалов первой

партийной конференции по вопросам печати в 1950 г., внесла серьезные изменения в организацию работы редакций. Выступавшие докладчики и участники дискуссии пришли к единодушному мнению, что партийная пресса может развиваться в прессу нового типа при условии строгой плановости в работе, перспективное и текущее планирование необходимо каждой редакции.

Была перестроена структура редакционного аппарата земельных газет. Отныне редакции возглавлялись редакционной коллегией. В ее состав включались: ответственный редактор, заместитель редактора, заведующие отделами партийной жизни и пропаганды, а также руководитель издательства.

В каждой редакции учреждались отделы: партийной жизни, пропаганды, хозяйства, культурной политики, народных корреспондентов и читательских писем, кадров.

В состав редакционного секретариата входили: заместитель редактора (ответственный секретарь), два редактора, один из них — заместитель ответственного секретаря, второй — редактор по верстке, а также сотрудник для проверки правильности дат, имен, цитат и т. д.

Специально вопросам повышения квалификации кадров низовой печати посвящено решение секретариата ЦК СЕПГ от 12 октября 1955 г. «Развитие редакторов производственных, деревенских газет, производственного радио в квалифицированных журналистов»³⁵.

Ко времени принятия решения сеть производственных и деревенских газет значительно расширилась. В 1953 г. на XVI пленуме ЦК СЕПГ речь шла о 240 газетах, а в 1955 г. их стало 397 с тиражом 754 150 экземпляров, кроме того, 887 предприятий оборудовано радиоустановками. 549 деревенских газет выходили тиражом в 559 800 экземпляров. Оказывалось, что редакторы производственных и деревенских газет — самый многочисленный отряд журналистов. Естественно, что содержание производственной газеты в большой степени определялось уровнем квалификации редактора газеты. Большинство же работников производственных газет имели небольшой опыт журналистской работы, малые знания, в редакциях газет наблюдалась большая текучесть кадров.

Секретариат ЦК СЕПГ установил принципы назначения на должность редактора производственной или деревенской газеты, производственного радио: на нее могли быть назначены производственные или деревенские корреспонденты, которые положительно проявили себя на работе и владеют журналистскими и политическими навыками для нее; функционеры партии или массовых организаций, редакторы прессы и радио, знающие производство, выпускники факультета журналистики Лейпцигского университета. Редактором деревенской газеты мог быть назначен сотрудник (как правило, заместитель начальника) политотдела МТС.

³⁵ Entwicklung der Betriebszeitungs- Dorfzeitungs- und Betriebsfunkredakteure zu qualifizierten Journalisten.— Dokumente der SED, Bd. V, S: 437—442.

Для того чтобы обеспечить производственные и деревенские газеты надежным руководством, секретариат ЦК СЕПГ наметил ряд мер, связанных с повышением квалификации редакторов. Одна из форм обучения — курсы, организованные Союзом немецкой прессы.

Для редакторов, имеющих опыт и квалификацию, планировалось создание курсов при факультете журналистики Лейпцигского университета, после их окончания — двухнедельная стажировка в редакциях ежедневных газет и радио.

Для тех редакторов, которые наиболее остро нуждались в обучении, секретариат ЦК рекомендовал организовать краткосрочные курсы при редакциях ежедневных газет и радио.

Решением секретариата ЦК СЕПГ от 12 октября 1955 г. завершается список документов о печати руководящих органов партии в период 1949—1955 гг.

Анализируя эти документы, приходишь к выводу о чрезвычайной важности партийного руководства печатью в период ее становления в демократическом государстве. Проблематика документов далеко не исчерпывается вышесказанным. Представляется необходимым остановиться еще на нескольких важных сторонах руководства СЕПГ прессой: постановка пропагандистских задач, определение программы деятельности всех отрядов печати, отношение СЕПГ к самой проблеме партийного руководства печатью.

Давая конкретную программу действий, СЕПГ на каждом конкретном этапе развития решала не одну задачу: с одной стороны, это была помощь печати в налаживании, ведении главных линий, директивы партии прессе — необходимая обязательная часть партийного руководства печатью. С другой стороны — четкое прямое противопоставление партийной программы всем враждебным и ошибочным взглядам, которые еще бытовали среди журналистов, своего рода эталон, с которым каждая редакция должна была сверять свой курс.

Программа для работы печати на партийных конференциях прессы облекалась в форму докладов о задачах прессы на современном этапе. На первой конференции печати с таким докладом «Ближайшие задачи партии и партийная пресса» выступил Вильгельм Пик³⁶, на второй — «Политическое положение и задачи партийной прессы»³⁷ — Вальтер Ульбрихт. Сами эти имена говорят об огромном значении, которое партия всякий раз придавала вступительному докладу на конференциях печати.

Выступая на первой партийной конференции печати, Вильгельм Пик поставил на первый план задачу пропаганды в поддержку Национального фронта демократической Германии, борьбы за мир и единство Германии на демократической основе, пропаганду друж-

³⁶ Die nächsten Aufgaben der Partei und Parteipresse. Referat des Genossen Wilhelm Pieck.— In: Unsere Presse — die schärfste Waffe der Partei..., S. 3—14.

³⁷ Die politische Lage und die Aufgaben der Parteipresse. Referat des Genossen Walter Ulbricht.— In: Kühner vorwärts..., S. 3—27.

бы с СССР и странами народной демократии. В области внутренней политики печати СЕПГ предстояло начать овладение основами экономической пропаганды, разъяснять трудящимся роль и задачи народнохозяйственных планов. Другая важная задача — борьба за укрепление демократического порядка, воспитание сознания масс в борьбе с враждебными и ошибочными, отсталыми взглядами.

Неослабое, обостренное внимание к проблемам международной политики, отношениям между германскими государствами было порождено сложным политическим положением страны в послевоенное время. ГДР — форпост социализма на Западе, страна, открытая всем ветрам враждебных влияний, Германия — вчерашний страшный, а сегодня повергнутый противник Европы, немецкий народ, строящий впервые в истории Германии социалистическое государство и впервые проводящий миролюбивую внешнюю политику — печать должна была найти ответ на каждый из вопросов.

Вальтер Ульбрихт на второй конференции печати среди главных задач печати называет борьбу против ремилитаризации Германии, популяризацию политики мира, разоблачение противоречий и слабостей империализма, борьбу за подписание мирного договора, пропаганду опыта СССР и братских стран, борьбу за укрепление антифашистско-демократического порядка в ГДР.

Между двумя партийными конференциями печати прошел год с небольшим. Немного изменилось в направлении главных пропагандистских ударов за это время. Но заметно изменился уровень требований партии к печати: он был значительно повышен в сторону мобилизации, организации, более активной роли печати в выполнении партийных задач.

Мобилизация трудящихся на выполнение первого пятилетнего плана — генеральная линия печати в области внутренней политики, она разветвляется по нескольким главным направлениям: борьба за повышение производительности труда, распространение опыта передовиков, развертывание инициативы и энергии народных масс. И здесь активность, наступательность в самой постановке задач отражает тот новый шаг, к которому партию вплотную подводит печать — стать не только коллективным пропагандистом и агитатором, но и коллективным организатором. Это положение подтверждается и другими материалами конференции. В докладе Германа Аксена «Опыты и выводы при осуществлении решения партийного правления «О развитии прессы СЕПГ в прессу нового типа» среди критических замечаний в адрес печати весьма отчетливо прозвучало, что газеты пока слабо выступают в качестве организаторов выполнения народнохозяйственных задач. Газеты партии, освещая любой из вопросов, должны нести в массы социалистическое сознание.

Выступление Германа Аксена на второй партийной конференции печати заканчивалось выдержкой из решений III съезда СЕПГ:

«Партийная пресса, несмотря на отдельные успехи, не всегда еще понимает, как стать действительно массовой ленинской прессой. Она еще не понимает, как каждым отдельным номером воспитывать массы для борьбы, убеждать их в справедливости политики партии. Партийный съезд настойчиво подчеркивает, что превращение нашей прессы в массовые газеты на базе принципиальной политики марксизма-ленинизма является неотложной задачей в развитии нашей прессы в прессу нового типа»³⁸.

Той же цели — превращению партийной печати из органа информации, осведомления в действенное оружие партии, отвечающее требованиям ленинской формулы о функциях печати, было подчинено и решение секретариата ЦК СЕПГ об улучшении производственных и окружных газет СЕПГ. Как было уже сказано, секретариат ЦК в своих решениях очертил основную проблематику и для того, и для другого отряда печати, специально акцентируя внимание на необходимости сочетания пропагандистских положений с местным материалом, собственной аргументацией и т. д.

Можно было бы настороженно отнестись к самому характеру программы печати, продиктованной партией — указания очень подробны, порою скрупулезны — не слишком ли приближено партийное руководство к газете, не подменяет ли оно редакционную коллегию, не ставит ли ее в жесткие рамки «от и до», не сковывает ли инициативу сотрудников? Но если обратимся к историческим аналогиям, увидим, что со времен «Новой Рейнской газеты» Карла Маркса и Фридриха Энгельса, со времен «Социал-демократа» — периода действия исключительного закона против социалистов, со времен ленинской «Искры» марксистский орган имеет четкую программу, основанную на программе марксистской партии.

Обратимся к опыту первых лет Советской власти и увидим, с какой тщательностью партия большевиков продумывает принципы ведения партийных газет: «Секретариат ЦК РКП, обращая внимание местных парткомов на необходимость решительных мероприятий для поднятия партийных изданий на должную высоту, считает целесообразным положить в основу постановки губернских и уездных газет следующую общую краткую программу, соответствующую задачам настоящего момента»³⁹.

Основательность, определенность, четкая очерченность круга проблем партийного издания, его направленности — обязательное условие партийного руководства печатью в период ее становления.

Специально нужно еще раз подчеркнуть, что эта программа, задачи печати не оставались неизменными, и на каждом новом этапе развития ЦК СЕПГ считал нужным информировать работников печати о новых проблемах, решение которых предстоит партии

³⁸ Beschlüsse und Dokumente des 111. Parteitages der SED. Dietz Verlag Berlin, 1950, S. 65.

³⁹ О программе местной газеты (Циркуляр ЦК РКП(б) губкомам и укомам РКП(б) от 4 апреля 1921 г.). — В сб.: О партийной и советской печати. М., 1954, стр. 233.

и государству. Такая информация стала традиционной в печати ГДР. Руководящие органы партии используют для этой цели конференции печати. Вслед за второй была проведена третья (1959), а за ней — четвертая конференция печати (1964), в последние годы заметно участились выступления перед работниками партийной печати секретарей ЦК СЕПГ.

Говоря о различных сторонах деятельности партии по осуществлению руководства печатью, необходимо подчеркнуть еще одну, важнейшую, присущую только марксистским партиям, сторону: СЕПГ самокритична. Сто лет назад о необходимости и бесстрашии критиковать собственные ошибки заявила «Новая Рейнская газета».

На первой партийной конференции печати СЕПГ одной из главных причин отставания прессы назвала недооценку местными партийными организациями печати, как острейшего оружия партии. Многие партийные организации ко времени завершения антифашистско-демократических преобразований еще не до конца осознали, что пресса — тот ежедневный рупор, с помощью которого партия общается с массами, осуществляет прочную связь между руководством партии и ее членами, с одной стороны, между партией и массами, с другой.

Решение конференции специально содержало пункт о необходимости системы в руководстве партийной печатью, системы, которая находила бы выражение в тесных контактах партийных комитетов с редакциями, и в строгом контроле партии за работой печати, и в заботе о кадрах партийной прессы.

В форме критики отдела агитации при ЦК СЕПГ эта тема звучала и на второй конференции прессы; отдел не в полной мере использовал все методы руководства и контроля, имеющиеся на вооружении партии. Необходимо организовать постоянные семинары для работников редакций, тесные связи с местными редакциями, разъяснение журналистам основных партийных документов. Конференции ответственных редакторов, проводимые отделом, должны в большей степени быть направлены на критическую оценку работы печати, а также на рекомендации для развития движения народных корреспондентов. Критические замечания были высказаны также в адрес некоторых местных партийных комитетов, которые непродуманно подходили к развитию движения народных корреспондентов. Были случаи, когда партийная организация на свое усмотрение выбирала нового народного корреспондента, так что старый переставал сотрудничать в газете. В результате вместо поддержки движения партийные организации сами создавали ненужные препятствия на его пути.

Требование усиленного партийного руководства печатью прозвучало и в решении секретариата ЦК СЕПГ «К улучшению работы производственных газет». Специальный раздел намечал конкретную программу действий партийных комитетов по руководству производственными газетами: контроль за выполнением планов

редакционной работы, критический обзор каждого вышедшего номера газеты в присутствии редактора, а в важных случаях — членов редакционного коллектива, помощь редакционному коллективу в разработке основных газетных линий, забота о распространении газеты, о популяризации ее с помощью заводского радио.

Постоянную помощь редакциям производственных газет должны были оказывать и партийные комитеты районов и земель через инструкторов отделов агитации и пропаганды: проводить ежемесячные совещания с редакторами производственных газет по отраслям индустрии, способствовать обмену опытом между редакциями, заботиться о правильном подборе партийных кадров, организовывать обзоры производственной печати в земельных газетах.

Отделу агитации при СЕПГ поручалось непосредственное руководство производственными газетами пятнадцати крупнейших промышленных предприятий республики.

О необходимости строгого, систематического контроля за ведением партийной печати шла речь и в других документах СЕПГ, в совокупности представляющих тот прочный теоретический фундамент, на котором партийная пресса развивалась и в следующий период — период развернутого социалистического строительства.

В. В. КЕЛЬНИК

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ ПНР. К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ И ПРОБЛЕМАТИКЕ

В 1970 г. Центр исследований печати в Кракове¹ выпустил сборник «Ленин о печати». Его составитель Ирена Тетелёвская подошла к ленинским источникам бережно и целеустремленно. В своей вступительной статье она прежде всего отмечает современную актуальность, *«познавательную и стратегическую (практическую) ценность»* наследия В. И. Ленина по проблемам журналистики для стран, строящих социализм; подчеркивает, что раздумья над словом вождя позволят польскому читателю лучше понять, в какой степени *«реализованы в практике нашей собственной страны и проникли в существо основопорядка»*² главные элементы марксистско-ленинской науки о печати.

Профессиональная аудитория по достоинству оценила замысел краковского сборника. Это чувствуется по откликам на книгу. Так, с обстоятельной статьей «Размышления о реализации ленинской концепции печати» выступил сотрудник Варшавского университета д-р Бронислав Голембёвский. Он особо останавливается на вопросе «качественной реализации ленинской концепции печати в ходе формирования социалистической культуры в народной Польше». В этой связи Бр. Голембёвский замечает: «Мы даем себе отчет, насколько в разной степени в разные периоды минувшей четверти века реализовались такие черты (т. е. черты журналистики нового типа.— В. К.) нашей прессы, радио и телевидения»³. И далее автор статьи закономерно приходит к проблеме, с которой начинается любая отрасль истории,— к проблеме периодизации. Чтобы обоснованно соотнести ленинские положения с практикой польской печати, необходимо прежде определить этапы (периоды), пройденные молодой социалистической журналистикой.

Вынести точный, исчерпывающий суд истории над временем, которое вчера ушло в прошлое,— большая трудность для исследователя. Поэтому, говоря, например, о том, как на протяжении

¹ Научно-исследовательский институт при крупнейшем в республике газетно-журнальном издательском кооперативе «Праса-Ксёнжка-Рух».

² I. Tetelowska. Trwałosc leninowskich koncepcji prasy nowego typu.— Wstep do zb. «Lenin o prasie». W. — Kr., 1970, s. 11.

³ Br. Golebiowski. Rozwazania o realizacji leninowskiej koncepcji prasy (Na marginesie wydawnictwa «Lenin o prasie»).— «Zeszyty Prasoznawcze», 1970, nr 3, s. 11.

минувших 25 лет существования ПНР (1944—1969 гг.) журналистика выполняла свои обязанности перед обществом, Бр. Голембёвский не без оснований заключает: «полный, документированный ответ на подобный вопрос сегодня почти невозможен»⁴.

Тем не менее жизнь торопит историков. Первое двадцатипятилетие ПНР и других республик народной демократии полно исключительно важных свершений. «В тысячелетней истории нашего народа,— говорил Первый секретарь ЦК ПОРП Эдвард Герек,— последняя четверть века была периодом особенно глубоких и всесторонних перемен. В результате их изменился и продолжает меняться далее облик всех классов и слоев трудящихся, формируется новая социалистическая польская нация»⁵. Наряду с историческим опытом Советского Союза, пример других стран социалистического содружества вызывает живой, практический интерес у каждого государства, встающего на путь демократических преобразований.

Польские журналисты — теоретики и практики сознают необходимость интенсивных исследований по истории печати ПНР⁶. Начало достаточно систематического обращения к этим вопросам приходится на 60-е годы, чему во многом способствовало укрепление соответствующих научных центров. В 1967 г. Варшавский университет опубликовал краткий очерк «Современная польская печать», написанный д-ром Тадеушем Куписом. Ему принадлежит и большое исследование «Профессия журналиста в народной Польше» (1966), в котором также затрагиваются некоторые проблемы исторического плана. Свой вклад в решение ряда тем из новейшей истории национальной журналистики вносят Центр исследований печати в Кракове (основан в 1956 г.) и Сектор истории польской журналистики XIX и XX веков (организован в 1958 г.) при институте литературных исследований Польской академии наук.

Одной из ранних попыток назвать этапы исторического развития журналистики народной Польши была статья Игнацы Прухницкого «Проба периодизации польской печати». Она напечатана еще в 1957 г. на страницах журнала «Бюлетын прасознавчы» — тогдашнего органа Центра исследований печати в Кракове. Харак-

⁴ Там же.

⁵ "Trybuna Ludu", 1971, 7 marca.

⁶ Примечательно следующее сообщение журнала «Праса Польска»: «История народной Польши вызывает интерес значительного круга исследователей, время от времени на эту тему появляются содержательные публикации. Однако история журналистики занимает среди них скромное место... Ограниченное число историков, занятых журналистикой народной Польши, не в состоянии, несмотря на существенные и качественные труды, разработать за несколько лет историю динамического развития печати в послевоенной Польше.

С целью объединения исследований над новейшей историей печати и по вопросам журналистской профессии при студии журналистики (теперь: при Институте журналистики Варшавского университета.— В. К.) создана научно-исследовательская группа по проблемам истории журналистики народной Польши» ("Prasa Polska", 1970 nr 9, s. 36).

теристика периодов здесь настолько лаконична, что может быть приведена полностью: «1944 год и образование Польской Народной Республики открывают новую, совершенно особую эпоху в 300-летней истории нашей печати, которая организуется и действует сейчас в условиях государственности, устремленной к социализму.

Подпериоды этой эпохи, современниками которой мы являемся, определяют также даты польской печати: от провозглашения Июльского Манифеста⁷ до объединения рабочих партий⁸ в конце 1948 года; от 1949 года до октябрьского пленума ЦК ПОРП в 1956 году и с 1957 года»⁹.

И. Прухницкий обоснованно нанес хронологические цезуры. Другие польские исследователи идут в том же направлении, уточняя границы и развертывая историческую картину далее во времени.

В 1964 г. журнал «Зешыты прасознавче», отмечая 20-летие ПНР, опубликовал статью заведующего Сектором истории польской журналистики ПАН профессора Юзефа Скшыпека «Этапы развития печати в народной Польше». Автор, впервые в специальной литературе, представил достаточно подробное описание следующих этапов (периодов):

Первый — от июля 1944 г. до конца мая 1945 г. (т. е. от Июльского Манифеста ПКНО и до окончания войны в Европе).

Второй — с середины 1945 г. до конца 1948 г. (декабрь 1948 г. — возникновение ПОРП, ликвидация политического раскола польского рабочего класса).

Третий — с конца 1948 г. до октября 1956 г. (т. е. до октябрьского, VIII пленума ЦК ПОРП).

Четвертый — с 1956 г. в развитии польской печати можно видеть новый этап, очень динамичный, более всесторонний, особенно если говорить о непосредственном контакте с потребителями»¹⁰.

В том же 1964 г. вышла книга публициста и теоретика журналистики д-ра Михала Шульчевского «Печать и общество. О роли и функциях печати в социалистическом государстве». В первой главе, рассматривая «послевоенную линию развития» печати, автор называет начала трех следующих периодов: первый — 23 июля

⁷ Манифест Польского комитета национального освобождения (ПКНО) от 22 июля 1944 г. положил начало строительству независимого демократического Польского государства.

⁸ ППР (Польская рабочая партия) и ППС (Польская социалистическая партия).

⁹ «Biuletyn Prasoznawczy». Кр., 1957, пр. 2, s. 40—41.

¹⁰ Пор. «Zeszyty Prasoznawcze», 1964, пр. 3, s. 21—23.

Как можно заметить, И. Прухницкий и Ю. Скшыпек для обозначения одних и тех же хронологических отрезков прибегают к разным понятиям: «период» или «этап». Подобное мы встречаем также в работах других историков. Поэтому в настоящей статье, при обращении к польским источникам, понятия «период» и «этап» употребляются как равнозначные. Деления внутри отдельных периодов (этапов) соответственно обозначаются: «подпериод» или «подэтап».

1944 г. (выход первого номера органа ПКНО — газеты «Жечь Посполита»); второй — 16 декабря 1948 г. (выход первого номера органа ЦК ПОРП — газеты «Трыбуна людую»); третий — «Начало третьего периода, пожалуй, не удастся определить точно. Можно предполагать, что будущий историк печати поместит его примерно на переломе 1955—1956 годов»¹¹.

Эти данные позволяют сделать некоторые выводы. В своих исторических изысканиях польские коллеги следуют критериям марксистско-ленинской науки о печати. Они создают политическую историю журналистики. Такое понятие, как терминологическое, часто используется Т. Куписом. Например: «...три основные периода политической истории польской послевоенной печати»¹². М. Шульчевский пробует раскрыть смысл подобного определения. Указав, что периодизация журналистики ПНР «в общем совпадает также с разделами политической истории» (т. е. истории собственно ПНР), он разъясняет: «Становление нового типа польской журналистики сопутствовало общественным переменам и процессам, таким, как земельная реформа, национализация промышленности, индустриализация, урбанизация, массовые миграционные потоки населения, изменения в классовой структуре и сознании масс, политические перемены. Это становление было не только элементом многих из названных процессов, но также и их отражением»¹³. Иначе говоря, историческую хронологию печати предопределили большие идейно-политические, социально-экономические и культурные свершения в жизни ПНР.

Очевидно также, что предложенная периодизация в научном отношении имеет достаточно устойчивый, окончательный (по крайней мере, для первых периодов) характер. Известную «размытость» отдельных датирований (например: 1948 г. или «на рубеже 1948—1949 годов»? 1956 г. или «на переломе 1955—1956 годов»?) не надо считать проявлением исторической «приблизительности» и авторского «субъективизма». Она вызвана другим: стремлением как можно точнее распознать и учесть то, что Карл Маркс называл в свое время «внутренними законами» печати. В историческом развитии журналистики бывает сложно установить жесткие «от» и

¹¹ M. Szulczewski. Prasa i społeczeństwo. O roli i funkcjach prasy w państwie socjalistycznym. W., 1964, s. 71. Por. także s. 70—75.

Остальные авторы разделяют эту систематизацию дат. Так, Т. Купис предлагает хронологические границы: 1944—1948 гг.; 1949—1955 гг.; 1956 г. и далее (Por.: T. Kupis. Zawód dziennikarza w Polsce Ludowej. W., 1966, ss. 47, 49; Współczesna prasa polska, W., UW 1967, s. 16—23). Публицист Зыгмунт Бронярек определяет рамки первого периода 1944—1948/49 гг., а рубежи «минувшего периода» — 1949—1956 гг. (Por.: «Prasa Polska», 1969, nr 5, s. 12). Заместитель заведующего отделом пропаганды, печати и издательств ЦК ПОРП Веслав Бек приводит соответственно даты: 1944—1948 гг. и 1948—1956 гг. (Por.: «Prasa Polska», 1969, nr 7, s. 3—4). Наконец, Бр. Голембёвский выделяет: 1944—1948 гг.; 1949—1955 г.; затем 1956—1968 гг. (Por.: “Zeszyty Prasoznawcze”, 1970, nr 3, s. 13).

¹² T. Kupis. Zawód dziennikarza w Polsce Ludowej, s. 96.

¹³ M. Szulczewski. Prasa i społeczeństwo, s. 70—71.

«до». Новое качество выступает порой исподволь, постепенно и, напротив, прежнее, старое качество может рецидивировать в новом периоде. «Как и сама жизнь, пресса находится всегда в становлении, и ничто в ней никогда не закончено»¹⁴.

Но сколько всего таких периодов, этапов: три (И. Прухницкий, М. Шульчевский, Т. Купис и другие) или четыре (Ю. Скшыпек)?

* * *

Наметив границы основных хронологических периодов, историки современной польской печати переходят теперь к следующей, более углубленной задаче — выяснению внутренней структуры каждого периода. Становится понятным, что перед нами не столько исторические «монументы», однородные и однотонные на всей протяженности, сколько образования, чрезвычайно сложные по своему составу.

К примеру, период, наступивший после 1955 г. Характеризуя его, Бр. Голембёвский считает нужным отметить следующее: «Публицистика проявила себя с новой силой в 1956 г., однако в специфической атмосфере и часто — под эгидой людей, которые внезапно повернули фронт аргументации и взгляды чуть ли не на 180°, что у многих дезориентированных публицистов не вызвало охоты вдаваться более широко в область теоретического анализа»¹⁵.

IX пленум ЦК ПОРП (май 1957 г.) подверг критике вылазки ревизионистов в печати. Однако решительного перелома не наступило. Борьба с ревизионизмом, — считает автор, — «не оказалась широко начатой и развитой в должной степени. Во многих редакциях и в дальнейшем ключевые позиции публицистов — теоретиков и марксистов оставались монополией политических ревизионистов или тех, кто сочувствовал им из-за снобизма и ради того, чтобы приподнять собственный ложно понятый ранг в «среде публицистов-марксистов»¹⁶. Одним из следствий такого положения

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е, т. 1, стр. 166.

Так, Т. Купис, например, датируя начало третьего периода истории журналистики ПНР 1956 г., начинает, однако, его описание с экскурса: «Впервые методы деятельности печати были подвергнуты критике на заседании Политбюро ЦК ПОРП уже в июне 1953 г. Важную роль сыграла также критика печати на общем собрании Варшавского отделения Союза польских журналистов (СПЖ) в ноябре того же года. Но коренная дискуссия о печати и ее роли в нашей системе развернулась в 1956 г.» — (Т. Kupis. Współczesna prasa polska, s. 19—20).

Аналогичен подход к этому периоду и известного публициста Генрика Коротынского. Он тоже связывает с 1956 г. наступление качественно нового этапа. Но предварительно напомним: «Сравнительно рано, на рубеже 1953—1954 годов, начался период преодоления этих недостатков печати. Партийные органы поощряли деятельность в этом направлении» (Культура народной Польши. Варшава, 1966, стр. 80).

¹⁵ «Zeszyty Prasoznawcze», 1970, nr 3, s. 13.

¹⁶ Там же, s. 14.

стало, по мнению Бр. Голембёвского, открытое выступление ревизионистов вкупе с антисоциалистическими и антипольскими элементами в начале марта 1968 г. «Атака ревизионистов,— пишет он,— была направлена на постепенное овладение массовыми средствами распространения информации и культуры, на обращение силы их воздействия против партии так, как это было сделано в 1968 г. ревизионизмом и контрреволюцией в Чехословакии»¹⁷.

Этот взгляд подтверждается и уточняется хронологически некоторыми оценками деятельности ПОРП в недавнем прошлом. Выступая на VI съезде ПОРП (декабрь 1971 г.) с программным докладом Политбюро ЦК партии, Э. Герек отмечал: «Мы делаем выводы из опыта последних трудных лет, а также из опыта 1956—1959 гг., опыта, который до сих пор не был еще подвергнут должному вдумчивому анализу. Основной слабостью политики партии в этот период было то, что окончательное устранение определенных догматических и сектантских ошибок, а также восстановление нарушенной в предшествующие годы социалистической законности сопровождалось компромиссом с ревизионизмом и другими чуждыми нашей партии тенденциями в идеологии. Вредные последствия этого давали о себе знать в более поздний период, стали платформой для атак на фундаментальные идеологические и политические принципы и государственный строй нашего социалистического государства»¹⁸. Ранее, на VIII пленуме ЦК ПОРП (февраль 1971 г.), Э. Герек также подчеркнул: «...мы должны констатировать, что, к сожалению, где-то в середине шестидесятых годов, после IV съезда партии, все больше начал давать о себе знать кризис в руководстве партий и государством»¹⁹.

Таким образом, внутри периода, наступившего в 1956 г., намечается явная этапность: 1956—1959 гг. и 1960—1964 гг.

Несомненно, определенной вехой в новейшей истории ПНР стал и 1968 г. Однако сегодня уже ясно, что несмотря на свою этапность, он не разрешил всех противоречий, не оказался «концевым», завершающим очередной период в политической истории польской журналистики²⁰ и в истории самой Польши. Очевидна неизмеримо

¹⁷ Там же. Польские журналисты решительно отмежевались от идейных вдохновителей мартовской провокации: в течение 1968—1970 гг. из рядов СПЖ было изгнано более ста политических отщепенцев.

¹⁸ "Nowe Drogi", 1972, nr 1, s. 67.

¹⁹ "Trybuna Ludu", 1971, 8 lutego. IV съезд ПОРП состоялся в июне 1964 г.

²⁰ В июне 1971 г. проходил VIII съезд СПЖ. С отчетным докладом выступил председатель Главного правления союза Станислав Мойковский. Характеризуя деятельность журналистов за время между VII (март 1968 г.) и VIII съездами СПЖ, он, в частности, сказал: «Их инициатива и действия должны были развертываться в нелегких условиях, в обстановке недооценки тогдашним руководством партии растущей общественной напряженности и явного ограничения роли средств массовой информации и пропаганды» ("Trybuna Ludu", 1971 г., 12 czerwca).

Историк Владыслав Гура, раздумывая над общей периодизацией, предлагает еще одно хронологическое деление: «...Несмотря на ряд достижений, с начала шестидесятых годов обозначились существенные слабости и негативные

большая значимость событий на рубеже 1970/71 г.: VII (декабрь 1970 г.) и VIII (февраль 1971 г.) пленумы ЦК ПОРП, а затем — VI съезд ПОРП (декабрь 1971 г.). Окончательная цезура в хронологии придется, вероятнее всего, именно на 1971 г. «Новый политический климат, а также новый стиль работы партии и правительства,— говорится в отчете с Всепольского совещания публицистов,— создают широкие возможности для развития публицистики»²¹.

Ныне, с высот современности, лучше видится и предшествующий период (1949—1955 гг.) — тоже очень сложный в деятельности ПОРП, журналистов и жизни всей страны. Было время, когда говоря о печати и радио тех лет, подчеркивали в первую очередь недостатки, вызванные влиянием культа личности, деформацией некоторых норм социалистической демократии. Спору нет, упрощенная и несколько односторонняя аргументация, декларативность, схематизм и излишняя директивность наносили ущерб молодой журналистике. Но в тот же период печать и радио подняли народ на самоотверженный труд, проявив незаурядные способности коллективного организатора и агитатора. Своевременными представляются слова члена Политбюро ЦК ПОРП Станислава Ольшовского, сказанные на VIII съезде СПЖ. Вспоминая эпоху ускоренной индустриализации страны, начатую в 1948 г., он заметил, что именно та пора воспитала «целое поколение выдающихся публицистов и репортеров, которые хорошо послужили социалистическому строительству и которых отличали великое самопожертвование, сердечная связь с партией рабочего класса и самим рабочим классом. Сегодня надо культивировать эти, создаваемые годами, положительные качества журналистской среды»²².

Подлинный историзм, свободный от субъективности, позволит открыть в журналистике тех лет несомненное преобладание позитивных начал, накопление профессионального опыта и свою внутреннюю сложность, этапность.

Важным представляется и осмысление «начального» (Ю. Скшыпек) или «подготовительного» (М. Шульчевский) периода истории польской печати. Между тем, «в 1944—1948 гг. не были разработаны теоретические обоснования для осуществленной тогда модели печати,— пишет Т. Купис.— Можно даже утверждать, что авторы значительных исследований в области печатоведения не очень поняли существо перемен, происшедших в польской журналистике

явления. Не будучи разрешены вовремя, они привели к острому политическому и экономическому кризису. В связи с этим на переломе пятидесятих-шестидесятих годов мы отмечаем начало нового периода в истории Польши, не устанавливая, однако, точных дат» ("Z pola walki", 1971, nr. 4, s. 229).

Если перенести этот рубеж на историю печати, то начало 60-х годов откроет новый период ее развития. Но сейчас рано делать окончательные выводы. Тем более, что свою версию Вл. Гура излагает в порядке научной дискуссии.

²¹ "Trybuna Ludu", 1971, 9 listopada.

²² "Trybuna Ludu", 1971, 13 czerwca.

после 1944 г., не приняли в расчет очевидные уже тогда принципиальные различия в характере печати народной Польши в сравнении с предвоенной прессой»²³.

Изучение событий тех лет убеждает в правоте Ю. Скшыпека, который предложил поделить большой «подготовительный» период (1944—1948 гг.) на два отдельных: военный и послевоенный²⁴. Более того, при специальном изучении журналистики 1944—1948 гг. оказывается необходимым прибегнуть к дальнейшим хронологическим разделениям внутри каждого периода.

Сегодня это задача не из простых. Дело в том, что периодизация истории самой ПНР предлагается пока лишь в порядке дискуссионных обсуждений, в форме исследовательских «попыток». Таковы, например, публикации Владыслава Гуры и Мариана Жыховского²⁵. Несмотря на ряд ценных научных работ, еще не завершено и создание истории ППР (1942—1948 гг.) — предшественницы ПОРП²⁶. Поэтому и наша схема внутренней хронологии начальных периодов (1944—1948 гг.) истории польской печати тоже, до известной степени, носит предварительный характер.

«Военный» период (июль 1944 г. — август 1945 г.) — время окончательного разгрома гитлеровской Германии и становления новой польской государственности как внутри страны, так и на международной арене. ППР, возглавив антифашистский Национальный фронт, ведет упорную борьбу за сплочение всех демократических и патриотических сил.

Наблюдается бурный рост печати. Особенности ее развития в это время (общественно-политическая направленность, идейная ориентация, проявление общественных функций, организационно-издательская структура, правовое и экономическое положение) прямо зависят от укрепления народной власти, результатов деятельности и борьбы различных общественно-политических сил, а

²³ T. Kupis. *Zawód dziennikarza w Polsce Ludowej*, s. 47.

²⁴ Por.: „Zeszyty Prasoznawcze”, 1964, nr 3, s. 21—23.

Правда, в отличие от Ю. Скшыпека, другие историки, придерживающиеся того же мнения, несколько смещают конец «военного» периода. Ю. Скшыпек завершает его маем 1945 г., т. е. окончанием военных действий в Европе и освобождением всей территории Польши. Но более точным будет отнести окончание периода на август 1945 г. В июле — августе 1945 г. проходила Берлинская конференция трех держав (СССР, Великобритания и США), окончательно установившая западные границы Польши, т. е. по существу положившая конец событиям второй мировой войны.

²⁵ Por.: *Etapy rozwoju Polski Ludowej (próba periodyzacji)*. „Z pola walki”. 1971, nr 4, s. 225—250.

«Каждое периодизационное деление исторических свершений, — пишет Вл. Гур, имея в виду нынешний уровень достигнутого в исследованиях, — содержит в себе элементы конвенции и дискуссионности. Полагаю, однако, что выделение определенных узловых дат, отражающих пройденный путь, знаменующих окончание некоторых общественных процессов, является возможным и целесообразным, хотя, безусловно, в какой-то мере и неполным, упрощенным» (s. 227).

²⁶ Por.: N. Kolomejczyk. *Uwagi o aktualnych problemach badań nad dziejami Polskiej Partii Robotniczej*. — „Z pola walki”, 1971, nr 4, s. 213—222.

также международного положения Польского государства. Отсюда, подобно Вл. Гуре и М. Жыховскому, внутри «военного» периода следует различать отдельные хронологические «подэтапы»:

Июль 1944 г. — декабрь 1944 г. Образование и деятельность ПКНО — первого в истории Польши исполнительного органа народной власти.

Помимо армейской прессы, складывается система печати ПКНО — центральные и специализированные органы, издания народной власти на местах — воеводских, городских и повятовых Рад народных, воеводских управлений информации и пропаганды. Выходит периодика политических партий и различных общественных организаций, союзов, кооперативов. Появляется несколько «независимых демократических органов», которые выпускаются издательскими кооперативами. Вся эта пресса с различной последовательностью и глубиной, но одинаково активно борется за скорейшую победу над немецким фашизмом, освобождение всей Польши и создание демократического государства. Всего на освобожденных территориях Польши в 1944 г. насчитывалось около 60 периодических изданий²⁷.

Январь 1945 г. — август 1945 г. Усиление демократической государственности: ПКНО преобразован во Временное правительство Польской республики (декабрь 1944 г.). Осуществляется аграрная реформа, начинается процесс национализации основных отраслей народного хозяйства. В июне 1945 г. сформировано Временное правительство национального единства. Самый факт его образования знаменует дальнейшую консолидацию демократического лагеря и явился результатом упорной борьбы ППР за расширение блока Национального фронта.

Вместе с тем, включение в состав нового правительства некоторых деятелей бывшего эмигрантского «кабинета» в Лондоне создало известные предпосылки для активизации реакционных сил в стране, оживления мелкобуржуазных и либерально-буржуазных влияний. Идеологическая и политическая борьба обостряется.

Меняется «география» печати. Множится число партийных изданий. Наряду с популярными газетами и журналами издательского кооператива «Чытэльнік», возникает разнообразная периодика дерковных кругов. Становятся заметными качественные различия в печати. «Задачей первостепенного значения выступила тогда, прежде всего, проблема журналистских кадров, проблема политического и идейного облика профессии журналиста, а также ее организации»²⁸, — пишет Т. Купис.

Следующий, «послевоенный» начальный период (август 1945 г. — декабрь 1948 г.) истории польской печати предполагает учет примерно следующих «подэтапов»:

²⁷ Por.: Bibliografia prasy polskiej. 1944—1948, W., 1966.

²⁸ T. K u p i s. Zawód dziennikarza w Polsce Ludowej, s. 34.

Август 1945 г.—декабрь 1945 г. Для коммунистов это было время напряженной подготовки к I съезду ППР (декабрь 1945 г.), сыгравшей важную роль в деле укрепления позиций всего демократического лагеря и развертывания социалистических преобразований.

Печать ППР ведет ожесточенную борьбу с рупорами реакции — органами кулацкой Польской крестьянской партии, а также некоторыми католическими изданиями. В 1945 г. в стране насчитывалось уже до 600 различных газет и журналов.

Январь 1946 г.—январь 1947 г. Год, чрезвычайно богатый важными событиями: Крайова Рада Народова²⁹ принимает закон о национализации крупной и средней промышленности, транспорта и банков — январь 1946 г.; одобрение Всенародным референдумом политики блока демократических партий во главе с ППР — июнь 1946 г.; принятие Крайовой Радой Народовой трехлетнего Народного плана экономического восстановления (1947—1949 гг.) — сентябрь 1946 г.; соглашение о сотрудничестве и единстве действий ППР и ППС во всех областях общественно-политической и государственной жизни — ноябрь 1946 г.; победа блока демократических партий на выборах Законодательного сейма — январь 1947 г.

Усиливая наступательную борьбу против правых и вооруженного подполья, журналистика демократического лагеря, в первую очередь, печать ППР и ППС, все активнее обращается к насущным вопросам хозяйствования и общественной жизни, пропагандирует пример и опыт строителей новой Польши. Общее количество периодических изданий в 1946 г. достигло 900 названий.

Январь 1947 г.—декабрь 1948 г. Победа демократического лагеря на выборах в сейм во многом предопределила дальнейшее поступательное развитие страны. Несмотря на сложные явления во внутренней жизни ППР (постановка вопроса о правонационалистическом уклоне в партии на июльском и августовско-сентябрьском пленумах ЦК, 1948 г.), цельность этого «подэтапа» очевидна. Она открывается, прежде всего, в достижении существенной политической и хозяйственной стабилизации, идейном и организационном разгроме антисоциалистических сил.

Деятельность авангарда национальной журналистики протекает под знаком борьбы за успешную реализацию заданий трехлетнего плана и осуществление ряда важнейших социалистических преобразований, за политическое объединение польского рабочего движения, укрепление сотрудничества с Советским Союзом и другими странами социалистического содружества. Создание ПОРП (декабрь 1948 г.) и появление мощной единой рабочей печати, стоящей на платформе марксизма-ленинизма, оказало благотворное

²⁹ Крайова Рада Народова (КРН) — организационная форма и идейно-политический центр демократического антифашистского Национального фронта. Создана по инициативе ППР в январе 1944 г. и просуществовала до выборов Законодательного сейма (1947).

влияние на журналистику демократических партий и общественных организаций. В 1948 г. в республике насчитывалось уже более тысячи журналов и газет.

Изучение печати 1944—1948 гг. дает исследователям ключ к пониманию многих последующих явлений в национальной прессе. В те годы был заложен идейно-организационный фундамент и начал вырабатываться своеобразный образ «польской модели» журналистики молодого социалистического общества.

Обращение к печати первых лет народной Польши ставит перед нами еще один, особый вопрос: чем, в историческом плане, была польская прогрессивная журналистика (подпольная в стране и эмиграционная) периода антифашистского сопротивления и гитлеровской оккупации? Считать ли ее финалом истории прессы довоенной Польши или своеобразным прологом в журналистику послевоенной народной республики? Такой вопрос возникает потому, что при всей ее специфичности эту страницу истории нельзя рассматривать изолированно, вне связи с проблемой польской государственности и суверенности.

Вл. Гура, говоря об общей истории Польши, отвечает так: «Период от июля 1944 г. до августа 1945 г. может быть рассмотрен как бы в двойном аспекте. С одной стороны, он представляет последний периодизационный период освободительной борьбы польского народа в годы второй мировой войны и одновременно — первый период в истории народной Польши»³⁰.

Вражеское нашествие не стало полосой «безвременья» или «безвластия». Проблема государственно-политического, социального устройства возрожденной Польши тесно переплетается с задачами борьбы за освобождение и была острейшей темой публицистики военных лет. Содержание нелегальной периодики и листковой литературы различных патриотических групп, а с 1941 г. — изданий ППР и с 1944 г. — КРН, публицистика Союза польских патриотов в СССР (1943—1946 гг.) убеждают, что сразу после «сентябрьской катастрофы» 1939 г. коммунисты и примкнувшие к ним левые силы повели освободительно-революционную борьбу за национальную независимость и установление в будущей Польше новой, народно-демократической власти³¹. Борясь с захватчиками, они одновременно выступают против реставраторских намерений «лондонского правительства», его делегатуры (представительства в стране) и правого, реакционно-националистического подполья.

Взаимосвязь прессы антифашистского сопротивления с журналистикой ПНР очевидна. Публицист Ян Рушиц в статье «Всегда с Лениным» пишет: «В кратком обзоре ленинских традиций польской печати особо следует выделить значение этапа,

³⁰ "Z pola walki", 1971, nr 4, s. 229.

³¹ См. об этом подробнее: Польское рабочее движение в годы войны и гитлеровской оккупации. Сентябрь 1939 г. — январь 1945 г. Очерки истории. Пер. с польск. М., 1968. *Publicystyka konspiracyjna PPR. 1942—1945. Wybór artykułów*. W., tt. I (1962), II (1964), III (1967).

непосредственно предшествующего рождению народной Польши (Подчеркнуто мной.— В.К.),— периода варварской гитлеровской оккупации и героической борьбы польского народа против нацистского насилия... Именно тогда провозглашенные ППР лозунги национального и социального освобождения пропагандировала партийная печать». И далее: «Существенную роль в борьбе за новую демократическую Польшу сыграла также печать левых социалистических сил, радикального крестьянского движения и демократической интеллигенции»³².

М. Шульчевский уточняет характер такой взаимосвязи. «Первый период (истории журналистики ПНР.— В.К.),— полагает он,— это создание основ новой печати. Формирование таких основ, более идейное, нежели организационное, было начато прогрессивной конспиративной прессой. При явной идейной преемственности печать после освобождения начала действовать в столь отличных условиях, что можно, пожалуй, говорить только о традициях конспиративной прессы»³³.

Преемственность традиций, идейно-тематическая общность, а в некоторых случаях, даже — кадровая или, по названию, фактическому продолжению изданий позволяют нам рассматривать прогрессивную печать военной поры (до июля 1944 г.) как логическое введение в историю журналистики народной Польши.

* * *

В 1966 г. проходил Конгресс польской культуры. Выступая на нем, директор Центра исследований печати в Кракове И. Тетелёвская, в частности, сказала: «Если сегодня мы попытаемся упорядочить богатое и разнородное достояние многих исследователей и коллективов историков, описывающих трехсотлетние деяния польской печати, то здесь можно выделить два главных направления: первое — трактующее печать как источник для политической истории, истории литературы и истории общественной мысли; и второе — трактующее историю печати как самостоятельную историю журналистики... Надо сказать прямо: синтезированная история польской печати до сих пор еще не разработана»³⁴.

Другой краковский исследователь д-р Ян Шевчик более категоричен. Его статья «Заметки о истории и историософии польской печати» предваряется следующими словами: «История польской печати в принципе имеет не более, нежели чем статус вспомогательной дисциплины для других отраслей истории, она не вышла за пределы работ, сообщающих дополнительные данные, не выработала единой методологической концепции и не обладает четкой картиной проблемы в целом»³⁵.

³² «Демократический журналист», 1970, № 7, стр. 5.

³³ M. Szulc z e w s k i. Prasa i społeczeństwo, s. 71—72.

³⁴ "Prasa Polska", 1966, nr 11, s. 15.

³⁵ "Zeszyty Prasoznawcze", 1968, nr 4, s. 19.

В нашу задачу не входят анализ и оценка этих тезисов. К выступлениям двух исследователей мы обратились для того, чтобы показать требовательность, с какой польские коллеги судят о проделанной работе, и атмосферу творческих дискуссий, в которой протекает научный поиск. Явственно звучит мысль о необходимости создать научную методологию исследований в области истории журналистики. Об этом шла речь и на Всепольском симпозиуме историков печати (1967). «Исследования по истории журналистики... развернулись у нас в столь широких масштабах лишь после второй мировой войны,— говорил в своем выступлении Ю. Скшыпек.— Конечно, они существовали и прежде, но велись от случая к случаю, выполняя скорее всего регистраторскую функцию... Исследовательский метод, придерживающийся традиционных форм и рамок, если речь идет о истории польской журналистики до 1939 г., является недостаточным»³⁶.

Потребность в единой методологической концепции понятна. Без нее затруднительно анализировать конкретные периоды и «под-этапы» истории печати. Встав перед польскими исследователями, эта проблема еще раз подтвердила непреходящую ценность марксистско-ленинской науки о печати как составной части учения о пролетарской революции и строительстве социализма в современную эпоху. Уже создано несколько работ, представляющих серьезное осмысление ряда методологических вопросов теории и практики печати. Такова, например, новая монография М. Шульчевского «Политическая пропаганда. Понятия, функции, проблемы»³⁷.

Разумеется, методология, как всеобъемлющая система, возникает не сразу. Мы наблюдаем преимущественное обращение польских коллег к тем проблемам, которые представляются им наиболее актуальными и существенными. Опираясь на ленинское положение о том, что при неизбежно одной сущности (диктатура пролетариата) переход разных стран «от капитализма к коммунизму, конечно, не может не дать громадного обилия и разнообразия политических форм...»³⁸, они пробуют охарактеризовать развитие прессы ПНР в переходный период (от капитализма к социализму), установить взаимосвязь между национальным и интернациональным началами в журналистике социалистического лагеря.

В качестве иллюстрации суждение З. Бронярека: «Польская печать — и в этом большая заслуга партии и самой печати, — служа социализму и выполняя все интернациональные обязанности, хранит черты, которые отличают ее среди других социалистических государств. «Читальниковская» печать, печать католическая и «паксовская», «Форум», а с другой стороны, Клубы

³⁶ Historia prasy polskiej a kształtowanie się kultury narodowej. Księga referatów. W., 1967, ss. 1,7.

³⁷ M. Szulczewski. Propaganda polityczna. Pojęcia, funkcje, problemy. W., 1971 (str. 264).

³⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 35.

международной прессы и книги — все это проявления нашего специфического пути к уму читателя»³⁹.

Поясним примеры, на которые ссылается публицист.

«Чытэльніковская» печать. В 1944 г. на освобожденных польских землях, по инициативе коммунистов, возник издательско-просветительный кооператив «Чытэльнік» («Читатель»). С его помощью уже в первые послевоенные годы в стране заметно возрос выпуск массовых газет, журналов и книг. Но роль и одновременно заслуга «Чытэльніка» не только в этом. Периодика, выпускаемая кооперативом, имела свою особенность. «Чытэльніковские» газеты, — сообщает Т. Купис, — помимо партийных изданий (ППР, ППС, СЛ, СД, СП, ПСЛ), а также органов различных общественных, профсоюзных и других организаций, были учреждены как издания для беспартийной интеллигенции и так называемых средних слоев, — для тех, кто, несмотря на революционные перемены середины сороковых годов, сохранял выжидательную, пассивную или поначалу даже неприязненную позицию. Задача подобных газет заключалась в том, чтобы перетянуть эти читательские слои на сторону демократических преобразований; одним словом, — донести демократические идеи до тех кругов, в которые еще не могла в ту пору проникнуть печать рабочих партий»⁴⁰.

Печать католическая и «паксовская». Католическая церковь продолжает оказывать влияние на некоторые группы населения ПНР. Это находит свое отражение и в журналистике: сейчас в стране насчитывается около 50 религиозных и клерикальных периодических изданий, часть из них — массового характера. Следует различать периодику, подконтрольную епископату или его инстанциям, и газеты, журналы — органы общественных (иначе — светских) объединений католиков. Среди последних наибольшим авторитетом пользуются издания общества «Пакс» (лат. — «Мир»). Журналистика «Пакса» выражает патриотические устремления верующих, их желание активно участвовать в строительстве социалистической Польши, она во многих случаях конструктивно подходит к вопросу взаимоотношений государства и церкви, строит свою деятельность в целом на платформе Фронта единства народа (ФЕН).

«Форум». Еженедельник — обозрение мировой прессы. Близок, по типу издания, советскому еженедельнику «За рубежом». «Форум» оперативно развертывает широкую панораму международной жизни, способствуя наиболее полной информированности читателей и выполняя важные задачи контрпропагандистского характера.

Клубы международной прессы и книги. Созданы Управлением по распространению периодики и книг «Рух» («Движение») — службой, аналогичной советскому агентству «Союзпечать». В раз-

³⁹ «Prasa Polska», 1969, nr 5, s. 12.

⁴⁰ T. Kupis. Współczesna prasa polska, s. 63.

личных городах Польши открыто 53 таких клуба. Они располагают читальными и выставочными залами, ведут продажу зарубежных газет и журналов, книг, устраивают различные массовые мероприятия (лекции, дискуссии, вечера встреч и т. п.), организуют курсы изучения иностранных языков.

Факты, приведенные З. Броняреком, конечно, не исчерпывают всей специфичности «польской модели» как в отношении общественно-политической структуры печати, ее тематической специализации, так и оригинальных форм оргмассовой деятельности редакций не только газет и журналов, но также радио и телевидения. Можно было бы говорить далее о прессе демократических партий (Объединенная крестьянская партия, Демократическая партия) и Федерации социалистических союзов польской молодежи, входящих вместе с ПОРП в состав Фронта единства народа; о так называемых «региональных» изданиях на периферии, приобретающих всеобщую известность. Неповторимости «польской модели» способствуют и «мутации» (варианты) центральных и некоторых местных газет для читателей отдельных районов. Популярны «магазины» — особая форма субботне-воскресных выпусков ежедневных газет. Они отличаются широтой тематики, своеобразным оформлением, выходят увеличенными тиражами.

Заслуженный интерес вызывают фабрично-заводские Центры пропаганды и информации. В них объединены редакции многотиражной и стенных газет, местного радиовещания, группа «визуальной» (наглядной) агитации, коллектив пропагандистов и лекторов. Наконец, полноводье редакционных инициатив: десятки самых разнообразных массовых начинаний — смотры, плебисциты, анкетные опросы, соревнования, конкурсы на тематические воспоминания, премирование, выборы различных лауреатов, создание внушительных читательских «копилков» — денежных взносов на общественные нужды. Или телевизионная «Трибуна гражданина» — беседа-дискуссия миллионов телезрителей с руководителями партии и правительства, видными общественно-политическими деятелями.

Что же касается службы «Рух», она вправе гордиться не только солидными Клубами международной прессы. На ее счету и более 8,5 тысяч клубов-кофеен в городах, местечках и деревнях. 82 тысячи активистов — членов общественных советов этих клубов неустанно распространяют периодическую печать, устраивают встречи журналистов с читателями, проводят многочисленные культурно-просветительные мероприятия...

Большой и важный вопрос о печати — национальной по форме и социалистической по содержанию, еще ждет своего полного определения в истории журналистики ПНР. О том, насколько он сложен сегодня, свидетельствует хотя бы следующее высказывание публициста газеты «Трибуна люду» Рышарда Войны. «Тот, кто станет в будущем писать политическую историю польской печати после 1944 г., — говорил Р. Война на VIII съезде СПЖ, —

обнаружит при тщательном анализе трещину, проступающую то сильнее, то слабее. Я говорю не об отдельных публицистах, а о совокупности явлений... Были среди нас такие, кто хотел представить образование народной Польши как разрыв в цепи исторических судеб нашей страны. В их намерения входило формирование мнения ненационального по духу, т. е. такого, которое не принимает за отправной пункт историческое достоинство народа, положительное или отрицательное.

Пробуя создавать ненациональные послышки, они тем самым фальсифицировали основное содержание интернационализма. Интернационализм не может основываться на отрицании чувства национальной продолженности. Он—самая высокая, самая гуманная форма сублимации национального сознания»⁴¹.

К проблеме национальных начал обращался и профессор Мечислав Кафель. Отмечая несомненное влияние советского опыта на развитие журналистики ПНР, он в то же время добавляет: «...нельзя говорить о каком-то одном, абсолютно обязательном образце печати в странах с социалистическим строем. Представленные выше черты советской печати не встречаются в их полном собрании ни в одной из стран народной демократии. Независимо от общеполитического единства социалистической печати, пресса каждой из этих стран имеет собственные, обусловленные традицией, национальные черты»⁴².

Суждения Р. Войны и М. Кафеля следует дополнить.

Безусловно, будет грубой ошибкой игнорировать (и преувеличивать) роль национального фактора в развитии социалистического общества в целом и печати нового типа в республиках народной демократии, в частности. Его значение прямо вытекает из ленинского тезиса о том, что каждая нация внесет в строительство социализма определенное своеобразие. Поэтому принцип интернационализма, применительно к журналистике, не исключает, а, напротив, непременно вбирает в себя все ценное и свое в области формы и методов, что создано прогрессивной и патриотической прессой конкретной страны в прошлом, что возникает в ней сегодня. «Исследовать, изучить, отыскать, угадать, схватить национально-особенное, национально-специфическое»...⁴³ — так ставился вопрос В. И. Лениным. Тем более, если речь идет о Польше — стране очень давних и богатых традиций национальной журналистики.

Но очевидно и другое: внимание исследователя к национальным разновидностям в журналистике — не самоцель. Они важны, прежде всего, как проявление своеобразия «в конкретных подходах каждой страны к разрешению *единой* интернациональной

⁴¹ "Prasa Polska", 1971, nr. 8—9, s. 5—6.

⁴² М. Кафель. Prasoznawstwo. Wstęp do problematyki. W., 1966, s. 25.

⁴³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 77.

задачи»⁴⁴. Поняв это, мы тем самым устраним и опасность механического перенесения «полного собрания» черт одной национально-государственной «модели печати» в практику другой страны.

«Собственные» национальные черты в журналистике обусловлены не только продолженностью устойчивых традиций прошлого. В не меньшей мере они объяснимы особенностями современной политической жизни данной страны, конкретными социально-экономическими и культурными факторами. Не просто констатация наличия или «сохранности» национально-специфических свойств, а выяснение их роли, оценка перспектив их развития — важнейшая задача историка⁴⁵.

Братские страны успешно завершили переходный период своей истории. Они осуществили основные задачи революционного преобразования капитализма в социализм, воздвигли основы нового общества. «В настоящее время, — говорил на VIII съезде СЕПГ Л. И. Брежнев, — ряд стран социалистического содружества вступил в полосу развития, которую компартии этих стран определяют как строительство зрелого или развитого социализма»⁴⁶. Подобное полностью относится к Польше. «Мы находимся в начале нового, более высокого этапа социалистического развития Польши, — отметил Э. Герек в докладе на Первой Всепольской конференции ПОРП (октябрь 1973 г.). — „Мы располагаем всеми предпосылками для того, чтобы выработать и воплотить в жизнь в течение двух десятилетий программу построения в нашей стране развитого социалистического общества»⁴⁷.

В Советском Союзе создание основ социализма было закончено во второй половине 30-х годов. Современная советская журналистика — общественно-политический институт зрелого (развитого) социалистического общества, которое вступило в следующий, еще более величественный период своей истории — период

⁴⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 77.

⁴⁵ Определенные признаки, присущие журналистике ПНР в первые периоды ее развития, сегодня, например, претерпевают существенную эволюцию. Обратимся к тем же «читальниковским» газетам. «Спустя более чем двадцать лет, — указывает Т. Купис в очерке «Современная польская печать», — условия, породившие такой тип печати, радикально изменились» (стр. 63). Категория беспартийной интеллигенции и так называемые «средние слои», кому первоначально и были адресованы такие издания, стали ныне в польском обществе минимальными. «...Подавляющее большинство польской интеллигенции, — подтверждает Т. Купис, — выросло и получило образование уже в условиях народного государства... Но эти газеты функционируют по-прежнему, они выработали своеобразную модель издания, обладают постоянным, обширным и верным кругом читателей» (там же).

Кто теперь их читатели? «Чытальниковские» газеты... пользуются наибольшей популярностью в кругах работников умственного труда» (там же, стр. 85). Лишь по инерции их продолжают именовать в обиходе... «беспартийными». В наши дни такое определение означает единственно, что данные издания не являются органами какой-либо партии или общественно-массовой организации. Все «беспартийные» газеты твердо стоят на позициях ФЕН.

⁴⁶ «Правда», 1971, 17 июня.

⁴⁷ «Nowe Drogi», 1973, nr 11, ss. 13, 45.

развернутого строительства коммунизма. Невозможно «перешагнуть» через соответствующий период становления нового общества или произвольно, скоропалительно ввести в социально-политические институты такие задачи, методы и формы, что будут свойственны им только на последующей стадии развития. Усиление фактора общности, очевидная интеграция в области идеологической деятельности, т. е. все более широкое применение коллективного опыта братской печати в профессиональной практике журналистики отдельной страны, развитие процесса сближения и взаимообогащения «собственных» национальных начал в масштабах журналистики всего социалистического лагеря предполагают одновременно и обязательный учет особенностей сегодняшнего этапа внутреннего развития каждой страны содружества, ее национальных и национально-государственных условий.

Отсюда, однако, никак не следует, что между журналистикой обществ, находящихся на разных рубежах строительства единой коммунистической формации, возмозжен какой-то барьер. Речь идет лишь об исторически закономерных различиях и традиционных национальных чертах в прессе отдельных государств социалистической системы. Переход братских стран от одного этапа развития к другому протекает в особо благоприятной обстановке. Она способствует ускорению темпов социалистического строительства, помогает органично увязывать вопросы текущего момента с перспективными целями общества. Во многих государствах содружества давно сложились условия, позволяющие уверенно заимствовать современный опыт выступлений советской печати по важнейшим вопросам идейно-воспитательной, хозяйственно-экономической, культурной и организационно-массовой работы.

Установить, как польская печать на разных этапах истории ПНР следовала закономерностям, общим для журналистики всех стран, строящих социализм; как творчески претворяла эти закономерности в специфических «местных» условиях, дополняя их традициями и опытом национальной прогрессивной журналистики, — важнейшая методологическая задача исследователей польской «модели», как, впрочем, и печати любой страны социалистического содружества. В недавнем прошлом решение подобной задачи сдерживалось из-за известной «молодости» нового общества в республиках народной демократии. Но теперь, когда накоплен достаточный исторический опыт революционных преобразований в различных странах, мы можем, замечает профессор Ш. П. Санаков, представить общие закономерности и специфические особенности развития «более четко, чем это было возможно в ранние периоды возникновения социалистической системы»⁴⁸.

Помимо познавательной ценности, история польской журналистики эпохи строительства основ социализма имеет и несомнен-

⁴⁸ Ш. П. Санаков. Мировая система социализма. Основные проблемы и этапы развития. М., 1968, стр. 43.

ное актуальное значение. Практика печати того периода выработала ряд свойств, черт, направлений, приемов и т. д., которые и в дальнейшем будут сказываться на особенностях развития журналистики ПНР. Очевидно, также, что в опыте польской печати заключены явления не только сугубо «национально-специфические», но и такие, что расширяют наше познание путей и форм становления журналистики социалистического общества в современном мире.

* * *

В какой степени основные этапы «политической истории» печати ПНР совпадают с соответствующими периодами развития журналистики в других государствах мировой социалистической системы? Разумеется, — в государствах, близких по историко-политическим, социально-экономическим и культурным характеристикам. Иными словами, возможны ли общие вехи в истории журналистики для ряда, группы стран нашего содружества?

Такие вопросы оправданы. Передавая друг другу опыт, братские страны коллективно разрабатывают и решают принципиальные проблемы общественно-политического переустройства жизни. Единые для всех закономерности развития претворяются в их практике нередко почти одновременно и порой — в достаточно схожих формах. Тема эта заслуживает специального рассмотрения. В настоящей статье мы ограничимся лишь несколькими сопоставлениями.

Так, ученые института журналистики Лейпцигского университета первым периодом (этапом) в становлении послевоенной журналистики на востоке Германии считают 1945—1949 гг. — время, когда создавалась антифашистско-демократическая система печати. Исследователь журналистики ЧССР П. И. Пронин примерно теми же сроками (1945—1948 гг.) обозначает первый период истории возрожденной печати Чехословакии. Г. А. Герасимова, в качестве таковых для журналистики Венгрии, называет 1945—1948 гг. Болгарский исследователь Лалю Димитров также устанавливает границы начального периода развития народной журналистики в пределах 1944—1948 гг.⁴⁹

Повторение дат не случайно. Завершение начального этапа истории журналистики совпадает в названных и других братских странах с окончанием процесса перерастания народно-демократических революций в революцию социалистическую, утверждением диктатуры пролетариата, ликвидацией политического раскола ра-

⁴⁹ См. об этом подробнее: П. И. Пронин. Коммунистическая печать Чехословакии. МГУ, 1963; Г. А. Герасимова. Коммунистическая печать Венгрии. МГУ, 1967; Л. Димитров. Богата и боева платформа за нашата журналистика. София, 1971; *Geschichte der Deutschen Presse*. L., Karl-Marx-Universität, Lehrbrief 14, Teil 1 (1963), Teil II/III (1964).

бочего класса и принятием первых планов восстановления и развития народного хозяйства.

Подобные сближения открываются и при рассмотрении границ следующего периода истории журналистики. Если начало его приходится на рубеж 1948—1949 гг., то в качестве конечной даты исследователи называют тот же, что и для печати ПНР, 1956 г. Историческая обусловленность этого очевидна. Период с 1948—1949 по 1956 г. — время развертывания строительства социализма в республиках народной демократии. Наконец, для многих из них те годы — полоса борьбы против догматиков, а еще более — против правых ревизионистов и антисоциалистических сил.

Сложно, как уже говорилось прежде, устанавливать сегодня окончательные и общие исторические акценты для периода, наступившего после 1956 г. Однако некоторые параллели намечаются. Так, перед журналистами ГДР новые задачи встали еще в 1967 г., когда VII съезд СЕПГ провозгласил программу создания развитого социалистического общества. Болгарские журналисты исключительное значение для дальнейшего развития своей печати придают решениям, принятым на июльском (1968), а также — сентябрьском (1969) и апрельском (1970) пленумах ЦК БКП. Не надо доказывать, что 1968—1970 гг. были переломными для всей системы средств массовой информации и пропаганды в ЧССР. Напомним и о внимании польских журналистов к хронологическому отрезку 1968—1970 гг.⁵⁰ И снова совпадения по существу. С разной степенью остроты в жизни различных социалистических стран проверялось общее для всех: зрелость национальной журналистики, ее способность дать решительный отпор идеологическим диверсиям империализма, поискам ревизионистских и реакционных элементов. В те же годы печать активно поддерживает дальнейшее сближение народов и государств социалистического содружества, популяризирует богатый опыт их сотрудничества и единства действий, помогает разработке комплексной программы экономической интеграции стран — членов СЭВ.

Эти и ряд других фактов подготавливают вывод: журналистике братских стран присуща значительная историческая общность — как в периодизации, так и по основному содержанию главных этапов ее развития.

⁵⁰ См. об этом: Печать, радио, телевизията и борбата против идеологическата диверсия на империализма. София, 1969; Г. Бокков. Журналистика, публицистика, време. София, 1970; W. Lamberz. Probleme der weiteren journalistischen Arbeit nach der Annahme der sozialistischen Verfassung der DDR. Halle, 1968, Schriftenreihe, Heft 44.

СОДЕРЖАНИЕ

А. И. КУРАСОВ. В одном ряду с ленинской «Искрой»	3
М. Е. АГАФОНОВ. Трибуна уфимских большевиков	22
В. А. ПАВЛОВ. Крах буржуазной прессы Урала 1917 года	41
А. Н. САФОНОВА. «Уральский рабочий» — борец за развитие народной инициативы	60
М. М. КОВАЛЕВА. «Литературная газета» в 1841—1845 гг. . . .	72
С. Л. ТИМОФЕЕВА. О партийном руководстве печатью в ГДР (1949—1955 гг.)	95
В. В. КЕЛЬНИК. Этапы развития журналистики ПНР. К вопросу о периодизации и проблематике	120

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ПЕЧАТИ

Редактор *Е. Ф. Шамес*
 Технический редактор *Л. П. Чистякова*
 Корректор *Т. В. Матвеева*

Сдано в набор 7/VI 1972 г. Формат 60×90/16. Подписано к печати 20/IX 1974 г.
 Усл.-печ. 8,75 л. Уч.-изд. 8,5 л. Тираж 600 экз. НС 18399. Заказ 321. Цена 90 коп.
 Уральский ордена Трудового Красного Знамени
 государственный университет имени А. М. Горького,
 Свердловск, проспект Ленина, 51.

Типография изд-ва «Уральский рабочий»,
 Свердловск, проспект Ленина, 49.